

АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ АРХИТЕКТУРЫ И ИСКУССТВА

В. Г. МУРАДОВ

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО
АЗЕРБАЙДЖАНА
XIII — XVI ВВ.

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Азербайджанской ССР*

Редактор академик АН Аз. ССР А. В. Саламзаде

Мурадов В.Г.

Градостроительство Азербайджана XIII-XVI вв. – Баку: Элм, 1984. – 132 с., - ил.

В работе прослеживается архитектурно-планировочное развитие средневековых городов Азербайджана с учетом социально-экономических и политико-исторических факторов, обусловивших своеобразие их градостроительной структуры. Рассматриваются принципы организации градостроительных ансамблей, архитектура структурных элементов города – кварталов, площадей, улиц, озеленения, а также типология строительства на примере пяти самых крупных городов того времени – Тебриза, Шемахи, Ардебил, Султани и Нахичевани.

80102 - 000
М ————— 93-83
М-655-83

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
<i>Глава 1</i> ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА ГОРОДОВ АЗЕРБАЙДЖАНА КОНЦА XIII – XVI вв.	7
Социально-экономические и исторические факторы, определившие возникновение и сложение городов	7
Влияние природно-климатических условий на сложение общей структуры городов	11
Роль оборонительной системы городов в сложении их планировки	15
<i>Глава 2</i> ГОРОДА ЭПОХИ И ТИПЫ ИХ АРХИТЕКТУРНЫХ СООРУЖЕНИЙ	19
Градостроительная характеристика главных городов	19
Типы архитектурных сооружений эпохи	37
<i>Глава 3</i> СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ГОРОДА И БЛАГОУСТРОЙСТВО	50
Заключение	56
Примечания	57
Принятые сокращения	62

ВВЕДЕНИЕ

Проблема реконструкции, а также регенерации исторически сложившихся городов, с каждым годом приобретает все большую значимость и правильное разрешение ее требует учета взаимосвязей между всеми элементами ее объемно-планировочной структуры. Процесс формирования композиции города в его историческом развитии проходит через определенные этапы неизбежного изменения как планировки и застройки, так и архитектурно-художественного облика. Исследования градостроительного наследия, ярко отражающего социально-экономическое и культурное развитие страны, дают возможность выявить ряд прогрессивных и рациональных планировочно-композиционных приемов, что несомненно имеет не только научно-теоретическую, но и практическую ценность.

Классики марксизма-ленинизма придавали важное значение сохранению и изучению культурного наследия прошлого. Основатель Советского государства, В.И. Ленин писал: «Марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеологии революционного пролетариата тем, что марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры» [6, 454] и подчеркивал, что необходимо «развитие лучших образцов, традиций, результатов существующей культуры с точки зрения миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры» [5, 301].

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла широкий путь к претворению в жизнь ленинского учения об отношении к культурному наследию народов многонационального Советского Союза. С каждым годом объем работ по изучению памятников культуры в союзных республиках, в частности в Азербайджане, все более возрастает.

Архитектурно-планировочное развитие городов Азербайджана конца XIII - XVI вв. является одной из наименее изученных и скупо освещенных областей истории азербайджанской архитектуры. Необходимо отметить, что подробно градостроительное искусство феодального периода азербайджанскими учеными до недавнего времени не изучалось. Оно частично рассматривалось лишь в отдельных главах монографий по архитектуре Азербайджана.

Средневековым городам Азербайджана посвящено небольшое количество работ. Среди публикаций зарубежных авторов ценные историко-архитектурные сведения о ряде из них содержат монографии П. Косты [248] и Ф. Зарре [272]. Привлекает внимание статья Е. Бюдуина и А. Поупа [241] «Планы города», опубликованная в многотомном обзорном издании «Персидское искусство». Однако вопросы формирования городов освещены в ней в отрыве от социально-экономических условий, и потому их развитие не нашло должного объяснения. В работе Л. Лоуренса содержатся в основном краткие исторические сведения, почерпнутые из описаний современников и путешественников [267].

В ряду работ ученых-востоковедов выгодно отличаются статьи В. Минорского [251], посвященные крупным городам страны — Тебризу, Султани, Нахичевани, Мараге, и монография В. Бартольда [33], где представлены весьма ценные историко-архитектурные сведения.

При изучении архитектуры и истории городов феодального Азербайджана апеллировали к археологическим раскопкам, проводившимся на территории старой Гянджи [78, 20], Байлакана [198], Кабалы [98, 227] и позволяющим осветить некоторые вопросы былой планировочной структуры и оборонительной системы этих городов.

Для характеристики планировочной структуры городов Азербайджана XVIII — нач. XIX в. большое значение имеют планы Баку, Гянджи, Нахичевани и Шемахи, составленные русскими военными инженерами и хранящиеся в ЦГВИА СССР. Впервые эти планы проанализированы и опубликованы А. В. Саламзаде [177]. Следует отметить, что медленное изменение планировочной структуры городов средневекового Востока, в том числе Азербайджана, позволило нам частично использовать эти графические материалы для выяснения некоторых вопросов градостроительства даже XVI — XVII вв.

Важнейшая роль в деле изучения градостроительного искусства Азербайджана в средневековый период принадлежит трудам А. В. Саламзаде [178] и Л. С. Бретаницкого [48, 50]. Представляют интерес кандидатские диссертации Р. Д. Салаевой [172], М. Н. Мамедбейли [118], а также монографии Э. В. Авалова [7], А. В. Саламзаде с соавт. [180], посвященные в основном изучению градостроительной культуры Азербайджана после XVII в. В них обобщены архитектурная история и местные градостроительные традиции, определены практические пути решения вопросов сохранения исторического облика Шуши, Шеки, Ордубада, Баку и Лагича.

Хронологические рамки настоящей работы ограничиваются в основном XIII — XVI вв. Предшествующее XIV в. столетие характеризовалось монгольскими нашествиями и военными набегами, приведшими к временному расстройству хозяйства и культуры страны. Лишь с конца XIII в. благодаря сложившейся при Ильханидах относительно благополучной общественно-политической обстановке сначала в столичном Тебризе, а затем в других городах оживляется городская жизнь, бурно развивается культура. Небывалое по размаху строительство в южных областях Азербайджана оказало значительное влияние на

архитектуру феодальных государственных образований XV в. — Кара-Коюнлу, Ак-Коюнлу и государства ширваншахов.

Образование в начале XVI в. централизованного государства Сефевидов, характеризовавшегося неустойчивостью экономической и культурной жизни, открыло новый этап в развитии городов, чему с 30-х годов того же столетия препятствовали турецко-иранские войны.

Дошедшие до нас прекрасные примеры архитектуры XIV — XV вв., которые сочетали высокую художественную выразительность с развитой для того времени строительной техникой, позволяют подтвердить, что этот период был одним из самых ярких в развитии средневекового градостроительного искусства Азербайджана.

В XIII — XVI вв. города страны на пути своего развития пережили периоды подъема и упадка, что было следствием изменчивости политической обстановки: если первая четверть XIV в. характеризовалась подъемом городской жизни и возникновением новых городов, XV в. — развитием ранее сложившихся городов, то вторая половина XVI в. — застоем в градостроительстве. Лишь с конца XVI в. вновь наблюдается значительное развитие некоторых городов.

В это время Азербайджан посетил ряд западно-европейских и восточных путешественников (Р. Клавихо, И. Барбаро, А. Контарини, В. Тавернье, Ж. Шарден, К. Челеби, О. Челеби и др.), проявивших исключительную наблюдательность. Хотя подавляющее большинство их сведений, как и сведения более ранних арабских географов-путешественников IX — XII вв. (Ибн-Хаукаля, Ибн-Хордадбега, Ибн ал-Асира, Ибн-Мискавейха, Якута Хамави и др.) носит нарративный характер, причем многие из них отрывочны, поверхностны, пристрастны, а иногда даже ошибочны, тем не менее при отсутствии графических материалов они остаются ценными источниками для воссоздания архитектурно-планировочного облика городов Азербайджана.

Особой ценностью отличаются сведения Г. Клавихо [104], А. Контарини, Ф. Котова, А. Олеария [141], О. Челеби [214], Я. Стрейса и ряда других путешественников. Они позволяют «воссоздать аромат эпохи», необходимый для правильного понимания процесса развития городов в рассматриваемый исторический период, и в то же время требуют критического осмысления, ибо в них нашли отражение классовые тенденции и политико-экономические устремления их среды.

Задача воссоздания картины градостроительного искусства средневекового Азербайджана связана с изучением социально-экономической истории его городов. Значительным подспорьем в этом являются работы А. А. Ализаде, И. П. Петрушевского, И. М. Джафарзаде и других исследователей. За последние 20 лет опубликован ряд ценных монографий Л. С. Бретаницкого [47] и А. В. Саламзаде, С. О. Хан-Магомедова [212, 212], С. Б. Ашурбейли [24], Г. А. Джидди [82], Г. М. Ахмедова [27], И. А. Бабаева [28], Р. Мамедова [121] и других ученых, где систематизированы отдельные факторы по истории таких городов, как Баку, старая Гянджа (Кировабад), Дербент, Шемаха, Байлакан, Кабала, и в разных плоскостях прослежены особенности развития их архитектуры в исторической последовательности.

Нами градостроительство средневекового Азербайджана изучаемого периода рассмотрено на примере развития Тебриза, Нахичевани, Шемахи, Султании и Ардебилля. Выбор этих городов обусловлен тем, что все они некогда были столицами азербайджанских феодальных государств. Других городов, где градостроительные мероприятия осуществлялись бы в большем масштабе и значении, чем в этих городах, пожалуй, нет.

Исходя из социально-экономических, исторических и природно-климатических факторов прослежено развитие планировочной структуры, влияние на нее оборонительных систем городов, своеобразие решения элементов города — кварталов, площадей, улиц и озеленения (типология городского строительства) и другие вопросы. Однако это не означает, что настоящая работа исчерпывает все проблемы, связанные с развитием градостроительства Азербайджана в XIII — XVI вв.

Разработка намеченных нами вопросов связана с определенными трудностями. Главная из них — недостаточность исторических данных, касающихся планировки городов, а также разноязычность, разбросанность и порой противоречивость письменных источников. Серьезным препятствием являлось то, что в указанных городах в редких случаях сохранились значительные архитектурные ансамбли, позволяющие осмыслить их планировочную и пространственную структуру¹.

В ходе работы использованы архивные материалы, исторические хроники И. Мюнши [166], Х. Казвини [100, 101], Рашид ад-Дина [167]. К этой группе материалов можно отнести и целую коллекцию рисунков из рукописи турецкого художника XVI в. Насуха Матракчи «Меджму-и Меназил», хранящуюся в библиотеке Стамбульского университета и впервые, использованную нами для воссоздания конкретного представления о ряде городов (Тебриза, Султании, Хоя и Хамадана) [135].

Итак, привлечение широкого исторического материала позволило нам проследить общие принципы и закономерности в застройке и архитектурно-планировочной структуре городов Азербайджана в средневековый период.

¹ В этой связи обращено внимание на поучительный опыт В.А. Лаврова, А. В. Бунина, Г.А. Пугаченковой и Л. И. Ремпеля и др. 5

**Социально-экономические и исторические факторы,
определившие возникновение и сложение городов**

Многовековой исторический опыт показывает, что город, как и всякое другое культурное явление, тесно связан с условиями политического, социально-экономического и природно-климатического порядка, в русле которых происходит сложный процесс его возникновения и формирования. Искусство градостроения определяется структурой общества, уровнем развития производительных сил, культуры и историей народа.

Территория нынешнего Азербайджана с древнейших времен была одной из самых богатых, густонаселенных и культурных областей не только Закавказья, но и всего Ближнего Востока. Благоприятные природные условия, богатые естественные ресурсы, транзитные пути сообщения международного значения, проходящие через страну, способствовали ее экономическому развитию, а следовательно, и возникновению городов еще задолго до нашей эры.

Плодородность земель Кавказской Албании, одного из древних государственных образований на территории Азербайджана, искусственные оросительные каналы, проведенные в IV — VI вв. н. э. по Мильской [125, 51] и Муганской степям и благоприятно повлиявшие на земледелие, являлись основными предпосылками рождения здесь населенных пунктов. Еще в первые века нашей эры древнегреческий историк Клавдий Птолемей (70 — 147 гг. н. э.) упоминал названия около тридцати городов Азербайджана¹ [205, 2].

Многочисленными историческими исследованиями и археологическими раскопками установлено, что на территории Азербайджана появлению городов предшествовали другие типы поселений. Объективными закономерностями, способствующими превращению этих поселений в города, были в основном их общественно-политическое, экономическое и культурное развитие и необходимость обороны от внешних врагов. Возникновение городов на территории Азербайджана, так же как и в других странах, тесно связано с процессом развития частной собственности, классов и государства. Благоприятную почву для зарождения городов создавали также отделение ремесла от сельского хозяйства и постепенное развитие внутренней и внешней торговли. «Город уже представляет собой факт концентрации населения, орудий производства, потребностей и способов их удовлетворения» [1, 40].

Причину возникновения городов Азербайджана многие источники объясняют односторонне: как правило, действиями сасанидских шахов и правителей. Но, несмотря на такую тенденциозность, они во многом полезны для понимания историко-политических условий создания первоначального ядра населенных пунктов городского типа и помогают проследить этапы их развития [93, 15; 29, 12 — 48; 92, 11, 15].

Благодаря развитию феодального строя с характерным для него натуральным хозяйством и дальнейшему углублению разделения труда, росту ремесла и торговли процесс возникновения и формирования городов ускорился. Одни из них сложились на основе древних поселений [78, 102], а другие — вследствие роста феодальных крепостей и укрепленных пограничных пунктов, которые были построены в V — VI вв. — в сасанидский период.

В первые годы своего существования ряд городов выполнял военно-административную роль. Такими городами были Байлакан, Шемаха и Дербент. Последний в XI в. превратился из пограничной крепости в центр «с самостоятельным значением и самодовлеющими интересами» [22, 121]. В целях укрепления власти, а также для обеспечения хорошей связи с пограничными гарнизонами Сасанидское государство при Каваде I (489 — 531) осуществило строительство стратегической крепости Байлакан на удобном пути, который связывал Восточное Закавказье с центральными областями Ирана. Характер планировки городища свидетельствует о «единовременном сооружении, по единому плану» [96, 29; 25, 6]. Строительство почти квадратной крепости площадью около 40 га на свободном пространстве велось вне зависимости от каких-либо более древних поселений [96, 46].

Байлакан первоначально был чисто военным пунктом и располагался на одной из самых оживленных караванных дорог, которая начиналась в Барде, а затем через Мильскую степь тянулась в Ардебиль [234, 9]. Местоположение способствовало быстрому росту крепости. Очень скоро за ее пределами выросли ремесленные районы; развитию здесь в основном гончарного производства способствовало наличие глины и проточной воды Гяур-арха. Предполагается, что крепость и ирригационная система Гяур-арх представляли собой единый комплекс. Следовательно, город Байлакан своим происхождением обязан крепости, что соответствует одной из пяти гипотез — «бурговой» теории, претендующей на объяснение

¹ Два из них — Кабалака и Наксуана без колебаний можно отнести к известным ныне развалинам городов Кабалы и Нахичевани. Древняя Мамахея, или Кемахея, упоминаемая Птолемеем, отождествляется с Шемахой.

генезиса средневековых городов в Западной Европе. Однако эта теория, односторонне освещающая вопросы возникновения города, не может быть решающей, так как далеко не каждая крепость превратилась в город. Тем не менее строительство крепостей сыграло положительную роль в возникновении городов¹ [188, 41; 52, 73].

Не меньшее, чем стратегические и природно-климатические факторы, значение в сложном процессе развития городов сыграли добывающая и обрабатывающая промышленность. Сведения арабских ученых-путешественников IX — X вв. о наличии вокруг Баку месторождений белой и черной нефти свидетельствуют о влиянии на развитие экономической жизни постепенно развивающегося города производства нефти. Итак, судя по вышеприведенному, в превращении Баку из небольшого населенного пункта в город среднего значения того времени одним из решающих факторов было наличие экономической и производственной базы. Раскопками, проведенными на территории Ичери шехер, установлено, что вершина бакинского холма была застроена уже в IX в., причем сооружениями, предназначенными для феодальной верхушки [116, 117]. Некоторые авторы относят существование города Баку к VI в. н. э. [185, 2].

До завоевания Азербайджана арабами в различных уголках страны существовали общины христианства, идолопоклонников и огнепоклонников и центры их поклонения. В источниках имеются сведения о том, что еще в 624 г. н. э. византийский император Ираклий вторгся в Баку, в район священных огней, и разрушил много храмов огнепоклонников [213, 114; 37, 23; 23, 43]. Известные предположения, объясняющие название Баку («Bakhü» на древнегуджератском языке означает «к огню»), подтверждают частичную, может быть, даже решающую роль этих священных огней, мест поклонений в развитии города.

Ввиду того что Апшеронский полуостров, в частности Баку, был расположен в стороне от важнейших караванных (сухопутных) путей [192, б], в его торговых связях значение морского пути, естественно, должно было расти. Город имел очень удобную и незамерзающую природную бухту, что благоприятствовало морской торговле.

На основании всего сказанного можно прийти к выводу, что возникновение и развитие Баку определялось главным образом тремя градообразующими факторами: 1) священными огнями, 2) экономической базой, располагающей возможностью производства нефти и 3) наличием удобной гавани.

В ряде случаев месторождения полезных ископаемых, будучи зачатками экономики возникших около них населенных пунктов, способствовали быстрому превращению последних в большие города. Развитие средневекового города как социально-экономической категории теснейшим образом связано с положением в нем ремесла и его феодальной организацией, где способ производства, а не торговля, занимал ведущее место [204, 65]. Феодально-ремесленный способ производства во многом определил сложение городов Азербайджана.

Наибольшее развитие ремесленного производства в городах Азербайджана происходит в XI — XIII вв. — в эпоху совершенства ремесла во всей Передней Азии. Города феодального Востока, в частности Азербайджана, являлись средоточием ремесла [64, 22 — 40] и были заселены в основном ремесленно-торговым людом. Но ремесленное производство как таковое не превратилось в решающий фактор их развития. Для этого необходимо было наличие в производственном районе рынка, где ремесленники получили бы возможность реализовывать свои изделия [52, 78]. В городах появились важные жизненные центры — торговые площади, улицы, иногда и целые торговые районы, определившие основу их архитектурно-планировочной композиции.

Так как города возникали на землях, принадлежавших тем или иным феодалам, они полностью зависели от них как в экономическом, так и в политическом отношении. В обстановке политического господства феодальной аристократии города не имели самоуправления. Сохранение феодалами политической власти, их участие в экономической жизни городов, господство над прилегающей к городу территорией являлись основными предпосылками образования несвободного города [63, 11; 151, 87].

Население городов, полностью зависящих от феодалов, не могло вести объединенную борьбу «за взятие в свои руки городского управления», так как «почти каждый квартал, каждая улица были распределены между ними» [124, 220].

Господство феодалов в общественной жизни средневековых городов привело к появлению доминирующего узла в их планировочной структуре — цитаделей², где размещались резиденции правителей, являющиеся самостоятельными акцентами общей композиции городского организма. Располагаясь на естественно защищенной территории и занимая возвышенное положение, они резко выступали в окружении разнообразных и противоречивых по своей архитектуре невзрачных одноэтажных лачуг низшего сословия населения. Цитадели-резиденции приобретали таким образом большую внушительность по объему и архитектуре.

¹ Существуют разнообразные гипотезы в западноевропейских исторических и социально-экономических исследованиях, претендующих на генетические теории средневекового города.

² Цитадель — архитектурно-планировочная доминанта, где размещались дворцовые комплексы. В Азербайджане ее называли Ичкала (внутренняя крепость), Балакала (малая крепость), иногда Нарынкала, а в Средней Азии — арк.

Правящая верхушка не жалела средств на их оформление, так как в первое время, когда вокруг них еще не росли шахристаны, составляющие внутреннюю часть города, и оживленные торгово-ремесленные предместья рабады (байыр шехер), цитадели располагали административными центрами. По мере развития производительных сил значение шахристанов и рабадов, где последовательно функционируют административно-общественные и экономический центры, возрастает.

В связи с возникновением рабадов (форштадтов) — мест средоточия многочисленных торгово-ремесленных мастерских, связанных в частности с обслуживанием населения, наступает третий этап в развитии плана городов. Возникают новые центры общегородского значения, соответствующие общему развитию социально-экономического положения городской общины. Иногда байыр шехер защищались системой оборонительных сооружений, за которыми укрывалось население окрестностей в случае опасности.

Процесс формирования структуры города, обусловленный социально-экономическим развитием, протекает тем интенсивнее, чем больше возрастает его население, и является следствием не столько эстетических, сколько функциональных, социальных и бытовых нужд средневекового общества, требующих координации составляющих компонентов города в единое целое.

Ремесленно-торговый профиль экономики феодальных городов Азербайджана способствовал образованию крупных торгово-ремесленных комплексов, органически переплетающихся с уже сложившимися районами. Ремесленное производство и торговля определяли характер архитектуры не только торговых и производственных сооружений, но и планировочно-композиционных приемов целых районов. Производственные и торговые здания, объединенные в группы, создавали важные торгово-общественные центры — базары [279]. Иногда от таких центров расходились торговые улицы, перекрытые на всем протяжении сводами, что отвечало климатическим условиям южных городов. Значение подобных комплексов в экономике таких городов, как Тебриз, Ардебиль, Баку и другие [175] было довольно велико.

Хотя планировочная и объёмно-пространственная структура городов формировалась стихийно и спонтанно, однако в их сложении наблюдаются общие закономерности. Наиболее возвышенную и защищенную часть городов занимали цитадели, вокруг которых возникали шахристаны, обнесённые крепостными стенами и сосредоточивающие крупные общественные, культовые и жилые сооружения, а затем располагались кварталы ремесленников и мелких торговцев — рабады. Подобного рода трехчастность планировочной структуры феодальных городов Азербайджана характерна и для среднеазиатских городов [110, 68]. Со временем трехчастная композиция города теряет свое абсолютное значение [7, 22]. Она не была обязательно концентрической и варьировалась в зависимости от конкретных условий¹.

Во все периоды развития городов в результате прилива жителей из окрестностей, с возникновением за городскими стенами новых кварталов, общественных зданий и торговых комплексов меняется не только их внешний облик, но и сама структура. Судя по историческим данным, такого рода формирование планировочной структуры характерно для Барды [194] и Гянджи.

Планировочной структуре городов в XIII — XVI вв. присуща одна общая закономерность, которая вытекала не только из градостроительных соображений, но и из социальных и общественно-производственных отношений населения. Это в первую очередь относится к торгово-ремесленным районам — рабадам, которые состояли из различных по размерам кварталов, объединенных по производственным, этническим, религиозным и другим особенностям.

«Относительная общность некоторых черт искусства народов Среднего Востока основывалась на общности идеологии, эстетических и этических взглядов, в чем, несомненно, немаловажную роль играло и единство религии» [103, 8]. Это положение можно отнести и к градостроительству. Соблюдаемые принципы замкнутости внутреннего пространства в создании культовых и других комплексов, решение торговых площадей включением в их композицию, как правило, мечетей, нередко игравших главенствующую роль², объясняется известным влиянием религии. Схожие черты в планах были порождены также единством общественных задач и социально-бытового уклада. Однако надо указать, что исторические условия возникновения и сложения городов отличались своей специфичностью друг от друга; формы развития феодальных отношений в отдельных областях страны имели местную особенность.

Всякое изменение социально-экономических и общественных отношений в определенной степени влияет на общую архитектурно-планировочную структуру городов. Это мнение подтверждается сравнением планировочных особенностей городов различных по содержанию обществ — рабовладельческого и феодального. Если в первом случае города имели обычно регулярную планировку с ярко выраженным

¹ В некоторых случаях в силу стратегически выгодных и своеобразных топографических условий отпала необходимость разделения феодального города на шахристан и рабад. См.: Э. В. А в а л о в. Архитектура города Шуши. Баку, 1977, стр. 22.

² Н. В. Баранов, отмечая большую роль культовых сооружений в застройке города, совершенно справедливо писал: «Культовые здания очень часто достигали громадных размеров и большой высоты и в силу этого главенствовали над городской застройкой... значительные размеры и характерные силуэты этих зданий были призваны воплощать и утверждать непогрешимость религии и власть церкви».

городским центром и правильным расположением кварталов, то во втором — бессистемную и тесную застройку со сложной и причудливой сетью улиц.

В планировочной структуре и пространственной композиции городов средневекового Востока преобладали цитадели и базары. Их архитектура обуславливалась соответствующими социально-историческими условиями и экономикой не только данного города, но и всего феодального общества. В городах Западной Европы, как известно, купеческим организациям и ремесленным цехам принадлежали монументальные общественные и производственные здания, которые во многом определяли формирование архитектурно-художественного облика городов. Западноевропейские цехи были основными застройщиками, имели свой строительный бюджет, свои приходские церкви, больницы и ночную военную охрану. В Азербайджане ремесленные и различные купеческие организации в управлении городов непосредственно не участвовали, они не играли большой политической роли в городской сфере и, в отличие от западноевропейских цехов, занимающих важное место в условиях свободного города, не проявлялись как военные организации, мобилизующие население в городское ополчение [158, 53].

Мы не имеем прямых подтверждений того, что ремесленные организации средневекового Азербайджана участвовали в постройке общественных зданий в городах или вносили определенную денежную сумму взамен своего участия в строительных работах. В соседней Грузии подобные организации — амкары участвовали в строительстве общественных зданий [124, 388]. Вполне возможно, что такое явление существовало и в городах Азербайджана.

Обусловленные социально-историческими и природно-географическими факторами различные архитектурные школы [45, 65] накладывали свой отпечаток на художественный облик сооружений и планировку городов.

Захват Азербайджана монголами в XIII в. сопровождался разрушением городов и оросительных систем, многочисленными человеческими жертвами, превращением большого числа населения, в том числе ремесленников, в рабов. Тяжелая для населения система налогов и податей отбросила назад строительство. Ремесленники завоеванных городов Передней Азии, а также Азербайджана принудительно работали на строительных объектах и в различных мастерских — кархане [236, 18, 19]. В этот период в Тебризе были крупные текстильные мастерские, «кархане золотых дел мастеров и кузнецов», существовали оружейные мастера и т. д. [15].

Перемещение международных торговых караванных путей, способствуя бурному росту городов южных областей страны, привело к потере значения таковых северных, так как эти области были ареной нескончаемых войн между Хулагуидами и золотоордынскими ханами. Одной из основных была дорога, идущая из Султании на север, в сторону Дербента. Другим караванным путем, проходившим через Азербайджан, являлась западная большая дорога, или Султания — Конья, связывающая Азербайджан через Миянэ — Тебриз с Малой Азией. По этой дороге проезжали европейские купцы, в частности генуэзские, по ней следовал венецианец Марко Поло [149, 914], который дважды (в 1272 и в 1294 — 1295 гг.) посетил Тебриз и дал интересные сведения о городе [264; 127, 36].

С течением времени городская жизнь постепенно развивается; оживляется ремесленное производство. Новые растущие ремесленные кварталы располагаются согласно требованиям производства [16]. Проходящие через территорию Азербайджана караванные пути способствуют укреплению его торговых связей с восточными и западными соседями. Страна, отличающаяся благоприятным в стратегическом отношении расположением, хорошими природно-климатическими условиями, обилием естественных ресурсов привлекает хищнические взоры золотоордынских ханов. Они тянутся к богатствам Азербайджана, стремятся овладеть его промышленными предприятиями [15].

Несмотря на военные набеги монголов в начале XIII в., вызвавшие хозяйственное расстройство и временный культурный упадок, в Азербайджане с конца того же столетия в силу создавшихся благоприятных общественно-политических условий бурно развивается культура, в частности архитектура. Чтобы возродить резко упавшую экономику, Газан-хан проводит важные реформы в государственном и военном аппарате, в хозяйстве и строительстве. В результате большой сдвиг происходит в области градостроительства: строятся новые города, территория ранее существовавших значительно увеличивается, совершенствуется их планировочная структура, проводятся работы по реконструкции и благоустройству. С целью улучшения торговых связей между отдельными городами — ремесленными центрами при Газан-хане были приведены в порядок дороги, восстановлены разрушенные мосты, караван-сарай, а также построено много новых. Следует отметить, что тяжелый удар и большие разрушения, нанесенные Азербайджану в начале XIII в. монгольским нашествием, компенсируются интенсивным строительством чуть позже — при Ильханидах.

Строительство крупных ансамблей в городах осуществлялось в основном на средства феодалов. Например, Рашид ад-Дин возвел кварталы Руб-и Рашиди в Тебризе и Рашидия в Султании, восстановил 5 селений около Тебриза, в районе Диярбекра основал 14 селений и др. [151, 99]. Газан-хан построил пригород Тебриза Газанию, расширил Тебриз, построил город Махмудабад [100, 21; 84, 29] около

Сальяна¹. Ольджайту Ходабенде² завершил строительство города Султании, которое было начато еще его отцом Аргуном [129, 113].

После распада государства Хулагуидов в середине XIV в. возник ряд феодальных эмиратов — Чобанидов, Джелаиридов; особенно укрепилась дербентская династия ширваншахов. В период непродолжительного господства Тимуридов архитектура Азербайджана, особенно в его южных областях, временно утратила тот приоритет, который при Ильханидах возвышал ее на всем Востоке. В XV в. на политической арене страны фигурировали обретшее национальную самостоятельность государство ширваншахов и государства Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу. Эти государства обладали развитой экономикой и тесными связями со странами Востока и Европы.

Конец XV в. характеризуется экономической раздробленностью отдельных провинций Азербайджана и отсутствием хозяйственных связей между ними. Это обстоятельство выдвигало необходимость объединения азербайджанских земель вокруг сильного централизованного государства. Важным этапом в эволюции феодального общества в Азербайджане явилось образование государства Сефевидов. Было достигнуто более тесное, чем в предшествующую эпоху, экономическое, политическое и этническое сближение различных областей [94, 43].

В Сефевидский период города Азербайджана в силу неустойчивости культурной и экономической жизни пережили в своем развитии три этапа. Первый из них совпадает с периодом временного подъема городской жизни, второй охватывает время со второй половины XVI в. по конец 70-х годов XVII в., характеризующееся ростом некоторых городов, расцветом в них ремесел и торговли. Третий этап — это время упадка городов. После ослабления государства Сефевидов во второй половине XVII в. и учащения феодальных столкновений наблюдается процесс упадка градостроительства не только в Азербайджане, но и на всем Переднем Востоке.

Образование крупных городских центров, торговых комплексов с развитыми ремеслом и торговлей подтверждает улучшение политико-экономического положения Азербайджана после объединения северных и южных областей в составе единого государства. Однако в этот период архитектура, в частности градостроительство, не отличается значительными предшествующими достижениями и грандиозным размахом.

В XVI в. элементы самоуправления имели место в Тебризе и Ордубаде. Город Ордубад управлялся не кызылбашскими эмирами, а местными представителями азербайджанской знати. По этой причине О. А. Эфендиев указывает, что, в отличие от западноевропейских городов, «... в Азербайджане в XVI в. права городов были завоеваны не в борьбе, а основывались на том, что верхушка ряда городов (Тебриз, Ардебиль, Ордубад), оказывавшая поддержку Сефевидам, получила от них некоторые права самостоятельности, долю самоуправления по отношению к кызылбашской военщине» [232, 516].

В то же время шахом Тахмасибом I был отменен налог с ремесла и торговли (тамга), впервые введенный монгольскими ильханами [157, 198] и сильно тормозивший развитие ремесленной промышленности. В целях укрепления внешнеполитического положения сефевидские шахи ряд городов (Ордубад, Баку и Тебриз) полностью освободили от всех податей. Нередко происходившие в городах восстания показывали, сколь сильно страдало их население от гнета феодальной знати [154].

Влияние природно-климатических условий на сложение общей структуры городов

Если сходство общественно-экономических условий в различных областях Азербайджана рождало общие черты в планировке городов, то разнообразие природного ландшафта и климатических факторов приводило к индивидуальным структурным решениям.

При строительстве городов в средневековье специфические природные условия (здоровый климат местности, наличие пресной воды и строительных материалов, существующий рельеф, связь с торговыми дорогами и др.) учитывались как объективные предпосылки и важные составные элементы общей композиции. Особую заботу в средневековье составляло обеспечение безопасности города. С этой целью выбирались стратегически надежные участки, не требующие особых искусственных укреплений. Результату археологических раскопок в Азербайджане показывают, что еще первобытные люди при выборе естественных убежищ, как правило, охотно стремились к горным высотам и к местностям, имеющим благоприятные климатические условия, избегали застройки сырых низин или не освещенных солнцем северных склонов [55, 86].

Выбор места для строительства города и его ориентировка — очень древнее искусство, истоки которого восходят к глубокой древности [130, 129 — 133]. Подвергавшаяся испытанию долгих столетий

¹ Однако акад. Б. Дорн пишет: «Махмудабад не мог быть основан Газан-Махмудом потому, что о нем упоминают уже восточные писатели, жившие еще до времени этого ильхана».

² Ольджайту строил другой город — Султанабад — в Мугане на Каспийском побережье.

античная теория градостроительства, безусловно, оказала большое влияние на практику строительства городов в эпоху феодализма. Так, в XIV в. марагинский поэт Авхади изложил основные принципы выбора мест для строительства городов, которые сводятся к следующему: каждый правитель, имеющий достаточные средства, строит города и села, тем самым завоевывая славу и благочестие. Прежде всего выбирается хорошая местность, имеющая ориентацию к востоку. Эта местность должна иметь обеспеченность питьевой водой, местным строительным материалом (гажа, глина, лес), посевами. Кроме того, наличие поблизости рек, плодородных земель, летовок и зимовок, а также дорог, сообщающихся с окрестными городами и селами, имеет основополагающее значение. Не должна упускаться из виду и необходимость защиты данной местности [10, 82].

То же самое говорит другой автор XV в. Абд ар-Рашид ал-Бакуви: «... цари (прошлого) по совету мудрецов выбрали самую лучшую область в стране, самую лучшую местность в этой области и самое совершенное место в этой местности на побережьях, в горах, в местах, защищенных от северного ветра. Они построили для городов прочную (укрепленную) стену, а в стене — многочисленные ворота с тем, чтобы люди не толпились при входе и выходе. Лучшие места они отвели для правителя города и для мест собрания, для простых и соборных мечетей, для рынков, постоянных дворов и бань. А все остальные оставили для жилищ людей» [8, 12].

Правильный учет природных качеств способствовал появлению весьма интересных композиционных решений как в общей структуре городов, так и в их силуэте. Некоторые города располагались на равнинных местах, что позволило расти им во все стороны, т. е. способствовало концентрическому развитию. Такие города отличались ярко выраженной радиально-кольцевой системой планировки. К их числу можно отнести Султанию, Тебриз и Ардебиль.

Спокойный рельеф Ардебилля подсказал иную композицию плана, чем в Шемахе, Баку или же Дербенте. Свободная композиция плана Ардебилля в значительной степени определялась эффективным использованием рек, придавших городу индивидуальное своеобразие.

Чтобы избежать неприятного воздействия господствующих ветров, города располагались в защищенных от них местностях. Например, Шемаха и Баку занимали защищенные от ветров южные и восточные склоны холмов. Ардебиль расположен на юге горной цепи Савалан. Его «счастливое расположение», как указывает Р. А. Жуберт, дало ему прозвище «Абадан-Фируз», т. е. «Пребывание в блаженстве» [265, 167].

Когда в средневековых городах Азербайджана проводились значительные по масштабу градостроительные мероприятия, природные качества территории не претерпевали коренных изменений, и потому красота местной природы и ее своеобразный колорит накладывали свой отпечаток на их архитектурный облик. В средневековье, как правило, «застройка осуществляется непосредственно на сложившемся и нетронутым рельефе. Но возвышенности используются для размещения оптической доминанты, чем достигается живописность, мягкость силуэта, богатого вертикальными элементами» [70, 109].

Средневековые строители понимали территорию города как его материальную основу и потому заботились об ее экономичном и рациональном использовании, т. е. с наибольшей целесообразностью вписывали город в природный ландшафт с учетом гидрографии и рельефа. Случаи проведения инженерных работ с большой затратой материальных ресурсов не встречаются.

В условиях спокойного рельефа, когда отсутствовали мешавшие концентрическому расширению города глубокие ущелья, обрывы, отвесные скалы и прочие природные преграды, застройка его получала относительно свободную планировку. Однако это не исключало изломанности и разнообразности конфигурации усадеб, извилистости и узости улиц, хаотичности планировки, которые были обычными явлениями для любого средневекового города, тем более восточного.

Конфигурация и площадь городов определялись их территориальными условиями. В этом отношении очень характерны Кабала [225; 65, 4] и Дербент [209, 4]. Расположенный на треугольном мысу, город Кабала, приспособляясь к месту, получил треугольную форму плана. Его северо-южная улица с некоторыми извилинами была проложена по доступным местам. Обнаруженная раскопками главная дорога, по которой некогда обеспечивался доступ в город через северные и южные ворота, диктовалась рельефом местности.

Город Дербент построен на узком проходе у Каспийского моря, который запирает единственный удобный путь из юго-восточной Европы в Переднюю Азию. Вытянутый поперек прохода прямоугольник города от моря полого поднимается в гору и опирается в крутой подъем одного из отрогов Джалганского хребта. В силу топографических условий цитадель Нарынкала, шахристан и рабад в Дербенте расположены не концентрически, а вытянуты в линию, что предопределило сложение продольной осевой улицы¹.

В средневековье знали, сколь необходимо для регулирования микроклимата в городах рациональное использование рельефа. Этим при застройке добивались «экономичной затраты» городской территории,

¹ Главные осевые улицы — торговые магистрали Ордубада и Шеки были привязаны к природным ориентирам — обрывистому руслу Ордубадчая. Гурджаанчая. Вдоль реки Гирдиманчай сложилась главная ось Лагича.

нередко зажатой в мощные оборонительные укрепления, и разумного размещения структурных элементов города. Именно благодаря всестороннему учету особенностей рельефа каждый город органически сливался с природным ландшафтом. Своеобразные контуры ландшафта имели пластические связи с гибкими элементами средневекового города. Нетрудно представить себе эти города живописными, способными возбуждать высокие художественные переживания.

Тесное примыкание друг к другу жилых кварталов, сокращение протяженности улиц, т. е. частое прерывание их прямолинейного направления, снижали скорость неприятных ветров. Едва ли можно найти восточный город эпохи феодализма, который не соответствовал бы указанной характеристике.

Водные ресурсы играли важную роль не только в экономической жизни городов; они обычно активно включались в композицию плана и тем самым налагали свой отпечаток на процесс формообразования города. Это подтверждается археологическими раскопками, сведениями современников, зарисовками-миниатюрами того времени, а также структурой исторических городов.

Отсутствие подробных сведений в источниках о климате и географических условиях конкретных азербайджанских городов в средневековье затрудняет освещение вытекающих из них вопросов архитектурно-планировочного характера, так как отдельные авторы, повествуя о каком-либо городе, ограничиваются тем, что относят его к четвертому или пятому климату [100, 2 — 22]. Иногда климат некоторых городов сопровождается определением «рай земной».

Современниками прославляется климат Тебриза. Слово «Тебриз» в современном персидском языке означает «освобождающий от лихорадки» [214, 246; 252, 284], т. е. объясняется здоровым и целительным климатом города¹. Анонимный купец, побывавший в XVI в. в Тебризе, дает интересные сведения о его местоположении, природных условиях, а также о внешнем виде: «Это большой город, он имеет в окружности около 24 миль... Этот город, кроме того, находится в прекраснейших условиях: главное то, что он расположен в чудной местности, в начале прекрасной и обширной равнины с восточной стороны, в месте, которое уподобляется небольшому заливику, у подножия высокой горы, а к северу там имеется другая не очень большая, в трех милях от города. Воздух здесь такой мягкий и приятный, что человек чувствует себя всегда здоровым и веселым, я там не видел ни одного хворого... Этот город также украшен множеством садов, в которых имеются необыкновенные растения» [216, 91].

При изучении влияния климата на планировку городов XIII — XVI вв. иногда приходится исходить из климатических характеристик последующих эпох, подчас даже нынешних, потому что на протяжении многих столетий климат меняется медленно [187, 27; 42, 127]. Особенно примечателен учет климатических условий в старом Баку.

Старый Баку — Ичери шехер — это ценное архитектурное создание, позволяющее изучить и осмыслить ряд вопросов градостроительного искусства прошлого. Он и по сей день сохраняет сложившуюся еще в XIV — XV вв. и характеризующуюся запутанными лабиринтами кривых проулков, тупиков и узких каменных коридоров структуру². Архитектурный облик города носит на себе отпечаток этапов многовекового исторического развития. Строители Баку прекрасно понимали и учитывали особенности таких ведущих факторов, определивших пространственную композицию города, как рельеф местности, солнце, направление ветров³. Удачное размещение города на восточном склоне бакинского холма не только украсило ландшафт, но и «придало» ему масштабность и выразительность. Вполне правильно, что каждый «населенный пункт, удачно размещенный в смысле решения всех чисто технических проблем (ориентация, наличие, воды, прикрытие от господствующих ветров, хорошие подъездные пути и т. п.) удовлетворяет пас и с эстетической точки зрения» [86, 20].

Рельеф Баку сыграл положительную роль в придании городской застройке гармоничности, сквозь которую всегда проступала его структура. Направление улиц, очертание плана, застройка, неповторимые объемно-пространственные композиции являются производными от рельефа местности. Важно отметить влияние очертаний береговой линии моря на трассу главной торговой улицы, протянувшейся между Шемахинскими и Сальянскими воротами. Эта улица послужила в своем роде исходной линией для прокладки улиц, отчасти шедших параллельно по возвышенности и как бы повторявших плавный изгиб горизонталей. Последние концентрическими дугами сгибали наивысшую точку — территорию дворцовых сооружений. Пересекающие же их поперечные улицы были настолько крутыми, что в некоторых случаях превратились в лестницы. Из всего этого видно, насколько активно выступали рельеф и контуры берега при сложении города и его улиц в качестве композиционно-планировочных осей.

¹ О. Челеби пишет, что Тебриз якобы получил это плавание после спасения халифа Гарун ар-Рашида от лихорадки. Тут считаем уместным отметить, что историки, утверждающие основание Тебриза в честь жены Гарун ар-Рашида Зубейды в 791 г. н. э., ошиблись. Город существовал еще в IX — XIII вв. до н. э. под названием «Таруи» или «Тармакис». См.: А. Ф а з л и. Древняя история Азербайджана в современной иранской историографии (на азерб. яз.). Баку, 1970, с. 57, 58.

² Небольшие изменения произошли лишь в 1827 г. и коснулись преимущественно прилегающих к крепостным стенам участков, обеспечив тем самым движение гарнизона и орудий.

³ Объемная структура города Баку, занимающего возвышенность (или Дербента, простирающегося по плавному подъему), указывает на использование принципа «композиционной ориентации». Включение природного окружения в архитектуру города являлось важнейшим средством достижения эстетической выразительности.

Органическая связь застройки с окружающей средой достигнута также целесообразной ориентацией жилых строений на юг, юго-восток и восток, что считается лучшей ориентацией для Апшерона [139, 7]. Необходимо подчеркнуть еще одну особенность южных городов — плоское завершение жилых домов, продиктованное малым количеством осадков. Известно, что, в отличие от кровель, имеющих большой уклон, плоские кровли ночью охлаждаются более интенсивно [230, 14].

Город расположен вблизи удобной естественной гавани, на хорошо проветриваемом склоне. Восточные и юго-восточные ветры, дующие с моря и содержащие прохладу, смягчают сухой и жаркий воздух Ичери шехер. Пересеченный рельеф обусловил ступенчатое расположение домов с плоскими крышами, вследствие чего город «издали кажется огромной лестницей». Разнохарактерные и плосковерхие здания поднимаются уступами-террасами по склону, что способствует хорошему освещению и проветриванию тесной городской застройки.

Проветривание города предотвращает различные эпидемии. Обращает внимание следующее утверждение Лерха — врача по профессии, посетившего Баку в 1734 г.: «Во всей России нет другого места с более здоровым воздухом. Здесь ни разу не свирепствовала чума. Если даже она возникала бы в воздухе, то несомненно была бы изменена и улучшена парами нефти, которая сжигается во всех домах вместо дров» [268, 44].

Недостаток территории, с одной стороны, и необходимость защиты от палящих лучей солнца — с другой, заставляли жителей строить дома вплотную друг к другу. При расположении домов никаких правил по отношению к соседним не соблюдалось. На первое место всегда ставились интересы владельца, ограничиваемые особенностями участка земли. Так было почти во всех городах.

Города, расположенные на возвышенностях и склонах, имели живописные «портреты». Природа подсказывала и художественную идею города. Города, построенные на пологих местах, частично выигрывали в относительной прямолинейности трассы улиц.

Интересной чертой некоторых городов, зажатых крепостными стенами прямоугольной конфигурации (Гянджа, Байлакан), являлась их ориентация к странам света не сторонами, а углами, как в Ассирии и Вавилоне [59, 27 — 39]. Возможно, такая ориентация была вызвана направлением господствующих ветров. Разумно толкование И. П. Щелбыкина, объясняющее подобную ориентацию стремлением строителей обеспечить наибольшее освещение всех четырех стен [226, 220], направлению которых следовала планировка города (Оренкалы) [233, 146]. Разумеется, древние строители руководствовались не только поклонением солнцу, но и гигиеническими соображениями.

На Древнем Востоке издревле существовали культы различных естественных сил и явлений природы: ветров, земли, неба и огня. Представления о кругообразном строении неба, а также о квадратной форме земли воплотились в круглых¹ и квадратных городах и храмах. Возможно, подобное представление получило архитектурную интерпретацию и в вышеупомянутых раннесредневековых городах Азербайджана.

Если конфигурация и площадь цитаделей определялись в основном территориальными условиями, то шахристаны формировались в зависимости от особенностей местности и значения города. Площадь цитаделей колебалась от 1 до 7 га. Например, цитадель старого Баку равна 1 га, Дербента около 1,2 га, а Шемахи — около 6,5 га. Площади шахристанов были самыми различными. В зависимости от территориальных возможностей они с одной или с нескольких сторон застраивались предместьями. Если равнинные условия Тебриза позволяли окружать шахристан предместьями со всех сторон, то в Дербенте, наоборот, предместье расположено лишь с одной стороны.

Специфические топографические условия Шемахи и Дербента привели к нейтральному положению их цитаделей относительно рабадов, иначе говоря, к «равнодушию» их к планировочной структуре городов. В городах Баку, Гяндже и Нахичевани, наоборот, цитадели имели тесные планировочные связи с элементами общей структуры, активно выступали в качестве решающих градостроительных узлов при формировании их планов.

При планировочной организации городов строители стремились создать условия, обеспечивающие минимум нагрева помещений в условиях палящих лучей южного солнца. В этой связи не лишним будет напомнить, что устройство узких и извилистых улиц-коридоров сильно сказывалось на микроклимате города, так как «если в них не проникают лучи солнца, температура воздуха в послеполуденные часы при безветрии на 6 — 8° ниже температуры воздуха прилегающих широких улиц» [218, 18]. В тесно прижатых друг к другу кварталах средневековых городов санитарно-гигиенические условия были неблагоприятными из-за отсутствия нормальной инсоляции. С другой стороны, устройство узких улиц и закоулков способствовало застою воздуха. Отсюда — частые эпидемии в городах эпохи феодализма.

В условиях сухого климата снабжение города питьевой водой и водой для орошения садов составляло первостепенную, но в то же время весьма сложную проблему. В равнинных условиях вода, подводящаяся из реки, распределялась по городу каналами и открытыми арыками. В городе Тебризе было много общественных и частных кяризов (около 900). Иногда водоемы включались в ансамбль

¹ Круглый; храм Неба в Пекине, город Самаль и круглый город Багдад, основанный ал-Мансуром.

построек в качестве одного из его компонентов, например, в дворцовом комплексе Хашт-Бехишт, Абваб ал-бирр в Тебризе и др. Такой прием использовался во многих городах Востока, в том числе среднеазиатских.

Несмотря на ограниченность городской территории, при каждом доме представлялось возможным разбивать сады. Они находились, как правило, на внутренней стороне участка. Жилые дома выходили на улицу глухими фасадами, а главный фасад обращался во двор и был окружен со всех сторон высокой стеной. Вход на участок подчеркивался небольшими проемами, иногда порталами. Замкнутость в организации усадеб являлась отражением не только особенностей быта, предрассудков религии, неблагоустроенности улиц, но и климатических условий [18, 17]. Подобная оторванность приусадебных участков от улицы особенно характерна для города Ордубада [170, 97].

В средневековых городах Азербайджана заметным было умение «исправлять искусством вред, приносимый природой». На первый взгляд кажется, что характер «разбивки» города нерационален, нецелесообразны также начертание основных улиц и извилистость тупиков. Однако надо принимать во внимание, что эта структура скрывает за собой логику построения, объясняемую социально-бытовыми и природно-климатическими условиями. В городах с пересеченной местностью с целью гармонического сочетания архитектуры и природных форм высотные точки использовались для значительных городских ансамблей, которые, в свою очередь, зрительно развивали естественную форму возвышенности. Несмотря на то что реки разделяли территорию некоторых городов, участие их самих обогащало архитектурно-композиционное решение последних, значительно повышая эстетические качества. Чтобы защищаться от нестерпимой жары, придерживались традиционных объёмно-пространственных приемов в застройке, благоприятной ориентации жилых домов, т. е. расположения их на северной или северо-восточной части усадьбы. Подобное решение плана жилых единиц не могло не повлиять на расположение городских кварталов и общую застройку.

Следует подчеркнуть, что природно-климатическое разнообразие страны нашло свое отражение в планировке как малых населенных пунктов, так и больших городов. Поэтому не могло быть и речи о сколько-нибудь единой планировочной схеме, когда природный ландшафт и климат выступали в качестве одной из важнейших предпосылок формирования структуры и облика городов.

Роль оборонительной системы городов в сложении их планировки

Анализируя период перехода от первобытнообщинного к рабовладельческому строю в Греции, Ф. Энгельс отмечал, что с возникновением античного государства возникали и города, характеризующиеся в частности наличием городской стены или крепости [2, 113]. Этим же обязательным атрибутом могут характеризоваться города феодализма. «В средние века отношение к проблеме обороны городов не могло быть иным, ибо оборона была постоянно действующим фактором, с которым считались города любого экономического, политического и культурного значения» [52, 95].

В эпоху феодализма города Азербайджана страдали от набегов иноземных захватчиков и нескончаемых феодальных междоусобиц. Развитие ремесла, торговли, эксплуатация населения способствовали накоплению в них огромных богатств. В зависимости от политического и стратегического значений городов враждующие стороны претендовали за обладание ими. Естественно, что в подобных условиях для существования и дальнейшего развития городов необходимы были оборонительные сооружения, способные противостоять осадной технике того времени¹. Проблема обороны городов в средневековье поднялась до уровня одного из решающих градостроительных факторов. Говоря об этом, А. В. Бунин писал: «Пояс внешних городских укреплений стал настолько широким и мощным, что превратился в фактор, определявший всю внутреннюю планировочную композицию города» [51, 214].

В XV — XVI вв. теоретики Возрождения выражали свои градостроительные идеи в трактатах и утопических проектах «идеальных городов» [61, 335 — 344]. Все без исключения рекомендуемые «идеальные города» были обороноспособными: много внимания уделялось как вопросам выбора местности, задачам общей реорганизации, эстетическим проблемам, так и вопросам обороны и фортификации [102, 14 — 34]. Как видно, задачи конкретной стратегии не только идеальных, но и реальных городов были продиктованы непосредственно жизнью.

Уже с конца XIII в. в Азербайджане, как и в других восточных странах, значение городов стало сильно возрастать. Они становились административными и культурными центрами, повышалось их экономическое значение. Если раньше резиденции правителей располагались в укреплениях, недоступных крепостях в окрестности, то в этот период — в самих городах. Так, в XII в. резиденция ширваншахов

¹ Сооружением крепостных стен, требующих значительной доли городского бюджета, руководили военные специалисты, так как это было делом ответственным.

находилась в основном в крепости Гюлистан [145, 146, 81], которая была надежным убежищем при военных угрозах. А в XV в. она располагалась уже в городе, т. е. во второй столице Ширвана — в Баку.

Значение внегородских замков-крепостей несколько ограничивается. Они уже не могут осуществлять управление городом, контроль и эксплуатацию определенной территории из опорного пункта, хотя на такие крепости, как и раньше, «нельзя напасть с земли, ни даже с неба» [104, 159]. В отличие от предшествующего периода, подступы к городам — резиденциям феодалов не защищались системой мелких крепостей, входивших в общую систему оборонительных сооружений и принимающих на себя первые удары врагов [147, 47].

Хотя внутренняя композиция плана городов полностью не может быть принята за производную от оборонительной системы, тем не менее игнорировать заметного влияния последней нельзя. Внешние оборонительные стены всегда представляли свои «условия», прежде всего, при прокладке главных магистралей — радикальных улиц, соединявших центр с городскими воротами, прорезанными в них¹.

Известно, что шахристаны многих городов Востока планировались в виде прямоугольника с прямыми улицами-артериями, пересекающимися в центре. Нетрудно заметить ряд черт, роднивших шахристаны некоторых городов Азербайджана — Хоя, Хамадана, Султани с шахристанами Хивы, Шахрисязба, Бухары, Герата [62, 203, 279, 336, 358], Диарбекра [260, 260] и других городов средневекового Востока.

Как уже указывалось, в конце XIII — начале XIV в. в результате централизации и укрепления государственной власти произошло некоторое улучшение в оборонительном строительстве городов. Восстанавливались разрушенные укрепления, возводились стены, включавшие в свой обвод расширенную застройкой территорию.

Проводившиеся в XIV в. в Тебризе значительные градостроительные мероприятия являлись отчасти результатом наличия централизованной власти. Не случайно характер условий развития города и градостроительный подход к решению некоторых архитектурно-планировочных вопросов при Ильханидах изложены в исторической хронике Рашид ад-Дина. Среди них привлекает внимание стремление улучшить санитарно-гигиенические условия с целью устранения угрозы эпидемий — бича феодальных городов в растущих предместьях, в среде торгово-ремесленного люда [167, 234]. Крепостные стены Тебриза были слишком ограничивающими и не отвечали рангу столицы, поэтому Газан-хан заменил их новыми², которые охватили растущие предместья с таким расчетом, чтобы те не оказались тесными, если население города с течением времени увеличится.

В XIV — XVI вв. из всех средневековых городов Азербайджана только Ардебиль составляет исключение отсутствием городских укреплений. Однако в X — XII вв. город имел мощные крепостные стены [131, 6; 17, 67]. Отсутствие окаймляющих городских укреплений в Ардебиле сделало возможным формирование довольно неплотной застройки.

Возникновение оборонительной стены города Баку относится к XII в. [73, 71]. Ныне сохранившаяся часть городской застройки внутри современного обвода [49, 27] уже тогда имела такие важные градостроительные элементы, как Девичья башня, мечеть и минарет Сыныгкала, резиденция ширваншахов, которые определяли сложившуюся в древности и закрепившуюся впоследствии градостроительную структуру Баку. Несмотря на то, что в связи с развитием военной техники стены неоднократно модернизировались, конфигурация городской территории, закрепленная крепостными стенами, не изменялась. Высокие стены и башни бакинской крепости поражали сефевидских полководцев, которые в 1501 г., после долгой осады разрушив их, взяли город. Баку тогда был связан с внешним миром четырьмя воротами: трое из них были обращены к морю, одни — на сушу [232, 130]. В 1586 г., отвовав Баку у Сефевидов, турки сразу же сосредоточили внимание на восстановлении разрушенных стен [260, 260].

К исходу XVII в. Баку был «окружен двойными стенами на расстоянии 15 шагов одна от другой, из них внутренняя значительно выше внешней, в стене много полукруглых башен, по верху стены — зубцы» [266, 269; 222, 5]. Концы крепостных стен уходили в море наподобие дербентских, чтобы образовать удобную гавань и предотвратить возможность нападения оттуда неприятеля. Город, окруженный мощными стенами, имел тогда пять ворот: со стороны гавани трое ворот, из которых двое — через прибрежные караван-сарай торгового комплекса, третьи вели непосредственно в город близ Девичьей башни. Автор XIX в. писал: «Вступая в Баку, думаешь, чтоходишь в одну из самых сильных средневековых крепостей» [134, 277]. В связи с ростом города второй (внешний) ряд стен был разобран в 1883 г. [168, 37].

Укрепления городов всегда соответствовали рельефу местности и состояли из двух, а иногда из трех линий. Они строились, как известно, соответственно последовательному росту города в различные

¹ Наиболее уязвимыми в оборонительном отношении местами в городских стенах считались ворота, и поэтому строители ограничивали их количество.

² Новая газанхановская стена города имела около 27 км в окружности.

периоды развития. Их периметр, толщина, высота, художественно-технические особенности во многом отражали экономическое состояние города, а также страны.

Сведения о городских оборонительных сооружениях Нахичевани XIII — XVI вв. очень скудны. Несомненно, превращение города в арену частых войн не позволило уделять строительству должного внимания. Естественно, в сложной военной обстановке строительство оборонительных укреплений также затруднялось. Поэтому возможность изучения влияния оборонительной системы на планировку Нахичевани в указанный период ограничивается. По свидетельству некоторых авторов, Нахичевань была типичным феодальным городом и состояла из шахристана внутри крепостных стен и рабада с многочисленными караван-сараями и большим базаром [120, 145; 121, 66].

Архитектура городских стен решалась предельно просто, но сурово. Массивы каменных стен не имели облицовки, так как должны были обеспечить безопасность горожан, принимая на себя удары стенобитных машин и метательных снарядов. Стены имели небольшое сужение кверху. На них, обычно над въездом в город, вырезался городской герб, фигуры различных животных¹.

Защищенность города естественными препятствиями и искусственными укреплениями, на осуществление которых расходовалась львиная доля бюджета, служила условием для последовательного оседания в нем населения. Концентрация торгово-ремесленного люда из окрестных местностей у стен шахристана объяснялась, с одной стороны, заинтересованностью ремесленников в сбыте своих изделий на базаре, а с другой — оборонными соображениями. В случае военной опасности население рабада и окрестных сел оборонялось в укрепленном городе-шахристане.

Некоторые города были окружены оборонительными стенами овального или округлого очертания, что способствовало малому расходу средств и позволяло вести длительную оборону небольшими силами. В планах Баку и Тебриза XVIII в., а также на миниатюрах XVI в. (Султанья, Тебриз) эта особенность проступает весьма отчетливо. Если хозяйственная деятельность городского населения вела к нарастанию застройки города, к организации связи между городом и внешним миром, то стратегический фактор в первую очередь — к оформлению границ как всего города в целом, так и его отдельных частей [195, 45].

Обычно возвышенное положение цитадели усиливало ее доминирующее значение и центричность композиции общей застройки города. В ней размещались дворец, казна, административные здания, а также склады. Цитадели были рассчитаны на длительную оборону и отличались особой надежностью. Соответственно их оборонной организации вырабатывались и архитектурно-планировочные приемы. Строительная и художественная культура монументальных сооружений цитадели была выше среднего городского уровня.

Небольшие территориальные размеры ряда городов были следствием «ограниченных строительных возможностей». В некоторых случаях подказанный оборонительными соображениями выбор нагорного места затруднял расширение города. Сокращение его внешнего периметра вызывало сильную размельченность территории. Все хотели жить в безопасности, внутри города. Отсюда узость улиц, карликовые площади, затесненность застройки, неудовлетворительное благоустройство и пожары.

Расположение цитадели непосредственно в границах шахристана² коренным образом отличало города Азербайджана от городов соседней Армении, хотя это было неблагоприятно в отношении организации обороны, ибо «отпадала возможность не только получения помощи извне, но и вынужденного отступления» [207, 23]. Но такое расположение с точки зрения композиции города имело положительное значение, так как влияло на направление сети магистралей и второстепенных улиц, на расположение архитектурных доминант и др.

Общеизвестно, что планировочная структура старых городов феодального Востока не менялась на протяжении столетий. На второй стадии формирования городского плана, т. е. на стадии организации собственно города, производившаяся ранее у подножия цитадели застройка постепенно доходила уже до пояса внешних укреплений города. Застройка «переходила в наступление» на площади, на улицы и внутренние сколько-нибудь свободные пространства» [52, 86], причем велась она с учетом городских стен. Медленно складывавшаяся структура города оказывалась, так сказать, «закованной в тесные кандалы». Строгая взаимосвязь плана города и профиля оборонительных укреплений, возможно, как «барьер» преграждала путь всевозможным градостроительным изменениям в композиции и структуре средневекового города. Пожалуй, это одна из причин медленного изменения планировочной структуры и городов Азербайджана. Несмотря на определенные различия, планировочная структура городов Азербайджана тех времен, таких, как Султанья, Хой, Тебриз, Шемаха, Хамадан, имела и общие особенности, вытекающие из сходных социальных и экономических причин и требований обороны.

Анализируя процесс развития городов феодального Азербайджана, мы приходим к выводу, что их планировочная структура чрезвычайно зависела от следующих причин: уровня развития товарного производства и общественного разделения труда, политической роли города в жизни страны, выгодного

¹ В средневековье такие гербы имели многие города (Дербент, Баку, Шемаха, Ани), а еще раньше — Афины, Коринф и др.

² Расположение цитадели Нарынкала в Дербенте составляет исключение. Она примыкает к короткой стороне вытянутого прямоугольника городских стен.

стратегического положения, расположения на важных торговых путях, природно-климатических факторов. Их развитие не было одинаковым и не имело единого характера, во всех областях страны.

Градостроительная характеристика главных
городов

Экономический кризис, наблюдающийся в Азербайджане в первой половине XIII в., объясняется жестокой эксплуатацией населения, ростом кочевого скотоводческого хозяйства, нескончаемыми феодальными междоусобицами, частыми военными столкновениями с соседними государствами. Все это сказывается на развитии торговли, ремесла, земледелия, а также в неменьшей степени на городском строительстве [17, 52; 151, 54]. Относительный сдвиг в развитии страны намечается лишь в конце XIII в. Именно в это время восстанавливаются и расширяются Тебриз, Марага, Уджан, возникают новые города, в частности Махмудабад, Султанабад и Султания [101, 21; 149, 905; 190].

СУЛТАНИЯ. В конце XIII — начале XIV в. Тебриз, играющий важную роль в политической, экономической и культурной жизни Азербайджана и Ближнего Востока, уступил свое место новому городу — Султании. Международные торговые отношения последней достигли значительных размеров и продолжались до прихода в упадок государства Ильханидов [122, 286]. Значение города определялось тем, что в этот период он был узлом пяти больших караванных дорог (шахрах) [101, 182]. Местоположение, близость кочевков монголов и прохладный климат способствовали процветанию города. Не случайно Ильханиды сделали его своей летней резиденцией.

Говоря о месте, которое очень удачно было выбрано для строительства Султании, Бартольд указывает, что она сохраняла свое торговое значение даже после того, как перестала быть местопребыванием государей. Строительство города было начато в 1290 г. и завершено в 1313 г. Ольджайту-султаном, который перенес сюда резиденцию. Султания после превращения в столицу (в 1305 г.) переживает сильный рост, который сказывается и на архитектуре построенных в это время сооружений.

Следует отметить, что выбор места для новой столицы был обусловлен также наличием широких пастбищ, которые использовались под летние кочевки монголов и были прекрасным местом охоты.

Интересны сведения Рашид ад-Дина о строительстве города: «... точно на луговьях Кунгурланга, в стороне Шервияза он (Аргун-хан. — В. М.) основал город, (вывел) источники и проложил водопровод. Он израсходовал громадные деньги на это место, но по причине короткой жизни (Аргун-хана) оно в его дни оставалось недостроенным. Ольджайту-султан в дни своего царства его достроил и положил ему имя Султания» [167, 129].

Согласно источникам Султания¹ наряду с крупными городами Ближнего Востока играла огромную роль в международной торговле. Так, Клавиho, побывавший в городе в 1404 г., отмечал: «Этот город ведет большую торговлю и приносит большой доход государю. Каждый год туда приходит много купцов из Малой Индии, которые привозят много пряностей, так как сюда привозятся лучшие сорта мелких пряностей, которые не идут в Сирию, как гвоздика, мускатные орехи, корица, манна, мушкатный цвет и многие другие ценные пряности, которые не идут в Александрию и которых там нельзя найти. Кроме того, туда привозится большая часть шелка, который вырабатывается в Гиляне, земле, находящейся близ моря Баку, каждый год, где выделывается много шелку... Еще привозят сюда шелк, которого выделывается очень много, и туда за шелком приезжают купцы даже генуэзские и венецианские» [104, 176].

Арабский автор первой половины XV в. Ибн-Арабах пишет, что Тимур назвал селения в окрестностях Самарканда именами четырех величайших городов Передней Азии (Каир, Дамаск, Багдад и Султания), чтобы всячески подчеркнуть превосходство своей столицы над другими городами мусульманского мира. Одно из этих селений было названо Султания, и тем самым еще раз подчеркнуто значение города в этот период [235, 22; 36, 92]. Город Султания, который при владычестве монголов занимал одно из ведущих мест в торговых сношениях с европейскими и восточными странами, со второй половины XV в. начинает терять хозяйственное значение. Уступив свое место Казвину, он приходит в полный упадок.

Важными источниками, позволяющими в общих чертах охарактеризовать архитектуру Султании, являются взаимно дополняющие друг друга сведения посещавших город путешественников². «Этот город Султания, — писал Клавиho, — стоит на равнине, у него нет стен, но зато есть замок, большой и с хорошей каменной стеной, с очень красивыми башнями; все башни были украшены изразцами,

¹ Я. Стрейс наименование города Ольджайту-султаном объясняется следующим образом: «Он назвал город Султания от почетного титула султан, бывшего в то время в ходу у древних «персидских» королей, как еще и сейчас себя называет турок султаном».

² Амброджо Контарини, Ян Стрейс, Федот Котов и Бел, побывав в городе в разное время, дали много интересных сведений. См.: «Путешественники об Азербайджане», т. I. Сост. З. И. Ямпольский. Баку, 1961, с. 297, 300, 405, 221 и др.

отделанными разными изразцами, и в каждой башне была маленькая катапульта. Этот город очень населен, но не так велик, как Тусь, зато в нем больше торговли...».

В центральном укреплении — цитадели стоял большой дворец, включавший мечеть-мавзолей Ольджайту. Городские стены¹ Султании были разрушены Тимуром.

В связи с тем что город играл важную роль в торговой жизни Азербайджана, можно констатировать строительство в нем многочисленных торгово-рыночных зданий. Амброджо Контарини утверждает наличие в городе большого рынка «для жизненных припасов и разных молочных товаров» [107, 50]. Город достиг наибольшего расцвета в XIV в., уже тогда он выделялся красотой воздвигнутых сооружений.

О привлекательном силуэте города можно судить по рассказу Яна Стрейса: «С обеих сторон ее возвышаются высокие горы, а направо виднеется высокая, уходящая в небо, гора. Султания издали представляет красивое и великолепное зрелище благодаря высоким постройкам — башням и торжественным колоннам...» [189, 297].

Заслуживают внимания сведения о городе Ф. Котова. Он отмечает, что раньше в городе было свыше 20 тысяч больших домов; город был очень большим. Вокруг кремля-цитадели, в посадах, находились жилые кварталы. Одним из таких кварталов, очевидно, являлся квартал, названный «Рашидия», с 1500 домами, общественными сооружениями, такими, как соборная мечеть, медресе и госпиталь, которые Рашид ад-Дин построил еще в 1306 — 1307 гг. [151, 98; 155].

Сопоставление и анализ исторических источников подтверждают, что планировочная структура Султании, подобно многим другим средневековым городам Востока, основывалась на трехступенчатой системе, которая демонстрирует экономическое и правовое положение противостоящих друг другу классов. По рассказам современников, Ольджайту-султан после восшествия на престол в 1305 г. решил окружить весь город, который раньше имел стены в 12000 шагов [276, 222], обширной стеной в 30000 шагов в объезд [271, 384; 269, 595]. Однако, по словам Казвини, он не успел завершить эту постройку; стена расширилась до 30000 шагов позднее.

Описания и сведения современников имеют большое значение для характеристики архитектурного облика Султании. Однако они не дают достаточно ясного представления о планировке города и не освещают архитектуры различных по назначению сооружений, за исключением мавзолея Ольджайту Ходабенде. Зарисовка города Султании XVI в. Матракчи Насуха [135] является в настоящее время исключительно ценным и уникальным графическим материалом, позволяющим охарактеризовать не только архитектурно-композиционные особенности зданий, но и планировку города. Хотя она и не разъясняет всех сторон планировочной структуры города в частности, но все же дает такое представление, какое невозможно получить по повествовательным источникам.

Благодаря этой зарисовке можно конкретно представить конфигурацию крепости и ее приблизительную площадь, местонахождение отдельных сооружений в городском плане, величину и архитектурно-художественные черты зданий, несмотря на то что она не свободна от условностей, присущих средневековому изобразительному стилю Востока, идущему от миниатюры.

Как показывает подготовленная нами на основе зарисовки схема плана, для города характерны хаотично расположенные извилистые и узкие улицы и нерегулярные площади. Главные улицы шах-ристана подобно улицам среднеазиатских городов периода средневековья располагались крестообразно и соединяли центр города с городскими воротами, прорезанными в городских стенах. Четыре направления этих улиц ориентированы по сторонам света, пересечение их отмечалось постановкой культового здания, выделявшегося своей архитектурой. Через территорию города параллельно южным городским стенам протекала река, на которой возведены два моста, соединенные с городскими воротами. В силу профессиональных различий город делился на ряд весьма специфических районов, живущих своими особыми интересами.

Ограниченность территории города крепостными стенами определяла высокую плотность застройки. Центром формирования городского ансамбля Султании были культовые сооружения. Вызывают большой интерес мечети с двухступенчатым решением верха минаретов, которые выделяются богатством декоративного убранства.

Среди памятников города Султании следует выделить один, имеющий одновременно большое градостроительное значение, а именно: так называемый мавзолей Ольджайту Ходабенде [255, 1103]. Небезынтересны сведения Я. Стрейса о памятнике: «Здание весьма высокое, заостряется как башня, внутри выложено белыми и синими изразцами... Над Амаратом (дворцом) возвышается восьмиугольная башня, окруженная широким ходом, где стояло восемь маленьких башен, куда весьма удобно взбираться по винтовой лестнице» [189, 298].

¹ А. Контарини (см. стр. 50) говорит о большой деревянной крепости. Сам факт возведения стен из дерева в безлесной местности вызывает сомнение.

Мавзолей представляет собой наиболее совершенный в конструктивном отношении образец архитектурного творчества азербайджанских зодчих в средневековье и знаменует крупную веху в истории архитектуры страны.

В работе [221, 102] приведено фото, воссоздающее верхнюю часть восьмигранного мавзолея с остатками основания весьма стройных минаретов, служивших полезным грузом для погашения силы распора. В настоящее время разрушенные «восемь маленьких башен» и бирюзовый купол мавзолея с частично содранной облицовкой некогда доминировали над крупным архитектурным комплексом города и усиливали силу воздействия выразительного, но в то же время индивидуального художественного облика средневековой Султании.

Город Султания вызывал восхищение у многочисленных путешественников своими огромными культовыми сооружениями. Сейчас от них остались одни руины. Мечеть-мавзолей Ольджайту, Челеби оглы, мечеть муллы Гасана, мечеть шаха Исмаила [44, 117] одно время были самыми красивыми зданиями города.

Характеристика архитектуры представленных в зарисовке сооружений подтверждает, что они имеют общие, одновременно специфические композиционные решения. Для того, чтобы установить истоки их художественной общности, необходимо рассмотреть тебризскую архитектурную школу.

Применение обожженного и поливного кирпича определило своеобразие архитектурных форм и убранства сооружений. Пространственным композициям свойственно выявление и подчеркивание архитектурного образа. Для архитектуры сооружений характерна подчеркнутая вертикальность композиционного строя.

Все дома представляют собой расположенные близко друг к другу объемы¹, подчиненные единому композиционному и идейно-художественному решению. Несмотря на разные высоты объемов в каждой группе, целостность и единство зданий не нарушается.

Архитектурный облик города определяли чрезвычайно умело украшенные высокие минареты, купола и составляющие с ними резкий контраст низкие дома с плоскими крышами. Городские стены, укрепленные красивыми цилиндрическими объемами башен, которые эффектно завершены машикулями и мерлонами, еще больше усиливали силу воздействия архитектурного облика города.

Судя по составленной нами схеме плана города, Султания имела радиально-кольцевую систему планировки. Несомненно, ранее сложившийся городской центр обрастал ремесленно-торговыми предместьями.

Наличие в городе больших площадей и торговых улиц отмечено Клавихо: «... этот город лежит в равнине, через него проходит много каналов, и в нем есть много хорошо отделанных площадей и улиц, где продаются разные товары. Есть еще в нем большие гостиницы, где останавливаются купцы, которые приезжают туда» [104, 180]. Этот рассказ дает нам одновременно некоторые сведения об уровне благоустройства города.

На основе анализа зарисовки мы попытались в общих чертах обрисовать былой облик города, выявить функциональную сущность его составных частей. Конечно, на данной стадии изучения составленная нами характеристики Султании не может претендовать на полноту.

Сегодня, когда мы говорим об этом городе, некогда поражавшем своей красотой побывавших там путешественников, нельзя не сожалеть о его последующей судьбе. Согласно историческим источникам причины гибели великолепных сооружений Султании, как и Тебриза, одинаковы. Безжалостное разрушение этих двух красивейших городов средневекового Азербайджана сумасбродным Миран-шахом Клавихо описал следующим образом: «... этот Мирасса Миаша был царем и владельцем этой земли и держал у себя много рыцарей и войска, которые ему дал отец. Когда он был в городе Тебризе, припала ему такая прихоть, что он приказал разрушить и разломить все дома, мечети и здания, какие там были, и большая часть их была разрушена. Потом он уехал оттуда в Султанию и приказал сделать то же» [104, 181].

Причину упадка Султании следует искать не только в вандализме Миран-шаха, но и в разрушениях Тимура и действиях Кара-Юсуфа, переселившего часть жителей в Тебриз и Марагу [153, 162]. В источниках имеются сведения о том, что город начал опустошаться в день смерти Ольджайту, когда его покинули 14 тыс. семейств [248, 46]. В последней четверти XV в. в Султании оставалось 7000 — 8000 жителей.

Город Султания, вызывавший изумление великолепием построенных там сооружений в прошлом, представляет картину запустения в настоящее время. От густозаселенных кварталов города XIV в., опоясывающих дворцовые сооружения, не осталось никаких следов.

Мавзолей Ольджайту, находившийся в центральной части застройки и служивший организующим градостроительным звеном архитектурного ансамбля города, ныне одиноко высится на опустевшей равнине.

¹ Возможно, что художник таким своеобразным приемом условно показывал самые большие и благоустроенные кварталы, окруженные ограждающими стенами.

Город Султания, несмотря на его позднее по сравнению с другими городами средневекового Азербайджана появление на исторической арене, сыграл весьма значительную роль в истории градостроительства, воплотив в себе весь комплекс феодального города.

ШЕМАХА. Город Шемаха имеет очень древнюю, богатую и интересную историю [215, 82]. Персидские авторы связывают создание Шемахи с именем Ануширвана — одного из сасанидских правителей (531 — 579). Известно, что до арабского завоевания весь Ширван, в том числе и его центральный город Шемаха, назывались Ширваном. Не случайно слово Ширван иногда связывают с именем Ануширвана — строителя города. Необходимо отметить, что еще в IV — III вв. до н. э. в окрестностях Шемахи были поселения [205]. Ввиду того, что правитель Сасанидов Ануширван якобы восстановил имеющийся на том месте населенный пункт, персидские авторы связывают строительство города с его именем.

Арабские авторы, напротив, утверждают, что возникновение города связано с ширванским правителем Шемах ибн-Шуджа [30, 20]. По данным турецкого историка XVII в. Мунаджим-баши, в 918 г. арабский наместник Абу Тахир Язид построил город Язидию, а в 1045 г. ширваншах Кубад оградил его со всех сторон каменной стеной, [129, 48]. По В. Минорскому, Шемах ибн-Шуджа и Абу Тахир Язид, вероятно, только восстановили имеющееся очень древнее поселение, которое было названо одним из них Шемахия, а другим — Язидия¹. В IX — XI вв. в связи с образованием феодального государства в Ширване роль Язидии как административного и политического центра усиливается. Как известно, автор XI в. говорит о Язидии, как о «дар ал-мульк» (резиденции) ширваншахов.

Начиная с XII в. город Шемаха играл значительную роль в экономической и культурной жизни страны. Он стал локальным центром Ширвано-апшеронской архитектурной школы, а также литературно-художественной и научной мысли. Шемаха, как и Нахичевань, превратилась в столицу государства ширваншахов, которое укрепилось после распада Сельджукской империи. Это обстоятельство дало еще больший толчок для ее дальнейшего развития.

Шемаха в течение многих веков являлась столицей Ширванской области, имеющей большое военно-стратегическое значение. Здесь располагались резиденции арабских эмиров, ширваншахов Кесранидов (1027 — 1382), ширваншахов Дербенди (1382 — 1538) и Шемахинского ханства. В XV в. город принимал активное участие в международной торговле шелком. По экономическому развитию он резко отличался от других городов Азербайджана. Европейский путешественник Амброджо Контарини, посетивший Шемаху в 1475 г., называет ее городом, опередившим Тебриз, хотя в этот период окружность его составляла примерно 5000 шагов. Здесь были развиты шелкоткацкие и другие отрасли ремесла [32]. Из Шемахи шли торговые пути в Персию, Индию, Россию и Европу [152, 286]. Ширванский шелк посылали в Малую Азию, Сирию, Италию, Китай, Англию и многие другие страны. Безусловно, экономические связи с этими государствами оказывали большое влияние на культурную жизнь Шемахи. В середине XVI - начале XVII в. экономика и культура Шемахи, а также других городов Азербайджана испытали тяжелые последствия османско-кызылбашских войн. (1533 — 1538, 1547 — 1555, 1559 — 1576, 1578 — 1588, 1602 — 1609), которые вели к падению торгово-ремесленных центров и резкому сокращению городского населения. Разрушению городов способствовала и военная тактика шаха Аббаса, заключающаяся в переселении населения разных городов и областей, расположенных на пути турецких войск. Шемаха, неоднократно подвергавшаяся сложным военно-политическим испытаниям, имела чрезвычайно трагическую историческую судьбу. Высокая сейсмичность также усугубляла ее бедствия, и она-то была основной причиной исчезновения архитектурных памятников.

Немецкий ученый Штюльбен — один из первых исследователей по градостроительству — считает, что на возникновение и сложение структуры городов влияют в основном четыре фактора: географический, топографический, экономический и военный. Возникновение Шемахи и его развитие были обусловлены в основном военными, а также географическим и экономическим факторами. В дальнейшем формировании градостроительной структуры города большую роль сыграл первичный зародыш — феодальная крепость, в которой расположена резиденция правителей.

В стратегическом отношении расположение Шемахи благодаря горному рельефу весьма благоприятно: город как бы господствует над окружающей местностью. Местность, выбранная для строительства Шемахи, характеризуется здоровым климатом, наличием источников питьевой воды, плодородных земель, местных строительных материалов, а также расположением на торговых путях. При этом преимущество было отдано не северным, а южным и восточным склонам гор. Подобный выбор был не случайным, а носил чисто функциональный характер, так как обеспечивал ограждение зданий от северных ветров, проведение самотечных водопроводов и т. д. С другой стороны, эти места были благоприятны и для разведения садов. Говоря о гигиеничности таких городов, еще Аристотель отмечал: «Самые гигиенические города те, которые расположены на восточных склонах и, следовательно, обдуваются ветрами, дующими с солнечного восхода. Следующим по значению соображением является защищенность города от северных ветров, так как в таких городах смягчаются зимы» [21, 19].

¹ Необходимо отметить, что город Шемаха назывался Язидией только некоторое время — при ширваншахе Абу Тахире и его наместниках.

Ясно, что на формирование застройки Шемахи, а также на сложение ее улиц и кварталов не могло повлиять приспособление их к горному рельефу. В отличие от городов, возникших на равнинных местностях, например Гянджи, Байлакана, Шемаха, очевидно, не имела прямых улиц и компактного плана. Однако нерегулярное строительство города и правильная оценка природных факторов усиливали его эстетическую выразительность; при этом природные условия органически связывались с методом архитектурной композиции.

В 1222 г. Шемаха стала жертвой монгольского завоевания. Средневековые авторы утверждают, что в то время «цветущий город» [208, 131] имел мощные крепостные стены. Тем не менее монголы, с помощью специальных лестниц преодолев высокие стены крепостных укреплений, проникли в него, превратили архитектурные памятники в руины, разрушили оборонительные сооружения и беспощадно истребили жителей. Стены города с XIII по XIX в. неоднократно разрушались, затем восстанавливались, одним словом, в течение шести веков Шемаха имела оборонительную линию [148, 72].

Крепостные стены, их расположение и состояние, как известно, помогают изучению исторической топографии городов. К сожалению, древние оборонительные стены Шемахи были разрушены и полностью до нашего времени не дошли. Однако они показаны, хотя и в искаженном виде, в некоторых изображениях и рисунках различных путешественников. Среди графических материалов особенно ценными являются планы Шемахи, на которых изображены «следы старинных городских укреплений».

Из плана, составленного в 1839 г. русскими военными инженерами, видно, что общая длина территории внутреннего города Шемахи (шахристана) была свыше двух, а ширина — свыше одного километра. Русский посол Волынский, проезжавший через Шемаху в начале XVIII в., писал: «Город величеством в длину версту на 2, а поперечь будет на версту то же, жило часто и дворы тесны, строения имеют большая часть из диких камней, однако ж между тем есть мазанки. Около строений фортеции никакой нет, только в середине города один замок небольшой старинный, но кроме того некоторые башни так же как и стены, уже развалились...» [88].

В том же плане Шемахи были показаны новые кварталы, застройка с прямоугольной сеткой улиц, охватывающих наиболее возвышенную часть города с трех сторон. Он содержит некоторые данные и об исторических памятниках Шемахи: в план внесен весь контур городских стен и в экспликации к нему названы «остатки ханского дворца», который был расположен на вершине холма внутри крепостных стен (Балакала), изображенных в северо-западной части плана.

Внутренняя крепость Шемахи — Балакала была построена не в центре города, а ближе к одной из внешних стен. Такое расположение цитадели было характерным для раннесредневековых городов Средней Азии. Представляющая в плане неправильный шестиугольник, Балакала была расположена на одном из высоких холмов и занимала территорию около 6,5 га. Углы шестиугольника укреплены мощными башнями.

В 1970 — 1972 гг. группа археологов под руководством Г. Джидди провела в районе Балакалы раскопки разведочного характера и обнаружила один из бастионов и часть стены, идущей в юго-восточном направлении¹. Выявленная стена относится к Балакале, существующей до XVII в. Позднее она реконструировалась, но общие ее границы остались без изменения. Стены цитадели из-за занятости территории жилыми домами полностью пока не вскрыты. Найденная часть стены показывает, что высота стен Балакалы была приблизительно 10 — 12 м.

Известно, что, как и все города средневекового Востока, города Азербайджана также отражали классовую структуру общества, общественное расслоение. Не случайно комплексы дворцов и административных зданий, расположенные во внутренней крепости (Ичкала), господствовали над жилыми кварталами; своей монументальностью подавляли их, они имели символическое значение. Чтобы показать мощь и силу феодала, их дворцы и крепости строили на самом высоком и видном месте города, причем с архитектурной точки зрения они решались с высоким мастерством и умением.

Абрис городских стен Шемахи повторяет, изгибы и изломы рельефа его необычность. Несмотря на то что протяженность оборонительных сооружений намного возрастает из-за спусков и подъемов, они позволяют, открыть по врагам сильный огонь с флангов. Четырехугольные бастионы наружной крепости построены, вероятно, турками при ее восстановлении в 1583 г. Данные турецкого автора Мухаммед-бин Мухаммеда относительно строительства длинных и могущественных крепостных стен за 45 дней вызывают сомнение. Более правдоподобно восстановление за короткий срок частично разрушенных во время военных столкновений крепостных стен и башен, чем строительство новых мощных оборонительных укреплений города.

Имеются интересные сведения Дженкинсона (1562), Ф. Котова (1623), А. Олеария (1637), О. Челеби (1656), Я. Стрейса (1671), В. Тавернье (1668), О. Даппера (1681) и других о Шемахе и ее структуре в XVI — XVII вв. Как правило, эти авторы пишут о том, что город состоял из двух частей, окруженных стенами, и они едины в своих сообщениях о расположении в южной стороне города большого базара.

¹ Балакала, а также ханский дворец (дворец ширваншахов) были построены в XIII — XIV вв.

Историк И. Мюнши, участвовавший в походе шаха Аббаса в Азербайджан в 1603 — 1607 гг., писал: «Основная часть города, состоящая из домов и жилищ райятов, расположена на склоне южной горы, а дома правителей и прежних государей — на склоне горы с северной стороны и по сравнению с самим городом расположены значительно выше» [166, 148]. По его словам, каждая из этих двух частей в начале XVII в. была превращена турками в самостоятельную крепость.

Данные А. Олеария о Шемахе I половины XVII в. также очень интересны: «Раньше она имела гораздо большую окружность и до 5000 очагов, но очень уменьшилась во времена, шаха Аббаса вследствие войн с турками. Она состоит из двух различных частей, которые обе были окружены стенами. Так как шах Аббас заметил, что турки больше нападали на защищенные и укрепленные места, стараясь занять их, и проходили мимо открытых местечек, так как он полагал, что крепости, лежащие не у границ или проходов, но посередине страны, для него более вредны, чем полезны, он и велел сам снести укрепления у южной части, которая имела наиболее сильную стену, так что она лежит теперь вроде открытого местечка. В том же роде было поступлено и с большими городами Тавриз, Нахичевань и Кендже» [141, 462].

Структура Шемахи XVI в. нашла свое грубое отражение на рисунке Олеария, который выявляет важное сведение о том, что город состоял из двух частей. На рисунке Балакалы, дом Калантара, вообще северная часть показаны внутри отдельных крепостных стен, а южная часть — без них. Олеарий писал: «Северная часть несколько меньше, она лежит у холма и окружностью почти столь же велика, как Лейпциг. Окружена она каменною, но плохую стеною без особого рва, так что и при закрытых воротах можно пробраться в город. В городе 5 ворот» [141, 462].

На основе изучения разновременных письменных источников и анализа имеющихся графических материалов нами составлен схематический план Шемахи по состоянию на XVI и на начало XVII в. Нам удалось показать местоположение трех из пяти городских ворот, некоторых кварталов в памятниках. Вероятно, первые ворота находились вблизи Ичкалы, а вторые — в юго-восточной части наружных стен. В этой части крепости башни построены очень близко друг к другу, что, безусловно, объясняется расположением ворот. Естественно, что ворота I (назовем их условно «ворота Гюлистанские») должны были быть поблизости Балакалы, чтобы обеспечить быстрый и своевременный переход ширваншахов в крепость Гюлистан при военных угрозах. Третьи ворота были расположены в южной стене города, что видно из рисунка Олеария.

Расположение вторых городских ворот относительно Балакалы наводит на мысль о наличии соединяющей их улицы.

С другой стороны, как видно из плана Шемахи, составленного в 1947 г., осевая линия одной из основных улиц (ул. Народов Востока) города соответствует оси композиции древней Джума-мечети. Иначе говоря, перспектива улицы замыкается старинным культовым сооружением¹. Наиболее вероятно, что этот принцип одно время был первичным градостроительным моментом, определяющим дальнейшее развитие Шемахи. Нет сомнения, что строители учитывали художественный принцип восприятия осевых перспектив. Судя по приведенному, указанные улицы пересекались в центре города, приблизительно под прямым углом. В то же время ясно, что их направление и положение пересечения соответствовали топографии местности. Поэтому шахристан Шемахи отличался от одноименных структурных частей городов, расположенных на равнинных местностях.

Русский купец Ф. Котов, побывавший в Шемахе в 1623 г., писал: «Город каменный, небольшой и невысокий, и посады каменные. Кругом города проходит ров, ворота обиты железом, а посад, базары и караван-сарай за городом» [103, 74]. Эти сведения позволяют представить планировочную структуру Шемахи в XVI в. трехчастной.

На рисунке Олеария, представляющем общий вид Шемахи, между южной и северной частями города дана широкая, свободная площадь (Vihe Markt) — базар. В южной части дорога на базар (Weg zum Bazar) была прямой и широкой улицей.

Южнее Балаканы, в районе Джума-мечети, были расположены торговые и ремесленные кварталы, состоящие из одноэтажных домов-лачуг, которые по своему характеру были полной противоположностью северной части, где располагались дома богатых слоев населения. Наличие около крепости базара и квартала медников было отмечено в 1703 г. Де Брюином [247, 103]. Несомненно, именно об этом базаре (Кала-базар) упоминает Гмелин, проходивший через Шемаху в XVIII в. [253, 63].

Основу экономической жизни Шемахи, как и других средневековых городов, составляли торговля и ремесло. Большой базар — ядро городской торговли — был самым оживленным уголком Шемахи.

Интересные сведения о шемахинском базаре дают путешественники: «На южной стороне города имеется большой рынок, или «базар», с несколькими различного вида крытыми улицами, в которых помещаются их лавки с различным товаром и золотой парчею, луками, стрелами, саблями и другой ручной работой... Тут же на рынке 2 пакгауза или гостиных двора с разными ходами и каморками. Один

¹ Этот планировочный прием наблюдается и в городе Шуше, где перспектива магистрали Рафта базар закреплена выразительным объемом соборной мечети, композиционные оси которых расположены под небольшим углом.

из них называется Шах-караван-сарай; здесь останавливаются русские, торгующие оловом, медью, нефтью и соболями. Другой называется Лезги-караван-сарай» [141, 462].

Город Шемаха в XVI — XVII вв. состоял из различных кварталов. Основу разделения города на кварталы определяло разнообразие общественно-экономического положения населения. Под названием квартала скрывалось отношение жителей данного квартала к определенной общине и религиозному течению, ремеслу и т. д. Некоторые кварталы именовались по особенностям местности, где они располагались, например: Сары торпаг¹, Нарагач.

Турецкий путешественник О. Челеби свидетельствует, что Шемаха была разделена на 26 кварталов [214, 296]. Два из них — Мейдан и Шапуран, по его словам, привлекают внимание благоустройством и наличием красивых домов, украшенных с тонким вкусом. Эти кварталы были населены богатыми жителями городов.

По сведениям же Гмелина, Шемаха разделялась на 9 кварталов: Ичерикала, Сары торпаг, Калабазар, Джухуд-мехеллеси, Имамлы-мехеллеси, Мейдан, Шапуран (Шап-пири), Галадиби, Нарагач. Местоположение шести из этих кварталов показано в составленной нами схеме. В конце XIX в. в городе было 15 кварталов: Араблар, Ардебилли, Деремехелле, Джухуд-мехеллеси, Имамлы-мехеллеси, Калабазар, Курд, Мейданлы, Сары торпаг, Талыш, Уджарлы, Ших-Захирли, Шихнамаз, Шапирли и Юхарыкала [90, 10].

Каждый квартал разделялся на отдельные улицы и даланы. Улицы в обеих частях города были очень узкими и имели криволинейные очертания, обусловленные приспособлением к горизонталям местности. Обе их стороны были застроены одно- и двухэтажными домами из камня и глины. В средневековье, когда экономические и технические возможности были ограниченными, трассировка таких улиц была целесообразной. Знаменитый французский архитектор Корбюзье называл кривые улицы «дорогой для ослов». Как показывает А. В. Бунин, мнение Корбюзье о кривых улицах феодальных городов является односторонним [51, 122], так как наряду с прямыми улицами кривые улицы также имеют свои достоинства и преимущества. С другой стороны, в период средневековья строитель был зависим от природных факторов.

До нас не дошли достопримечательные строения Шемахи. В 40-х годах XVII в. в Шемахе было 70 михрабов, 7 медресе, до 44 караван-сараев, около 200 лавок. Среди культовых сооружений Шемахи особое место занимает Джума-мечеть, которая являлась организующим началом сложившегося вокруг нее торгово-культового комплекса и доминирующим акцентом застройки [202].

По данным О. Челеби, Шемаха была городом благоустроенным и хорошо обеспеченным водой, имеющим много садов. В 20-х годах XVII в. город имел 4000 [257, 127], а в 40-х годах — 7000 [214, 297] домов. В 1667 г. город испытал сильное землетрясение, продолжавшееся 3 месяца. Тавернье и А. Филипп показывают, что в 80-х годах XVII в. город сильно разрушился и превратился в руины.

Итак, можно сказать, что планировочная структура Шемахи в XVI в. формировалась по трехступенчатому принципу. Город состоял из Балакалы, шахристана и рабада, расположенного южнее, вне крепостных стен. Ремесленные и торговые кварталы, большой базар, а также крытые тупики располагались в основном в южной части города. Пересечение главных улиц, привязанных к природному ландшафту, было в центре шахристана и оставалось верным исторической традиции. Анализ доступных материалов позволил нам графически изобразить в виде схематического плана основные элементы градостроительной структуры Шемахи.

ТЕБРИЗ. Благоприятные естественно-географические условия, здоровый климат, прекрасный ландшафт, богатые природные ресурсы, развитая экономика и естественные оборонительные рубежи местности способствовали возникновению в центральных областях Азербайджана еще задолго до нашей эры ряда небольших городов-убежищ. К их числу следует отнести Таври и Тармакису, известные по анналам ассирийского царя Саргона II (722 — 705 гг. до н. э.). Эти городища, расширяясь, превратились в город Тебриз. Выгодное географическое положение Тебриза как крупного торгового центра явилось главной предпосылкой его возвышения до и после ислама на арене Востока. Особенно возросло значение Тебриза, оказавшего значительное влияние на формирование научных и архитектурно-художественных направлений в Передней Азии в конце XII в., после превращения его в административно-политический центр государства Ильдегизидов.

Тебриз в течение многих столетий являлся столицей крупных государственных образований: Ильдегизидов (1136 — 1125), Хулагуидов (1265 — 1335), Чобанидов (1340 — 1357), Джелаиридов (1360 — 1387), падишахов Кара-Коюнлу (1410 — 1468), Ак-Коюнлу (1468 — 1501) и первых Сефевидов (1502 — 1548), что способствовало развитию его как одного из значительных хозяйственно-культурных центров Передней Азии. Среди многочисленных описаний городов Азербайджана средневековыми авторами Тебризу, который после избрания его Абага-ханом в 1265 г. в качестве столицы за короткий срок превратился в крупнейший культурно-экономический центр, уделяется значительное внимание. Благодаря

¹ Этот квартал с одноименной мечетью был расположен несколько западнее Джума-мечети. См.: Г. Дж. и др. Из истории шемахинской Джума-мечети (на азерб. яз.). «ДАН Азерб. ССР», т. XXVII, 1971.

благоприятной обстановке архитектура в Азербайджане, в частности в Тебризе, в это время не только достигла уровня периода Сельджукидов, но и превзошла его [67]. Выбор Тебриза, сравнительно мало пострадавшего при Чингис-хане, в качестве столицы не случаен. Город был расположен вблизи летних и зимних кочевьев монголов [33, 145; 149, 903]. Особенно сильному росту Тебриза способствовало разрушение в 1258 г. Багдада, а также перемещение к нему главных торговых путей. В этот период Тебриз своими размерами, численностью населения, масштабами торговых операций значительно превосходил самые крупные города Западной Европы, такие, как Милан, Венеция, Флоренция и Париж. В XIV в. он имел большое хозяйственное значение для страны. Экономическое благополучие города заметно возросло после разрушения Тимуром Астрахани в 1395 г. и Багдада в 1400 г.

В правление Газан-хана (1295 — 1304) Тебриз достиг наивысшей ступени развития и играл значительную роль в культурной жизни Востока, так же как Пекин на Дальнем Востоке, который был превращен в столицу великим ханом Хубилаем в 1260 г. Обе столицы находились на самых отдаленных концах огромного Монгольского государства, т. е. центры были перемещены из кочевого сектора в сферы городской жизни. При Ильханидах в Тебризе встречались посланники великих ханов и других монгольских князей, послы из Индии и Египта, а также европейских королей и византийского царя. Город превратился в политического посредника между Востоком и Западом.

В этот период при участии уйгурских художников развивается знаменитый тебризский стиль живописи [182], в котором «ощущается сильное влияние дальневосточной книжной миниатюры» [264]. Экономическое и культурное развитие страны при Ильханидах явилось важной вехой и в строительстве, которое отличалось небывалым размахом, масштабностью и сложностью архитектурно-пространственной композиции. Рашид ад-Дин отмечает, что монгольские ханы имели пристрастие к благоустройству, но очень редко доводили его до конца. Уже при ильхане Аргуне [1284 — 1291] постройки Ильханидов привлекают внимание; Аргун-хан в Шервиязе основал большой город, который позднее был назван Султания [278, 190]. В местности Шам (западнее Тебриза) он заложил прекрасные здания и сказал: «Каждый смертный, кто хочет, пусть (себе) там строит жилище. Он провел (в городе) кяризы и назвал его Аргунья» [167, 128].

Газан-хан, одержав победу над Байду, остановился во дворце, уже заложенном отцом Аргуном в Шаме, и отсюда издал приказ о том, чтобы в стольном городе Тебризе, Багдаде и других городах ислама разрушали все храмы бахшиев, кумирни, церкви и синагоги. Основными жертвами этого приказа стали буддийские храмы. После принятия Газан-ханом ислама началось строительство мечетей, медресе, ханега, бань и разных богоугодных учреждений.

Газан-хан проводил важные реформы не только в хозяйстве, государственном и военном аппарате, но и в архитектуре. По сведениям Рашид ад-Дина, руководство строительными работами было поручено Газан-ханом «честным и доверенным» лицам; на работу назначались архитекторы опытные и умеющие составлять чертежи. На благоустройство городов страны и строительство подземных, а также оросительных каналов выделялись большие средства. Газан-хан сделал Тебриз центром своего королевства и приказал начать возведение массивной городской стены, которая имела шесть ворот: Уджанские, Ахарские, Ширванские, Сардрудские, Шамские (Сирийские) и Сараврудские. Стены занимали территорию, намного большую, чем ранняя фортификация. «Окружность стен Тебриза (до Газан-хана. — В. М.), была в 6 тысяч шагов; они имели 9 ворот. Так как во времена монголов этот город стал столицей, в нем собралось большое население, а вне города построили зданий до такой степени, что за каждым воротами, помимо первоначального города, появились поселения. Газан-хан обвел его (город) новыми стенами, так что все сады, здания, селения (пригороды) также оказались внутри тех стен; из-за его кончины (стены) не были окончены. Окружность стен газан-хановых двадцать пять тысяч шагов. Они имеют 6 ворот...» [101, 3]. У каждых из новых ворот Тебриза построили караван-сарай, рынки, бани, карханы, базары, склады, мечети и другие сооружения. Образовавшиеся торговые комплексы на площадях перед городскими воротами радиальными улицами соединялись с общественным центром, т. е. с центральным базаром, расположенным в середине города. Проведение такого рода смелого градостроительного мероприятия усовершенствовало планировочную структуру города и придало ей новое функциональное качество — из моноцентрической она превратилась в полицентрическую. Возведение значительного масштаба сооружений, как правило, сопровождалось проведением комплексных градостроительных работ. В связи с территориальным ростом Тебриза была удлинена протяженность городских стен, внутри которых возникали новые обширные кварталы.

Внутри газановых стен в восточной части города известным государственным деятелем и ученым Рашид ад-Дином был создан целостный и законченный в архитектурном отношении большой квартал с 30 тыс. домов, общественных, культовых, научных и торговых сооружений, который еще больше расширился при его сыне Гияс ад-Дине. Известно, что в 1351 г. мелик Ашраф (1344 — 1356) перенес государственный аппарат в новый квартал Руб-и Рашиди [142, 15], учитывая его укрепленность, благоустройство и застройку прекрасными, величавыми зданиями. Обстроенный дворцовыми сооружениями и новыми жилыми домами квартал некоторое время играл роль цитадели — внутренней крепости. Квартал Руб-и Рашиди, «оставивший в тени античные комплексы» (А. Поуп), примечателен комплексным

и рациональным решением функциональных и пространственных задач. Комплекс был возведен на основе единого, заранее обдуманного градостроительного замысла. Основными композиционными узлами городка были огромные здания Гунбад и Даруш-шафа, составившие соответственно центры культового и научно-исследовательского комплекса. Это был поистине специализированный культурный центр — университетский городок Передней Азии, который начиная с конца XIV в. постепенно разрушался.

Имел ли Тебриз в конце XIV в. новую цитадель или нет, об этом мы не располагаем точными сведениями. Однако некоторые ученые предполагают, что упомянутый послом кастилийского королевства Клавихо «большой дом, окруженный красивой стеной богатой работы» [104, 169] — Довлетхана может отождествляться с цитаделью¹, на месте которой позднее Осман-паша построил четырехугольную [270, 641]. Во всяком случае, не будет ошибкой отметить, что Тебриз имел при Газан-хане двухчастную, возможно, и трехчастную структуру, если принимать территорию города, окруженную домонгольскими стенами, за шахристан.

Тадж ад-Дин Али-шах построил за кварталом Нармийн колоссальную мечеть, ставшую частью городской структуры. Она вызывает восхищение монументальностью, строгостью линий и высоким качеством строительных работ. Эта мечеть, возвышавшаяся посреди города, имела большое значение в сложении первоначальных центральных улиц в XIV в. Позднее, при Каджарах, она была переделана под цитадель — арк. В формировании планировочной структуры города, несомненно, большую роль сыграл знаменитый крытый рынок — чарсу, построенный Газан-ханом и описанный Ибн-Баттутой, посетившим его в 1333 г.: «... вошли в город через Багдадские ворота и дошли до огромного рынка (чарсу), называемым рынок Газана. Этот рынок самый красивый из тех, которые я наблюдал в городах мира. Там для каждого вида кустарного промысла имеется особое место, они между собой не смешиваются. Когда я проходил через ювелиров, мои глаза жмурились от блеска драгоценных камней» [273, 254]. Другим великолепным рынком Тебриза является построенный в XV в. Узун-Хасаном (1453 — 1478) огромный торговый комплекс - крытый рынок Кейсария, большая часть которого сохранилась до настоящего времени. [77].

В двух километрах западнее Тебриза в местности Шам был создан городок Газания, выполнявший ряд общественных и торговых функций столицы и впоследствии органически слившийся с городом. Организующим началом при строительстве этого городка явился огромный мавзолей. Газан-хана. Рашид ад-Дин пишет, что, как и его отец, Газан облюбывал селение Шанб, которое при нем получило название Газания. Шам — это искаженное название Шанб, т. е. купол, сокращенное Шанб Газана или Шанб-и Газани, которым раньше обозначался только мавзолей Газана, а позже граничащие с ним культовые учреждения². Этот комплекс содержал в себе одну мечеть, два медресе, один замок (убежище) дервишей, один постоялый двор, архивное здание, одну библиотеку, цистерну для питьевой воды, даровую баню, здание управления, которые служили религиозным, научным и гигиеническим целям. За короткое время вокруг комплекса вырос обширный город. Сохранность комплекса, как и в квартале Руб-и Рашиди, поддерживалась за счет доходов благотворительных учреждений. Трудно допустить, что комплекс подобного масштаба соорудился стихийно и представлял собой сложный конгломерат различных зданий. Ясно, что не связанные единством архитектурно-художественного замысла монументальные здания не могли бы организовать ансамбль градостроительного значения.

В 1297 г. Газан заложил «основание высокого куббе» в местности Шам, «где он выстроил Аббаб ал-бирр, так что он включает в себя богоугодные заведения и большую часть их садов, и дал ему название Газания» [167, 235]. Рашид ад-Дин утверждает, что в Газании был огромный сад, который назывался Адилия (сад справедливости). В пределах этого сада находился комплекс Аббаб ал-бирр (Ворота благочестия), центральным местом которого являлся мавзолей Газана, украшенный глазурованными плитами и увенчанный куполом. Работы на этом объекте³ продолжались в течение нескольких лет, в том числе облицовочные — до 1305 г., когда свод неожиданно обрушился.

Газан-хан «самолично сделал чертеж» мавзолея. В процессе работы он часто находился на строительстве и давал указания строителям и мастерам. Газан-хан задумал сделать свою усыпальницу лучше и выше величественного мавзолея султана Санджара в Мерве, который был самым большим зданием на свете, которое он видел» [167, 236]. Мавзолеем строили 14400 рабочих, из которых 13 тыс. были заняты всегда, а 1400 — временно, т. е. привлекались как дополнительная рабочая сила. По приведенным цифрам можно судить о размерах возводимого сооружения. Видимо, большой коллектив строителей был разделен на группы, выполнявшие различные работы. Несомненно, к сооружению комплекса в Газании привлекались самые лучшие мастера-устады строительного дела Азербайджана, а

¹ Довлетхана, очевидно, была образцовым дворцовым комплексом Тебриза и состояла из 20 тыс. комнат. Построена султаном Увейсом (1354 — 1374)

² И. Дибадж указывает, что в монгольском языке слово «шанб» означает могилу (дахма), усыпальницу, откуда и произошло название памятника. См.: М. Д и б а д ж. Рахнемайе асар-е тарихи-йе Азербайджане шарги (на перс. яз). Тебриз, 1334 г. х. стр. 10, 11. (Пользуясь возможностью, выражаю признательность Л. Керимову за любезно предоставленный перевод текста).

³ Согласно Абдуль Казем ал-Кашани архитектором мавзолея и других строений Ворот благочестия был Тадж ад-Дин Али-шах. 26

возможно, и зодчие из Средней Азии, где был возведен мавзолей султана Санджара, который, очевидно, в какой-то мере подсказал замысел мавзолея Газана, а также мавзолея Ольджайту в Султанлии [240, 79].

Мавзолей Газана имел вид мощной многогранной башни. По Вассафу, рукопись которого была переведена Г. Пургсталлем, двенадцатигранное строение имело стены толщиной в 33 кирпича, т. е. 15 елл или gaz¹. Каждый кирпич был весом 10 батман. «В течение трех лет здание достигло 80 елл высоты; 10 елл была высота карниза, а вертикальная высота купола — 40 елл, окружность купола — 530 елл. Все двенадцать фасадов сооружения украшены поясом знаков зодиака» [256, 153]. Общая высота мавзолея, который по пропорциям и вертикальному членению, очевидно, ассоциируется с башенными мавзолеями Азербайджана, была 170 елл (около 42 м)².

Во второй половине XVII в. В. Тавернье, увидевший «большую кирпичную башню, называемую «Канбазун» (мавзолей Газан-хана. — В. М.), писал: «Она приблизительно 50 шагов в диаметре и, несмотря на то, что наполовину разрушена, очень высокая. Кажется, что она напоминает до некоторой степени дворец, и кроме того она окружена высокими стенами, которые и были разрушены землетрясением. В 1651 году в Тебризе и в его окрестностях произошло огромное землетрясение. Многие дома были разрушены, и эта башня свалилась» [254, 377].

Следует отметить, что ценитель и покровитель искусства шах Тахмасиб не остался равнодушным к этому величайшему произведению архитектуры. Он восстановил слегка разрушенный при его правлении купол мавзолея [246, 18]. Возможно, что представленная нами миниатюра, где в отличие от миниатюры XIV в. Газания передана в другом аспекте, была выполнена после реставрационных работ не только купола, но и других частей комплекса, чего требовали частые землетрясения. В результате войн, землетрясений и в меньшей степени из-за сознательных действий владетельных особ Газания, так же как и Руб-и Рашиди, была совершенно разрушена, и, таким образом, были безвозвратно утеряны произведения наивысшего расцвета средневекового азербайджанского зодчества. Так, в 1611 г. шах Аббас превратил в руины прекрасные памятники городка-резиденции Газании, расположенного в сегодняшнем пригороде Кара-Малик.

Вассаф, Рашид ад-дин, Ибн-Баттута, Шарден, Тавернье, Челеби и другие упоминают в своих работах это монументальное сооружение Тебриза. Занимались исследованием памятника Коста [248], Дьелафуа, Годар [254], Уилбер [278], Зарре [272, 27], чьи высказывания, иногда ошибочные (например, П. Коста сообщает, что высота мавзолея от почвы до верхушки купола была более 140 м) и предположительные, расширили круг наших знаний о нем. Наряду с работами этих авторов, заслуживает внимания изображение Газании 1318 г. Миниатюра XIV в. оказывает большую помощь в изучении архитектуры некоторых сооружений комплекса и мавзолея Газан-хана, занимающего центр композиции огороженного аркадами многоугольного двора. Квадратный в плане призматический корпус мавзолея увенчан сферическим куполом.

Другим не менее ценным источником для изучения Газании, а также всего города является впервые вводимая нами в научный обиход миниатюра турецкого художника и архитектора XVI в. Насуха Матракчи [135] — участника военных походов султана Сулеймана I (1520 — 1566) в Азербайджан. Представленная миниатюра в обобщенном виде отражает планировку Тебриза XV — XVI вв. Медленное изменение планировочной структуры средневековых городов позволяет считать ее неоценимым источником по изучению архитектуры и градостроительства Тебриза в течение более чем 150-летней истории. Как видно, город был окружен крепостными стенами с четырьмя воротами. Территория его эллиптической формы была разделена небольшой речкой на две части, связанные пятью мостами. (Столетием позже Тавернье отмечал эту особенность в плане города, однако тогда на реке было уже не пять, а три моста). Художник довольно точно передал местоположение крупных архитектурных памятников, ансамблей, площадей и направление улиц, что подтверждается сравнением миниатюры с известным расположением таких сооружений, как Голубая мечеть, мечеть Али-шаха, мечеть Узун Хасана, на современном плане города. Культовые сооружения, занимающие в основном центральную часть города, очевидно, служили ядром формирования городских ансамблей и отличались парадностью архитектуры. Их художественная выразительность обусловлена не только применением на фасадах полихромной мозаики, но и своеобразным композиционным построением. Комплекс Газания занимает левый нижний угол миниатюры. Он представляет собой как бы генплан и одновременно раскрывает объемно-пространственное решение комплекса и архитектурную трактовку его компонентов. В комплекс входят три группы довольно значительных зданий, находящихся вокруг мавзолея Газана на прямоугольном дворе, который обнесен стенами с широким порталом — парными входами, бассейном перед ними. Расположение мавзолея в геометрическом центре участка (сада Адилия) соответствует письменному сведению Рашид ад-Дина и изображению-миниатюре Газании XIV в. Очевидно, при сооружении всех

¹ Персидский историк Хафиз-и Аbru указывает, что gaz равен приблизительно 30 см. Вассаф, говоря о мавзолее Ольджайту, писал, что купол имел в диаметре 100 gaz. Известно, что действительный диаметр купола мавзолея Ольджайту равен 25,5 м. Исходя из этого для gaz получим цифру несколько меньшую — приблизительно 25 — 26 см.

² Если предполагаемой величиной (1 gaz = 25 см) измерить окружность купола, то его диаметр составит около 42 м, что вызывает сомнение в достоверности этой величины.

этих зданий, в функциональном и пространственном отношении тесно связанных, зодчие учитывали градостроительные принципы и требования Востока. Можно заметить общую планировочно-композиционную идею, которая положена в основу застройки комплекса. Как видно, для усиления впечатления монументальности здания объединены в группы, расположенные друг против друга по обе стороны длинной оси двора. Такая структура наблюдалась в организации ансамблей в городах Средней Азии в XV — XVI вв. [110, 141]. В архитектурно-художественном отношении мавзолеев Газана, несомненно, являлся самым прекрасным из всех сооружений городка Газания¹.

В начале XV в. испанский посланник Клавихо нашел Тебриз удачно расположенным относительно природно-климатических условий, городом с огромными зданиями, красивыми улицами и многими лавками-магазинами. Тогда в городе было 200 тыс. домов, около 800 тыс. населения. В XV в. Тебриз украсился новыми высокохудожественными комплексами — Насрия, Музаффария, Кейсария и другими постройками — дворцами, мечетями, крытыми рынками и уникальными сооружениями, которые строились по инициативе правителей Джахан-шаха Кара-Коюнлу и Узун Хасана Ак-Коюнлу.

В 1475 г. Контарини сообщает, что «Тебриз крепостных стен не имел, а был обнесен довольно плохим земляным валом» [77]. В это время² Тебриз имел многочисленные кварталы, благоустроенные улицы и площади. Тогда же сформировалась главная многофункциональная площадь Тебриза — Сахибабад, застроенная административными, культовыми, гражданскими и торговыми сооружениями. Площадь, расположенная на правом берегу Мейданчая, была композиционным узлом крупных ансамблей — Насрии, Хашт Бехишта (1486) и торгового комплекса Кейсарии, построенного Узун Хасаном. Комплекс Насрия — медресе, завие, мавзолеев, мечеть, архитектурной доминантой которого была мечеть Узун Хасана, замыкая площадь с восточной стороны³, соединялся с севера с дворцовым комплексом Хашт Бехиштом. Он состоял из различных сооружений, предназначенных для обслуживания правителей и дворцовой челяди, и библиотеки. Между мечетью Узун Хасана и дворцом находилось здание больницы. Связь между торговым комплексом, расположенным на левом берегу Мейданчая, и площадью Сахибабад обеспечивалась мостами, переброшенными через реки.

«Площадь Тебриза — самая большая городская площадь... какую я когда-либо видел, — писал французский купец Шарден во второй половине XVII в., — она намного больше, чем площадь Исфаган» [245, 326]. Нет сомнения, что, крупная прямоугольная площадь Сахибабад была центральной городской площадью Тебриза и выполняла административную, культовую и торговую функции⁴. В миниатюре Насуха Матракчи площадь Сахибабад изображена в левой части.

Создание сильного государства Сефевидов в XVI в. благоприятствовало развитию Тебриза. Однако часто вспыхивающие войны мешали широкой градостроительной деятельности. И все же, несмотря на это, ряд авторов называл Тебриз «столицей Востока», «самым благоустроенным из городов обитаемой четвертой части мира».

Мы не располагаем подробными описаниями города, относящимися к XVI в. Но многие из описаний XVII в. можно перенести и на XVI в. В начале XVII в. Тебриз представлялся таким: «Тавриз — очень большой город с прекрасными домами, садами и башнями... Имея в окружности 5 немецких миль, он совершенно не укреплен и открыт для нападения, не имеет стен и весь, как уже было сказано выше, из камня и глины и намного разорен. Посреди города находится большой старинный замок, окруженный двойными стенами и рвами» [206, 33]. В 1627 — 1629 гг. город располагал городскими стенами [257, 196]. Указывая на состояние города Тебриза в 1635 г., источники единодушны в отношении основательного разрушения его крепостных стен и архитектурных памятников. Во времена Шардена крепостных стен Тебриза не существовало, о чем можно судить по зарисовке сопровождавшего его художника Ж. Грело.

Большинства сооружений вокруг площади Сахибабад во второй половине XVII в. также не существовало. Вполне естественно, что первоначальные оборонительные стены Тебриза не могли остановить естественного процесса его развития. Этому способствовало удобное географическое расположение города, благодаря которому он и приобретал радиально-кольцевую планировку. Новые кварталы размещались вокруг центрального ядра планировочной структуры согласно производственным,

¹ Стихотворение из работы Вассафа, которое цитировалось Гаммером-Пургсталлем, подтверждает это. Таково его содержание: «О высочайший купол! Тобою можно любоваться и поражаться день и ночь. Даже пирамиды нищими кажутся по сравнению с тобой. Нигде и никогда не найдется строителя, который мог бы создать что-либо подобное. О здание! Как величественны твои колонны, твои стены, с которыми можно долго жить. Строитель же стоит на самом высоком горизонте с почестями, счастьем и награжден султанским древком».

² После Газан-хана в Тебризе значительных работ по строительству оборонительных стен не проводилось. См.; Г А Д е л л и. О Тебризской крепости и оборонительных укреплениях (XIII - начало XIX в.). «Изн. АН Азерб. ССР, серия лит-ры, языка и искусства», 1973, № 1.

³ На этой стороне площади была другая большая мечеть, построенная шахом Тахмасибом и впоследствии разрушенная турецкими солдатами. Ряд культовых сооружений, возводимых шиитами, был заброшен во время турецкой оккупации, так как шиитам не было дозволено пользоваться мечетями, построенными суннитами.

⁴ Тебризская площадь превосходила по размеру и казвинскую (700x200 шагов). В источниках указывается, что тебризская площадь вмещала 30 тыс. войска.

национальным, бытовым и другим особенностям жителей. Характерным для городских мехелле Тебриза, как и Султани, было наличие ограждающих их стен, что подтверждает и миниатюра XVI в.

Несмотря на неоднократные разрушения, Тебриз в то время был раскинувшимся во все стороны большим городом¹. Очевидно, Адине-мечеть, мечеть Чахар-минар, Хан-мечеть, зафиксированные в зарисовке Ж. Грело в самой его середине, были изображены и на миниатюре XVI в.

Наряду с красивыми улицами, в городе были узкие, нерегулярные и неблагоустроенные улицы. Как и во многих городах феодального Востока, подобные улицы, очевидно, составляли большой процент в уличной сети Тебриза. В делении города на районы определенную роль сыграли наряду с социальной структурой городского общества религиозно-бытовые особенности населения и естественные условия. Не случайно названия его отдельных частей связаны со своеобразием природных особенностей данной местности. Так, приводимое О. Челеби название квартала Полибаг (Садовый мост) произошло, по-видимому, от одного из трех мостов, упоминаемых Тавернье: «Через город течет небольшая речка, имеющая хорошую воду, и называется Шейнкая. Через эту речку переброшены три однопролетных моста, связывающих одну сторону города с другой» [277, 21].

Сооружения Тебриза, особенно культовые, вызывали восхищение многих современников. Общий стиль архитектуры сооружений данного типа наглядно представлен в миниатюре Матракчи Насуха.

Культовые сооружения, преобладающие среди монументальных зданий города, выделяются размерами, своеобразием композиционно-художественного решения, что обуславливалось их типологией и стилистическими особенностями развития тебризской архитектурной школы. Многоярусные сталактитовые карнизы под куполами, отличающиеся богатством убранства, входные порталы, своеобразные конические купола с ячеистой поверхностью, фланкирующие вход и слегка суживающиеся кверху высокие минареты являются неотъемлемыми элементами композиции подобных сооружений.

Заслуживают внимания три мечети с четко симметричными фасадами. Хотя мы не имеем планов, объемно-пространственная композиция этих сооружений дает довольно ясное представление об их структуре.

Первая мечеть имеет много общего со знаменитой тебризской центральнокупольной мечетью — Геок-мечетью (1465) [200, 214]. Схема реконструкции Голубой мечети, предложенная еще П. Костой (248, 53], убеждает, что крайняя мечеть на рисунке Матракчи — это и есть Геок-мечеть. При этом рисунок Матракчи позволяет вносить существенные поправки в схему Косты. Композиционным ядром мечети служит центральнокупольный зал с боковыми галереями. По бокам центрального купола, расположенного по оси симметрии, были еще два купола на высоких барабанах, чего нет в реконструкции Косты. Главный фасад фланкируют два высоких минарета с балкончиками, опирающимися на сталактитовый карниз. Поверхность минаретов, как и интерьеры, облицована многоцветными узорчатыми коврами. Основания минаретов и боковые плоскости стен выполнены простой кладкой. Сталактитовый карниз, подчеркивая переход от барабана к куполу, играет не только декоративную роль, но и служит опорой для его облицовки, как в мечети Биби-ханым [165]. Ячейки сталактитов заполнены глазурованными плитками.

Расположенный по оси композиции портал выделяется богатством архитектурного декора. Постепенный переход от арки к глубокозападающей плоскости дверного проема осуществлялся посредством заполнения ниши сталактитами. Строгие вертикальные минареты подчеркивают статичность композиции мечети.

Вторая мечеть в левой части рисунка имеет вытянутый по длине фасад: центральная часть незначительно выходит вперед. Мечеть имеет несколько приподнятый цоколь, основания парных минаретов, фланкирующих центральный вход, приподняты очень высоко.

Третья мечеть интересна по своей композиции и в архитектурно-художественном отношении более выразительна, чем предыдущие. Прежде всего, привлекает внимание компактность объема.

Следующие две мечети оригинальны высоким коническим куполом с ячеистой поверхностью. Их выразительность основана на контрасте облегченных ярусов купола и тяжелого нижнего объема. Купол состоит из маленьких ниш, которые поднимаются выступами одна над другой. Ряды кладки строго горизонтальны. Конический купол указанных мечетей аналогичен коническому куполу мавзолея Зубайды-хатун (XIII в.) в Багдаде [229, 90; 61, 37] и куполу гробницы Даниила близ Суз.

Асимметрична большая многоминаретная мечеть, расположенная в середине рисунка Матракчи. Она выделяется богатой декоративной обработкой фасада. Фасад покрыт крупными облицовочными блоками, которые заполнены цветными плитками, образующими рисунок геометрического мотива. Подобная обработка и у фасада другой мечети с двумя сравнительно высокими минаретами.

На данной стадии изучения смело можно утверждать, что рассматриваемая зарисовка Матракчи Насуха, в которой зафиксировано около 80 сооружений, вносит много нового в изучение градостроительного искусства Азербайджана и эволюции ряда архитектурных типов. О величине и об архитектурных

¹ Город со всех сторон окружали густые сады. В источниках встречаются сведения о том, что османские солдаты три дня не могли войти в город, до тех пор, пока не вырубил деревья окружающих его садов. Тебриз имел хорошее водоснабжение — с кяризами и открытыми каналами.

формах сооружений Газании определенные представления дают мечети Али-шаха в Тебризе и мавзолеи Ольджайту в Султании.

Рассматриваемые в работе культовые сооружения позволяют сделать вывод, что такие уникальные сооружения XV в., как Геок-мечеть и мечеть Узун Хасана, появились в результате высокого расцвета архитектуры культовых сооружений в Тебризе в предшествующую историческую эпоху.

Следует отметить, что планировка города Тебриза в XIV — XVI вв. ярко отражала характер феодального общества. Общественно-административный и торговый центры, составляя крупный градостроительный узел, удовлетворяли всевозможным функциям средневекового столичного Тебриза. Многочисленные ветви торгового центра, расположенного южнее площади Сахибабад в виде длинных базаров, протянулись в глубь жилых кварталов. Общественно-административный центр занимал относительно высокий правый берег реки Мейданчай, протекающей через селитебную территорию. На самой высокой точке правобережной территории внутри городских стен города находилась цитадель прямоугольной формы, отвечающая военно-стратегическим требованиям эпохи.

Время и войны не пощадили Тебриза. То немногое, что сохранилось от старого города, продолжает воздействовать на наше сознание с исключительной, силой. Сведения же современников о градостроительных особенностях сохраняют в памяти потомков многовековую историю Тебриза — крупнейшего города Востока.

АРДЕБИЛЬ. Развитие сложившихся и возникающих городов — процесс, строго подчиняющийся законам времени. Планировочная структура городов и формирование их художественного облика отражают различные этапы истории общества, индивидуальные черты творчества зодчих, вкусы, традиции и дух сменяющих друг друга поколений. Естественно, что «специфические экономические, общественные и географические условия создают также специфические условия для развития городов» [70, 82].

С этой точки зрения весьма показательно развитие Ардебилля — одного из древнейших городов Азербайджана, возникшего в V в. н. э., т. е. в сасанидский период. Согласно сообщениям арабских географов X в. это был «самый большой город Азербайджана... две трети фарсаха в длину и столько же в ширину, а вокруг него стена; в ней четверо ворот; большая часть построек его из глины» [19, 5; 131, 6].

В 1220 г. Ардебиль был захвачен монголами и превращен в руины; тогда «он находился в открытом со всех сторон и просторном месте» [208, 6]. Развивающаяся с XIV в. архитектура Ардебилля переживает период наивысшего расцвета в конце XV — начале XVI в. В XV в. Ардебиль становится резиденцией местных шейхов. Завоевание ими в начале XVI в. государственной власти во всем Азербайджане способствовало росту значения города. Бурное экономическое развитие Ардебилля было связано с тем, что город, располагавшийся на важнейших путях следования, превратился в культовый центр [150, 25]. Кроме того, он отличался выгодным географическим положением, вследствие чего почти не подвергался разрушениям в период опустошительных ирано-турецких войн.

Для изучения градостроительства Ардебилля XIV — XVII вв., несомненно, большое значение имеют зарисовки, приложенные к книгам А. Олеария и О. Даппера. Сопоставление сведений путешественников и современников с этой зарисовкой позволяет высказать некоторые соображения о планировочной структуре города [141, 250].

В экспликации зарисовок приведены названия достопримечательностей Ардебилля и литерами указаны местоположения главных улиц, площадей, мечетей, караван-сараев, культового комплекса шейха Сефи, огромного крытого рынка, мостов, благодаря чему мы имеем конкретные представления не только об отдельных городских элементах, но и обо всем городе в целом. Рассмотрим расположение в общем плане города основного компонента ардебильского ансамбля — комплекса шейха Сефи. Местонахождение комплекса в вышеупомянутых зарисовках обозначено литерами X, A, однако это не дает полного ответа на вопрос о характере плана этого комплекса в общей планировочной структуре города, об его ориентации, о связи с большой торговой площадью и др.

Тавернье отмечает, что путь к комплексу шейха Сефи лежал через базар и большой портал, который возвышался непосредственно на границе городской площади. За площадью-мейданом размещалось огромное здание — крытый рынок Кейсария. Вполне естественно возникает мысль, что Кейсария и входной портал комплекса были расположены друг против друга. Если это так, то главная торговая улица вела через базарную площадь к культовому комплексу. В средневековье, когда религия господствовала над умами людей, такое расположение религиозного центра в городе, т. е. тяготение главной артерии — торговой улицы к культовому комплексу и завершение ее этим комплексом, было весьма логично.

В процессе развития каждого города ведущее место принадлежит тому или иному градообразующему фактору. В средневековье такими факторами являлись рынки (Барда), стратегически укрепленные крепости-замки (Кабала, Дербент, Шемаха) и чрезвычайно почитаемые святилища (Ардебиль).

Одним из святилищ феодального Азербайджана был некрополь династии Сефевидов (1503 — 1736). Вокруг усыпальницы-мавзолея шейха Сефи, где покоились останки двенадцати представителей сефевидской фамилии, возникает огромный архитектурный комплекс, сгруппированный вокруг ряда дворов.

Шииты стекались к комплексу непрерывным потоком. Стремясь усилить религиозное воздействие святилищ на массы, шахи довольно часто совершали паломничество к гробницам своих предков. Город Ардебиль ввиду превращения мавзолея шейха Сефи в место паломничества стал центром Сефевидского государства.

Мавзолею шейха Сефи принадлежали крупные вакфные имения. Вакфное имущество и большой доход от паломничества составляли экономическую основу ардебильского святилища. Комплекс шейха Сефи был, несомненно, «подлинным градообразующим фактором для Ардебиля» и отразил в себе архитектурное, идеологическое и экономическое значение города [178, 106].

Сведения Стрейса о том, что «в Ардебиле нет ни валов, ни стен, ни каких бы то ни было укреплений» [189, 286], соответствует вышеупомянутой зарисовке города. Отсутствие окаймляющих городских укреплений в Ардебиле сделало возможным формирование довольно просторной планировки, отличающей его от многих других городов феодального Востока, в частности Азербайджана. Спокойный рельеф подсказал композицию плана и, определив внутреннюю структуру города, способствовал трассировке сравнительно прямолинейных улиц.

«Через город течет маленькая речка *Valuchlu* (Балыхлы — рыбная), через которую переброшено много каменных мостов. Речка течет с юга. Перед городом она разделяется на два рукава — один течет через город, а другой рукав падает за городом в речку «Карасу» [250, 38]. Протекающая через Ардебиль река отразилась на общей композиции плана города и, несомненно, благоприятно сказалась на его микроклимате, способствуя смягчению жаркого воздуха. Река и хорошо озелененные и благоустроенные улицы Ардебиля значительно улучшали эстетические качества городской застройки. В планировочной структуре города принципов полной регулярности не прослеживается, зато ощущается гармоничность в сочетании отдельных узлов. Ярким подтверждением этого может служить центральный торгово-культурный ансамбль города.

Судя по зарисовкам, композиционно-планировочной основой города служила торговая улица, протянувшаяся от моста Якуби (*M*) к комплексу шейха Сефи (*X*) и застроенная с обеих сторон торговыми лавками. К этой улице тяготели другие — второстепенные улицы. Как видно, доминирующим акцентом композиции плана являлся центральный торгово-культурный комплекс.

Город Ардебиль имел пять главных улиц, выделявшихся по ширине и озеленению, — Дерване, Табар, Ниардавар, Кумбалан и Кафир-куче. Одновременно эти улицы означали и названия отдельных кварталов — мехелле. Улицы «очень широки и обсажены высокими чинарами и другими деревьями, так что они дают в большую жару хорошую тень», — пишет Даппер [250, 38]. Стрейс перечисляет также множество других маленьких улиц и переулков. Это Бандер-хан, Каманкер, Дегме-даггур Урзуми-магеле, названия которых, видимо, искажены.

Зарисовки позволяют заключить, что большинство улиц Ардебиля XIV — XVII вв. сходились у главного городского ансамбля. Почти радиальное построение главных улиц привело к сильному подчеркиванию городского центра. Улицы, которые тяготели к центру, связывая торгово-культурный комплекс с периферией, организовали приблизительно радиальную планировочную систему. На пересечении главной магистрали и улицы, соединяющей мост Хефт-пул с главной базарной площадью, размещалось большое четырехугольное здание крытого рынка Кейсарии, где продавались золотые и серебряные вещи. Из Кейсарии «можно было через три портала попасть в крытые даланы», чтобы купить более простые вещи.

Торгово-ремесленный профиль экономики оказал существенное влияние не только на характер архитектуры жилищ, но и на архитектуру улиц. Вдоль главной улицы группировались лавки, мастерские ремесленников и караван-сарай. Такой прием застройки улиц характерен для городов Средней Азии, например, для Бухары [110, 105].

В расположении торговых рядов, очевидно, соблюдался определенный порядок. Судя по экспликациям зарисовки, в городе процветала мелкая торговля (*die Kramerstrafen*), которая удовлетворяла потребности населения.

В отличие от ряда средневековых городов Азербайджана, где торговые и общественно-культурные сооружения распределялись более или менее равномерно, в Ардебиле наблюдалось их сосредоточение в основном по линии базарной улицы. На эту главную артерию города выходили крытые улицы Байындархан и Кумбалан, где торговый люд, очевидно, укрывался от жгучих солнечных лучей. Уличная сеть города была нерегулярной. На улицу выходили только глухие стены домов, которые имели двор и сад.

В городе было множество маленьких площадей, выполнивших различные торговые функции. Базары площади — это необходимый атрибут, первостепенная часть торгово-ремесленных городов феодального Азербайджана. Развитие в городе многих видов ремесел подтверждается наличием большого количества базарных площадей, где реализовался определенный вид изделий ремесленного производства¹ [41, 145].

¹ То же самое наблюдалось в XVI в. и в Самарканде.

Из многих площадей Ардебиля Даппер особо выделяет главную *базарную площадь*: «Ардебиль имеет большую украшенную площадь — площадь прогулок или базарная площадь - так примерно 300 шагов в длину и половины этого расстояния ширины. С обеих сторон площади расположены лавки, среди них лавки ремесленников» [250, 38]. С одной стороны площади находился большой караван-сарай. Базарная площадь имела правильную форму. Включение площади в общественно-культурный комплекс определило ее архитектурное решение — размеры, форму и связь с городскими улицами. Расположенные на противоположных сторонах площади Кейсария крытые улицы — «даланы» и комплекс шейха Сефи обеспечивали ее композиционное равновесие.

Основной костяк города, главные улицы и центральная площадь, как видно из зарисовок, служили единому архитектурно-художественному замыслу. «Каждая площадь, каждая улица и каждое сооружение вообще только тогда и приобретают полную ценность, когда они развивают единую художественную идею, раскрывают ее на деталях и целиком принадлежат только данному городу. В этом залог художественного единства и неповторимость ансамбля» [54, 139].

Отношение ширины площади к ее глубине 1:2. Очевидно, площадь наряду с торговой выполняла и общественные функции. На это указывают ее размеры и местоположение в структуре города.

Городской ансамбль достиг композиционного единства выделением, т. е. подчеркиванием, доминирующего компонента — культового комплекса, которым он завершался. По сведениям Тавернье, на границе городской площади возвышался портал, служивший «для оформления перехода или акцентирования входов на огражденный стенами участок» [176, 169]. И здесь заметен широко распространенный в ближневосточных городах прием изоляции архитектурного комплекса. Кульминационным моментом в пространственной организации комплекса является место святыни, куда паломник попадает, проходя последовательно через большой и малый дворы. И соответствующее архитектурное решение участков пути движения к усыпальнице психологически как бы подготавливает его.

Ардебиль был благоустроенным и довольно хорошо озелененным городом. Водоснабжение его осуществлялось по подземным каналам и открытым арыкам, благодаря чему здесь было высоко развито садоводство. «Местность кругом красивая, — пишет Тавернье, — здесь имеются привлекательные места для прогулок под большими деревьями, называемыми ими чинар; деревья посажены прямо в линию, как по шнуру, и на определенном расстоянии друг от друга» [277, 24]. Это высказывание наводит на мысль о существовании в городе садов общего пользования.

В городе было много караван-сараяв, бань и мечетей. Из других сооружений следует отметить монетный двор (die Munzerei), жилище хана, здание, предназначенное для послов, мехманхану, госпиталь — дарулшафа. Самая большая и красивая мечеть — Месджид Адине описана О. Даппером. Она располагалась на небольшом холме, находящемся почти в середине города; мечеть имела довольно высокий минарет. Она посещалась в пятницу: отсюда название мечети Адине, что по-персидски означает «пятница». Перед мечетью расположен родник, который был устроен визирем Сару Ходжа, иначе называемым Мухаммед Рза. Вода проведена сюда с расстояния нескольких миль с гор, лежащих к юго-востоку от города, по подземным каналам [250, 39].

Ремесленное производство и торговый транзит определили строительство в городе крупных общественных и культовых сооружений. По данным Ф. Котова, Ардебиль «рядами (торгово-ремесленными. — *В. М.*) и карамсараями (караван-сараями. — *В. М.*) и дворами и всем больши Шемахи и лутче» [108, 73]. В городе тогда было более 20 караван-сараяв.

Известно, что планировочная структура феодальных городов Востока, в частности Азербайджана, изменялась очень медленно, не претерпевая существенных изменений за многие столетия. Именно поэтому обнаруженный нами в ЦГВИА «План крепости и города Ардебиля», снятый в 1827 г. русскими военными инженерами, имеет большое значение для освещения планировки Ардебиля XVII в. Данный документ фиксирует планировку города с указанием основных памятников архитектуры. В пояснении к плану отдельно стоящий замок зафиксирован как «Крепость, именуемая Балакала, или малая крепость». Эта крепость, которая служила цитаделью города, имеет много общего с крепостью Аббас-Абада близ Нахичевани и Хоя. Особый интерес представляет повторение конфигурации угловых бастионов. Л. Лоуренс указывает, что крепость была построена в начале XIX столетия старшим сыном Фатали-хана Аббас-Мирзой, который «устроил штаб-квартиру в Ардебиле, где себе построил форт на европейский лад» [267, 101]. В то время командующим этой крепостью был старший сын Аббас-Мирзы Мамет-Мирза.

Судя по плану, город был окружен городскими стенами. Если учесть сведения Стрейса о том, что во время его пребывания в Ардебиле в 1671 г. город не имел никаких укреплений, то, значит, они были построены позже, к концу XVII или в начале XVIII в. От этих городских стен, ранее хорошо укрепленных, в 1827 г. остались одни развалины. Очевидно, они были разрушены в 1730 г. после отвоевания Ардебиля у турок Надир-шахом.

Город, окруженный стенами, на плане обозначен литерой *В* и, как дается в разъяснении, назывался местными жителями Кала-крепость. Она условно разделялась на две части — северную и южную, с соответствующими названиями Наматулла и Гейдар-хан. Городские стены имели четверо ворот: по

часовой стрелке начиная с северных они названы Шихи (вероятно, здесь искажено слово «шейх»; эти ворота находились в районе комплекса шейха Сефи. — В. М.), Кумбалан, Ниярь, Табар. Названия ворот относятся одновременно и к районам, прилегающим соответственно к каждому из них. Все ворота радиальными улицами соединены с центральным торговым районом города. Площадь этого района переполнена лавками ремесленников, караван-сараями; здесь же построена и большая мечеть.

Город имел пять больших районов, носивших названия Табар, Ниярь, Кумбалан, Кафир-куче и Пир Абул-Мелик. Важно отметить совпадение названий кварталов в начале XIX в. с названиями улиц, упоминавшимися еще В. Тавернье, О. Даппером, Я. Стрейсом и др. В каждом районе-квартале были квартальная мечеть и баня.

На плане 1827 г. указаны памятники древности: мечети, караван-сарай, бани, а также комплекс шейха Сефи, обмер которого еще до Ф.Зарре был произведен русскими военными инженерами. К востоку от комплекса изображено множество караван-сараяв и лавок. Судя по числу и группировке строений, это был целый торгово-ремесленный район, выросший у Кумбаланских ворот.

Не представляется возможным установить на плане архитектурную связь между торгово-ремесленным районом и культовым комплексом. Однако возникает мысль о том, что такая связь обеспечивалась через улицу Шихи (Шейхи), так как паломники, вероятно, шли в комплекс шейха Сефи после посещения мечети Имам-заде, находящейся на этой улице.

В заключение необходимо отметить, что Ардебиль в древности был довольно обширным городом с интенсивной жизнью, однако уже с конца XVII в. он начал приходить в упадок. С трех сторон его окружали обширные предместья: Тоз-копардан, Коин-оглы (коюн — овца) и Сейдабад. Его центральная часть была окружена городскими стенами. Ардебиль был разделен на несколько кварталов, каждый из которых имел свои культово-общественные строения. Главные улицы обеспечивали связь между воротами и торгово-ремесленным районом, радикально сходясь в городском центре у Кумбаланских ворот. Главным въездом в город, очевидно, служили Кумбаланские ворота. Город обеспечивался водой из реки Балыхлычай, протекавшей с его южной стороны.

Охарактеризовав в общих чертах Ардебиль, следует отметить, что планировочная структура города была весьма индивидуальна.

НАХИЧЕВАНЬ. Город Нахичевань имеет славное историческое прошлое. До XVII в. он был одним из важнейших культурных центров не только Азербайджана, но и всего Ближнего Востока. Точное время возникновения города неизвестно. Армянские историки считают, что Нахичевань была основана в 1539 г. до р. х. [191, 79]. Некоторые источники, апеллируя к религиозным преданиям, относят возникновение города ко временам Ноя [220, 478; 138, 110] — «прародителя рода человеческого». Город уже в первой половине II в. н. э. упоминался под именем Наксуана у Птолемея, затем в IV — V вв. как Нахичевань — у армянских историков и, наконец, Нешава или Нешуи в арабских источниках IX — X вв. Во всяком случае, памятники материальной культуры из Кюльтепе дают основание предположить, что в районе Нахичевани поселение существовало еще в эпоху энеолита [9, 40].

За время существования город пережил нашествие скифов, киммерийцев, сасанидов, сельджуков, монголов, турок и других племен, разрушавших его до основания. Однако благодаря своему важному значению он неизменно восстанавливался вновь. В XII в. Нахичевань достигла наивысшего расцвета и стала столицей Азербайджанского государства атабеков Ильдегизидов. Тогда она была огромным городом, находившимся на главных караванных путях.

Из описания Нахичевани, составленного в начале XIII в. анонимным автором, явствует, что город состоял из двух частей — шахристана и арка. В укрепленном шахристане было много зданий. Автор упоминает дворцовые сооружения (сарай), загородные замки-усадебь (айван) и подчеркивает, что около города построили крепость-цитадель, где были сосредоточены мечети и медресе [126, 209]. Видимо, в цитадели располагались и административные здания.

В начале XIII в. город Нахичевань подвергся нашествию монголов. Рубрук, прибывший туда в 1253 г., застал его разрушенным [169, 188]. Даже к концу того же столетия, по словам Мухаммеда Нахичевани, из каждых 10 домов 6 были не заселены и необитаемы. В XIV в. Нахичевань из-за разорительных войн между враждовавшими эмирами Чобанидами и Джелаиридами, а также грабительских набегов Тохтамыша и Тимура утрачивает былой престиж.

Бурные политические события XVI — XVII вв. нанесли серьезный урон хозяйственной и культурной жизни города, затормозив его развитие, о чем неоднократно упоминалось в повествованиях целого ряда авторов [120]. Сильно пострадал город в правление шаха Аббаса, который приказал разрушить и опустошить его, чтобы сдержать турецкое нашествие. В 1536 г. Нахичевань была полностью разрушена султаном Мурадом.

К концу XVII в. «Нахичевань — большой разрушенный город, — пишет Шарден, — его можно назвать грудой развалин, постепенно восстанавливаемых и заселяемых. Центр города в настоящее время возобновлен и обитаем; в нем большие базары в виде, как уже сказано, длинных галерей, или крытых улиц, по обеим сторонам которых расположены лавки, торгующие всевозможными товарами. В Нахичевани приблизительно две тысячи домов, пять караван-сараяв, имеются бани, рынки...» [163, 297]. В

силу отсутствия данных, относящихся к более раннему периоду — XIV — XV вв., трудно воссоздать архитектурный облик и градостроительную структуру города. Однако Р. Мамедов указывает, что он тогда имел двухчастную структуру.

О планировке города в ранние периоды его развития некоторое представление дает план, датированный 1827 г. В этом плане отмечены исторические памятники, монументальные сооружения, зафиксирована застройка города, которая имела разбросанный характер, что обуславливалось наличием садов при жилых усадьбах. Заслуживает особого внимания центральный комплекс, являющийся архитектурным акцентом города.

Нахичевань, пережившая несколько культурно-исторических эпох, неоднократно меняла свою структуру. Каждой эпохе соответствовали свои центры. Вероятно, сперва центр города находился в юго-восточной части, в районе старинной крепости Йездабад, а в XII в. был перенесен в район мавзолея Момине-хатун, где возник высокохудожественный архитектурный комплекс, который представлял своеобразную и интересную композицию. Культурный комплекс функционировал в органической связи с торговым и дворцовым комплексами, что составляет редкостный прием в планировке феодальных городов Азербайджана. Эти три группы сооружений, занимая возвышенное место, активно участвовали в пространственной организации большой площади неправильной формы. Прямо через площадь проходила оживленная торговая дорога Тебриз — Нахичевань. Многочисленные караван-сарай города, упоминаемые О. Челеби, занимали центральные и торговые улицы города.

Культурный комплекс Нахичевани состоял из мавзолея Момине-хатун, центральнокупольной мечети, входного портала с фланкирующими минаретами и медресе, относящейся к вакфу мечети, и других сооружений. Из данного комплекса до наших дней сохранился только мавзолей Момине-хатун. Вследствие исчезновения остальных сооружений полноценный ответ на различные вопросы об архитектурно-пространственной структуре комплекса можно получить лишь после археологических раскопок.

Главное здание культурного комплекса — это пятничная мечеть, которая известна по фотографиям и описаниям XIX в. «Это огромное строение со сводами из тесаного камня; внутри его еще видны следы разных барельефных украшений превосходной работы. Часть здания уже разрушилась, а все остальные ежеминутно грозят падением. Сажениях в 50 от него находятся ворота, принадлежавшие некогда к этой мечети, с двумя, по бокам, минаретами, каждый вышиной в 10 сажений. Пространство между мечетью и воротами было прежде занято строениями, принадлежавшими мечети, но теперь, когда этих строений уже нет, ворота кажутся принадлежащими к особой башне, которая от них весьма близко» [228, 150].

Ко времени прибытия в город Нахичевань О. Челеби в нем было 10200 домов (около 50 тыс. жителей), до 1000 лавок, 7 прекрасных бань, много мечетей, купола которых были покрыты изразцами и майоликой, отливавшими яркой гаммой красок. Каждый мехелле имел свою мечеть и баню.

Описание города Н. А. Энгельгардом в какой-то степени отражает традиционные особенности жилой застройки предшествующих эпох: «Почти все (дома. — В. М.) они в один этаж с плоскими крышами и со стороны улицы обнесены высокими стенами из глины, перемешанной с рубленною соломою и мелким булыжником; от этого город имеет унылый вид, и можно иногда пройти почти по всем улицам, не встретив никого, не увидев ничего, кроме высоких стен» (89, 258). И. Шопен указывает, что прежде город делился на четыре главные части: сарбанлар, шагаб, Али-хан, курдлар, а к середине XIX в. в нем насчитывалось уже 13 частей.

Нахичевань в древности представляла собой город, органически связанный с окружающей природой. Исходя из сведений путешественников, посетивших Нахичевань (Шардена, Тавернье, О. Челеби, Дюба де Монпере и др.), не будет ошибочным высказать мнение, что тесная связь с природой была результатом подлинно творческого подхода зодчих к вопросу взаимосвязи ее с архитектурой. И действительно, организация дворцового, культурного и торгового комплексов в середине застройки в виде ярко выраженного городского центра была определена наряду с общественными, административными и идеологическими соображениями и особенностями взятой под строительство территории.

ХОЙ. ХАМАДАН. Довольно значительными городами Азербайджана средневекового периода были Хой и Хамадан. Социально-экономическая история этих городов, к сожалению, недостаточно освещена в отечественной литературе, что намного затрудняет возможность уяснения их градостроительной ценности. Большую часть сведений о Хое и Хамадане составляют данные арабских географов, более краткие сведения — Х. Казвини (XIV в.), Клавихо (XV в.) и О. Челеби (XVII в.).

Нынешнее название Хамадана является производным от несколько измененной формы древнего слова «hagmatana», что означает «место сборищ». Время возникновения города восходит к глубокой древности. Основание Хамадана (Экбатапа), как и других городов (Тебриза, Ардебиля, Барды, Байлакана и др.), приписывается царям. Город был известен как столица Мидии, а также как летняя резиденция государства Ахеменидов.

При мидийских царях и при Ахеменидах Хамадан имел сильно укрепленную цитадель, которая считалась самой мощной крепостью государства и надежным местом хранения царских сокровищ. У подножия цитадели был дворец, выложенный золотыми и серебряными плитами. Остатки этой

древнейшей и недоступной крепости находились на холме Мусалла к юго-востоку от нынешнего Хамадана.

После завоевания арабами в 645 г. город сильно перестроился. Значительному его росту способствовала главная торговая дорога Багдад — Хамадан, разветвляющаяся на север и восток. Уже тогда Хамадан выделялся как складочный пункт. Заслуживают большого внимания сведения о городе арабских географов. Они упоминают город квадратной конфигурации, сторонами длиной в один фарсах. По рассказу Ибн ал-Факиха, Хамадан некогда был гораздо обширнее и занимал огромную площадь в четыре фарсаха в длину и ширину. Центральная часть города была занята шахристаном с четырьмя железными воротами, которые уже тогда были на стадии разрушения [33, 90]. Мукаддаси сообщает, что в Хамадане было «три ряда рынков» [276, 194]. Большие мечети и множество крытых рынков находились в рабаде [261, 421].

Позднее, в 1100 г., город, захваченный сельджуками, стал их столицей. Сельджукские правители обстроили город дворцами, мечетями, медресе и другими сооружениями. Тогда в нем наряду с древним (где обитали султаны) был еще второй кушк у Хамаданских ворот. «Хорошо возделанные окрестности (савад)» [126, 189] Хамадана выделялись своей обширностью.

Уже со второй половины XII в город теряет свое прежнее величие. В 1221 г. монголы после взятия Мараги осадили Хамадан и, разрушив его, учинили кровавую расправу над населением [91, 139].

Такова краткая история Хамадана до прихода к власти Хулагуидов. При Ильханидах к городу вернулось его былое значение. Тот факт, что он находился в центре внимания государей, не случаен. Ремесленно-торговое значение Хамадана в тот период значительно поднялось, так как он находился на одной из пяти больших караванных дорог — на «южной» — Султания — Хамадан — Багдад — Мекка [137, 242].

Интересны сведения Х. Казвини о городе XIV в. Из его рассказа мы знаем, что город был окружен крепостными стенами длиной в 12000 шагов. В центре города стоял главный дворец, названный шахристаном, который тогда был частично разрушен [100, 103]. Ссылаясь на Казвини, можно заключить, что шахристан со всех сторон опоясывали торгово-ремесленные предместья.

Помимо вышеприведенных сведений, ценным материалом, позволяющим представить в общих чертах планировочную структуру Хамадана, является изображение города XVI в. Зарисовки Хамадана и Хоя выполнены также турецким художником Насухом Матракчи во время похода султана Сулеймана на Багдад в 1534 г. [259, 56]. Как видно из зарисовки Хамадана, город состоял тогда из двух различных по величине укрепленных крепостей. Эти крепости, имея почти квадратную конфигурацию, ориентировались по странам света. Город в стратегическом отношении имел благоприятное расположение.

Несомненно, немаловажную роль в хозяйственной жизни Хамадана и Хоя сыграли реки, на берегу которых они были расположены. Спокойный рельеф местности обусловил конфигурацию крепостей, так как идеальный план в виде прямоугольника был возможен лишь в равнинных условиях. Городские стены Хамадана были укреплены угловыми и промежуточными башнями. Световые проемы свидетельствуют о том, что верхние этажи угловых башен были отведены под караульни. Башен на северной стене крепостей было больше, чем на остальных. Очевидно, это объясняется более частым нападением на город с северной равнинной стороны.

Основной артерией крепости по составленному нами схематическому плану была магистраль, разрезавшая ее в меридиональном направлении и протянувшаяся от северных ворот до южных. От этой магистрали разветвляются узкие второстепенные улицы; почти в геометрическом центре крепости она пересекается другой главной улицей, которая выходит за восточную стену и соединяется с малой крепостью.

Очевидно, ближе к северным воротам находился дворец правителя, окруженный стенами. Известно, что по установившимся традициям после XV в. мечети связывались в основном с торгово-ремесленными комплексами. Исходя из этого можно предполагать, что у южных ворот, где стояли две мечети, была расположена общественная площадь и, может быть, даже большой торговый комплекс. Судя по зарисовке, плотность застройки здесь по сравнению с малой крепостью была не так уж велика.

В малой крепости все узкие улочки сливались с главной улицей, простиравшейся в широтном направлении.

Город Хамадан в XVI в. много раз был захвачен турками. О. Челеби, посетивший город в XVII в., пишет, что он имел четверо крепостных ворот с названиями Кум, Дергезин, Биситун и Багдад. В городе было много бань, мечетей и лавок. Многочисленные караван-сарай, хорошо возделанные дворцы и более двухсот бань были достоянием города.

Другим значительным городом Азербайджана средневекового периода, зарисовку которого мы рассматриваем, является Хой. Город Хой существовал еще до прихода арабов. Он находился на древней караванной дороге Двин — Марага, проходившей через Салмас. Хой был хорошо укрепленным и процветающим городом. Несмотря на тяжелые разрушения монголов, в нем с конца XIII — начала XIV в. наблюдается оживление ремесленного производства, особенно ткацкого. От названия города произошло наименование особой ткани. Немаловажное значение в экономике города играло садоводство. По словам

Казвини, «город средней (величины), и окружность его — шесть тысяч пятьсот шагов. Он обладает многими садами. Около восьмидесяти селений зависят от него» [101, 124; 276, 166].

Ограниченность имеющихся сведений о городе Хое не позволяет всесторонне изучить его в архитектурном отношении. Проходивший через город в XV в. Клавихо сообщает: «Он лежал на равнине, и вокруг него было много садов; по ним и по городу шло много каналов; город был огражден кирпичной оградой с башнями и бойницами» [104, 163].

Для составления схематического плана города огромное значение имеет зарисовка Насуха Матракчи. Из подготовленного нами на основе этой зарисовки схематического плана видно, что город имел радиальную планировочную систему. Сообщающиеся с городскими воротами главные улицы скрещивались в центре города, где внутри ограды стоял дворец. Судя по изображению, восточную часть города занимали красивые сады, и тут же находилась роскошная мечеть и рядом с ней минарет.

В XVII в. Хой был большим городом, который насчитывал свыше 7000 домов. Внутри окруженной неглубокими рвами крепости (цитадели) имелась одна, а вне крепости — две большие пятничные мечети. Селения вблизи Хоя по числу жителей не уступали мелким городам.

Исходя из вышеизложенного можно прийти к заключению, что в планировочной структуре городов Хой и Хамадан, несмотря на определенные различия, имелись и общие черты. Нужды обороны, а также природные условия сильно повлияли на планировку обоих городов. Так, резиденции местных правителей, отличавшиеся от рядовых застроек, находились внутри крепостных стен. Природные условия определили линии городских оборонительных стен.

Типы архитектурных сооружений эпохи

Города феодального Азербайджана по разнообразию воздвигнутых в них типов архитектурных памятников заслуживают особого внимания. Все сооружения начиная от небольших жилых домов и кончая пышными дворцами наряду с выражением духа эпохи в какой-то степени воплощали мотивы градостроительства тех времен. Дворцы, караван-сарай, базары, мечети и жилые дома с рациональным композиционно-планировочным решением и своими разновидностями составляли наиболее важные сооружения всех городов.

Специфика расположения различного типа архитектурных сооружений влияла на трассу городских артерий, участвуя тем самым в формировании важнейших градостроительных узлов и определении всей планировочной структуры города.

Разнообразные типы архитектурных памятников освещены не в равной степени. Особое сожаление вызывает недостаточная изученность жилых домов. Строительство их из недолговечных материалов — основная причина преждевременного разрушения. Сохранившиеся типы жилой архитектуры относятся только к началу XVIII в. Тем не менее жилые дома XVIII и начала XIX в. позволяют судить, хотя и в общих чертах, о народном жилище ранних эпох.

Среди дошедших до нас памятников большинство составляют монументальные культовые сооружения. Они считались священными и были защищены от разрушений. Отчасти это обстоятельство, а также возведение их из прочных строительных материалов гарантировали им долговечность. Известно, что широкое строительство велось в основном в главных политических, торговых, культурных и культовых центрах. Такие уникальные сооружения, как обсерватории, крытые рынки, вместительные госпитали (дарулшафа) и другие, вызывающие изумление современников, были украшением крупных городов и исходными пунктами в формировании архитектурно-планировочных замыслов.

В XIII — XVI вв. в городах наряду с разнообразными жилыми домами существовали следующие типы сооружений: мусалла (намазгах), нагарахана (новбат), себил, ердан (овдан), харабат, дарулшафа, базар, имарет, обсерватория, караван-сарай, мечеть, баня и др. Общеизвестно, что благоприятное политическое господство, подкрепляемое хорошей экономической базой, открывало перед строительством обширные горизонты. В XIII — XV вв. большое распространение в городах получило создание уникальных сооружений, в отличие от XVI — XVII вв., когда декоративно насыщенные сооружения уступили место зданиям, архитектурная идея которых передавалась объемно-пространственными средствами. Этими средствами были довольно простые членения без богатого декоративного убранства, глубокие арочные ниши с прямоугольными обрамлениями, сочетание конструктивных элементов — таких, как купола, арки и стены.

Современниками с восхищением описаны великолепные памятники Нахичевани, Султании и Тебриза. Последнему «по величию, по народонаселению и благоустройству не было равного во всем мусульманском мире» [166, 15]. К сожалению, памятников Тебриза, поражающих законченностью архитектурного замысла и смелостью конструкций, сохранилось очень мало. Не дошло до нас в первоначальном виде также ни одного старинного здания Шемахи [183, 61]. Памятники Тебриза, Султании в основном пострадали от действий сына Тимура Миран-шаха, который разрушением материальных ценностей старался увековечить свое имя. Кроме того, памятники гибли в результате

разрушающего действия стихийных природных явлений, от бесчисленных разрушительных войн, вандализма отдельных правителей и противоречий между приверженцами двух течений ислама — суннизма и шиизма.

Социально-экономическое неравенство населения накладывало свой отпечаток на внешний облик как всего города, так и отдельных его частей. Это особенно заметно при сравнении типов сооружений, возводимых представителями различных социальных групп. В центре — пышные постройки, поближе к окраинам — ветхие, непривлекательные дома. Огромные по размеру здания обычно объединялись единством архитектурного замысла. В XV в. облик городов имел сходные черты, объясняющиеся в основном распространением типологически общих архитектурных сооружений — культовых, дворцовых и общественных. Эти сооружения, являвшиеся отражением прихоти и намерений феодала-правителя, и определяли дальнейшее развитие структуры соответствующих районов города [71, 146].

В XVI — XVII вв. среди многочисленных типов архитектурных сооружений городов повышается удельный вес торгово-рыночных зданий, которые представляли собой самые оживленные их части. Порядок размещения в городах базаров, караван-сараяв, бань и мечетей был неизменным в течение XIII — XVI вв.

Как известно, большую роль в формировании художественного облика городов играл не только рельеф местности и колорит, создаваемый цветом строительных материалов, но и доминирующие в них композиционно объединенные сооружения.

Дворцовые сооружения. Дворцы строились правителями в замке-крепости или же вне города — в летней резиденции [57, 87]. В зависимости от их значения и местонахождения они получали соответствующие размеры, архитектурную трактовку, инженерно-техническое благоустройство.

Из многих дворцов Азербайджана рассматриваемого периода до нашего времени дошел в сохранности лишь Дворец ширваншахов в городе Баку, который подвергнут всестороннему архитектурному исследованию. [74; 75; 85; 144; 199; 200]. Экономический подъем Баку в XV в. способствовал перенесению в него из Шемахи столицы и строительству ширваншахом Халиллуллахом (1417 — 1462) великолепного дворца. Ввиду того что участок, занимаемый Дворцом ширваншахов, довольно пересеченный, сооружения, создающие уникальный комплекс, сгруппировались вокруг трех внутренних дворов на разных отметках, которые органически соединены друг с другом. На сравнительно небольшой территории хорошо сохранились дворец, диван-хана, дворцовая мечеть с минаретом, усыпальница ширваншахов, мавзолей придворного астролога сеида Яхьи Бакуви, дворцовая баня, овдан и восточный входной портал. Эти сооружения имели различное назначение и архитектурный облик. В их композиции ощущаются единство и гармония, определяющиеся главным образом общностью масштабов.

Природные условия дворцовой территории определили своеобразную архитектурную композицию, в основе которой лежит центрический прием. Действительно, группа зданий занимает главенствующее положение во всей пространственной композиции старого города.

Идейно-художественная сила дворцовых ансамблей была огромной. Они архитектурными средствами и приемами композиции влияли на психологию горожан, вызывая чувство повиновения феодалу-правителю. Небезынтересно описание бакинского дворца Э. Кемпфером: «Самая верхняя часть города, которая сильно возвышается над гаванью, отличается прекрасным дворцом, который называется царским (шахским); он действительно выстроен на выступе скалы с царственной роскошью и необыкновенным великолепием, все сделано из блестящего тесаного камня, столь искусно скрепленного, что ни в каком месте не отличишь связи» [223, 4].

Раскопки на территории дворца подтверждают, что при подготовке участков для строительства зданий и организации дворов, а также подходов к ним был проведен большой объем земляных работ, создана несложная система подпорных стен [113]. Шах располагал дополнительной рабочей силой за счет райятов, которые принимали участие в возведении дворца. Несомненно, большого объема строительные, а также земляные работы проводились в условиях отработочных повинностей — бигяр, к отбыванию которых привлекались не только мужчины, но и женщины [136, 73].

Все имеющиеся данные позволяют говорить, что в прошлом дворцовая территория делилась на две части. Между верхним и нижним дворами проходила улица. Такому толкованию не противоречит указание И. Н. Березина [43, 224] и более раннее по времени сведение из журнала «Министерство внутренних дел» [217, 84]. Возможно, что проход между верхним и нижним дворами не только являлся одной из главных осей внутренней планировки дворцового комплекса, но и составлял часть улицы, которая четко воспроизведена в зарисовках Э. Кемпфера (1683) и С. Г. Гмелина (1769). Видимо, концы этой улицы на дворцовой территории в южной и северной стенах были заперты воротами, относящимися к прошлому столетию.

Связи дворцового комплекса с основными улицами города установить трудно; о них можно говорить предположительно и условно. Восточные ворота, возведенные в XVI в., подчеркивают проход на участок дворца. По широкому стрельчатому входному проему они напоминают отдельно стоящие порталы-въезды, где текст надписи гласит, что повелел построить это здание Улу Раджаб-баба Бакуи [115]. Во всяком случае, независимо от того, был ли портал отдельным въездом или частью какого-то не

дошедшего до нас сооружения, он, очевидно, был связан с подходившей к нему улицей. Не противоречит здравому смыслу и то, что связь между дворцом и городом обеспечивалась через портал, куда подходила из глубины городских кварталов какая-то улица. Так как второстепенные выходы из помещений первого этажа дворца вели к южному двору, на границе которого стоит данный портал, наличие такой связи, скорей всего, служебно-вспомогательной, не исключается.

Благодаря письменным сведениям и дошедшему до нас бакинскому дворцовому комплексу можно утверждать, что дворцы правителей всегда представляли собой сложный комплекс из различных зданий, объединенных по функциональному назначению. Продуманное решение и целесообразное распределение в планировочных целях небольшой территории в рамках цитадели, очевидно, было характерной особенностью дворцовых комплексов феодального Азербайджана.

Размещение дворцов-цитаделей в плане города с учетом особенностей рельефа усиливало их градостроительное значение. Выбор возвышенной части для дворцовых комплексов во многих городах объясняется не только нуждами обороны и целью показать идеологическое господство феодалов-правителей, но и стремлением подчеркнуть их градостроительную значимость в средневековую эпоху. Дворцы, являясь основным структурным компонентом города, независимо от того, были они сложены одновременно или в течение длительного периода, на ровной или же пересеченной местности, всегда отвечали композиционным, архитектурно-художественным и утилитарным целям, в частности нуждам обороны.

Здание Дворца ширваншахов представляет собой в плане сложного очертания двухэтажное строение, содержащее более пятидесяти помещений. Имея сложную поэтажную планировку, он обладает некоторыми особенностями, к числу которых можно отнести уступчатость контура плана, отсутствие продольных и поперечных капитальных стен, выделение центрального восьмигранного зала и др. Первый этаж дворца выполнял служебные функции, а помещение второго носило более парадный характер. Из просторных южного и восточного залов второго этажа открывается великолепная панорама на бакинскую бухту. Восьмигранный «аудиенц-зал», который является наиболее древним элементом дворца, соединялся с другими помещениями и небольшим залом, служившим своего рода распределительным вестибюлем.

Сходство организующих звеньев плана — распределительных вестибюлей ханского дворца и жилых домов Ордубада [56], а также решение интерьера многих помещений с характерными для народного жилища Азербайджана стрельчатыми нишами свидетельствуют о непосредственном влиянии жилой архитектуры на монументальное дворцовое строительство.

Выразительность архитектурного строя как в бакинском, так и в загородном дворце ширваншахов (в летней резиденции) была достигнута не путем убранства, а простотой архитектурных форм, лаконичностью правильных геометрических объемов.

Очередность возведения построек Дворца ширваншахов дает ключ к разгадке формирования плана комплекса. Наиболее ранними сооружениями являются мечеть на южном дворе и дворец, возведенный над остатками древних строений, занимавших вершину холма [14, 113]. При ширваншахе Ибрагиме (1382 — 1417) одновременно с дворцом на нижнем дворе построена мечеть, затем точно датируемые усыпальница, минарет, мавзолей Яхьи Бакуви. К концу XV в. на южном дворе появилась новая мечеть на фундаменте более древней, а на верхнем — незавершенная диванхана.

Как известно, в период монгольского владычества в различных городах страны существовало множество дворцовых сооружений. О бесследно исчезнувших дворцах Азербайджана (послемонгольского периода) можно судить по скудным упоминаниям западноевропейских и восточных путешественников и современников. Ильханы Хулагу, Абака, Аргун на территории Аррана и Мутана имели «свои поместья и места постоянного пребывания» [15, 39]. По словам Рашид ад-Дина, они хотели возвести дворцы в Аладаге, Урмии, но их строительство не было доведено до конца, хотя на работы сгонялось большое число крестьян и расходовались огромные средства. Многие авторы упоминают о дворце Мансурия на Мугани, точное местонахождение которого пока еще не установлено.

Дворцовое строительство, которое характеризует градостроительные работы большого масштаба, в некоторых случаях было связано с разбивкой садово-паркового комплекса. В этом нетрудно убедиться после ознакомления с повествованием Абу Талиба о составлении предварительных градостроительных соображений при строительстве Баг-и Дилькуша (Сад, радующий сердце) с дворцом в Самарканде: «Я приказал (автор ведет рассказ от имени Тимура. — В. М.) привести придворных архитекторов и строителей, которые собрались из благословенного царства (моего) ... Сообща они выработали план лужаек и аллей занялись устройством сада, стен и того очень высокого дворца, который я приказал возвести в середине сада» [237, 297]. Подобным образом, вероятно, велась подготовка к строительству и дворцовых садов Азербайджана. Для характеристики планировочных работ ценны сообщения о разбивке палаточных городов (Zeltstadte) при первых ильханах [275, 448] и огромной территории садово-паркового комплекса Золотой ставки в местности Баг-и Уджан, предназначенной для проведения празднеств: «Государь ислама раньше приказал знаменитым мастерам и искусным зодчим построить золотую палатку и золотой престол из подходящих материалов и средств. В течение трех лет большая толпа была занята устройством их, и теперь, когда (Газан-хан) прибыл в стольный город Тебриз, она была закончена. В конце зи-лска-дэ, лета

701 (конец июня 1302 г.) (Газан-хан) из Тебриза переехал в Уджан. Для благословенного местопребывания там оградили валом луг очень цветущий и приметный. Там имеются речки и ручьи с проточной водой и (там) устроили большие пруды и водоемы, (в которых) поселились разного рода птицы. Тот прямоугольник разделили на равные части и по двум сторонам его обозначили рубеж ивами и белыми тополями, чтобы народ ходил вдоль этих рубежей, и ни одна душа не проходила вдоль луга. (Была указана) дорога каждому определенному разряду людей, откуда им входить и выходить. В середине построили кушки, башни, баню и прекрасные здания. Газан-хан повелел, чтобы золотую палатку разбили в середине этого сада с приемным шатром и навесами, которые особенно для него предназначены. Собрались все фараши и зодчие и смогли разбить (палатки) из-за чрезвычайной (их) величины лишь в течение одного месяца. Затем они установили престол, усыпанный жемчугом и яхонтами» [167, 194].

Тебриз долгое время был столицей разных государственных образований Азербайджана, поэтому, несомненно, там должны были находиться прекраснейшие дворцы. Скучные описания европейских путешественников XV — XVI вв. показывают, что дворцовые сооружения Южного Азербайджана обладали незаурядным блеском и великолепием. Интересно, что эти описания даются лицами, привыкшими на своей родине к импозантным и законченным архитектурным памятникам. Анонимный венецианский купец указывает, что дворцы Тебриза, как правило, снаружи и внутри оформлялись очень богато и каждый имел свою дворцовую мечеть и баню, которые также украшались различными способами.

Клавихо особенно отмечает большой дворец крепостного характера — Довлетхана, «окруженный красивой стеною богатой работы, в котором было двадцать тысяч покоев и отдельных комнат» [104, 160]. Он был построен Джелаиридом султаном шейхом Увейсом после завоевания Тебриза в 1358 г.

Письменные источники упоминают огромный ансамбль дворцовых сооружений Хашт Бехишт («Восемь раев»), созданный в 1483 г. Якуб-падишахом Ак-Коюнлу. Дворец находился в саду, называемом Сахибабадом. В ансамбль, кроме дворца, входили библиотека, мечеть, госпиталь, рассчитанный на 1000 больных, площадь для конских ристалищ и огромный парк [214, 249]. Территория дворца была огорожена стенами, вокруг которых с внутренней стороны на равном расстоянии были посажены высокие тополя. В территорию дворца входила с северной стороны большая вымощенная кирпичом площадь, откуда можно было пройти в огромный сад. Вход в сад подчеркивался большим порталом, от которого протянулась вымощенная камнем дорога, ведущая к зданию дворца.

Занимавший в саду центральное положение дворец представлял собой в плане восьмиугольное здание. Вокруг центрального зала сгруппированы 32 комнаты. Здание стояло на мраморной террасе высотой около 1,5 метра [241, 1403].

В восточной стороне двора располагался гостевой дом с множеством комнат и большой зал, выходящий в сад. Это здание было не так внушительно по своей архитектуре. Со стороны площади оно имело галерею с аркадой, где сидел султан во время каких-либо празднеств, происходивших прямо на площади. Перед площадью были мечеть и госпиталь.

Анонимный итальянец¹, посетивший город Тебриз в 1605 г., описывает дворец так: «Я не могу обойти молчанием великолепный дворец, воздвигнутый великим султаном Ассамбеем (Узун Хасан. — *В. М.*). Несмотря на то, что в городе существует большое количество больших и красивых сооружений, воздвигнутых его предшественниками, этот неподражаемый дворец всех их превосходит еще издали. Величие Ассамбея было постоянно значительно, что не имело равного всей Персии. Дворец построен посреди большого и прекрасного сада, вблизи города» [178, 100]. Потолок большого круглого аудиенц-зала расписан золотом и серебром. Сюжеты стенных росписей дворца были взяты из битв, происшедших в давние времена.

Архитектура дворца Хашт Бехишт синтезировала различные виды изобразительного искусства и была тесно связана с садово-парковым искусством. Дворец, окутанный изумрудной зеленью парка, его многими аллеями, фонтанами и цветниками, символизировал рай на земле. Замысел дворцового павильона Хашт Бехишт в Исфахане [62, 174], видимо, в какой-то мере был подсказан планировкой и формами павильона в Тебризе. Судьба дворца Хашт Бехишт, как и других памятников Тебриза, трагична. В 1635 г. городом овладел султан Мурад; «посетив мечеть Узун Хасана, он приказал разрушить шахский дворец и весь город, что солдаты исполняли усердно» [44, 54].

Источники отмечают, что в XVII в. среди тебризских дворцов отличались также дворцы мирзы Садека, его брата мирзы Ибрагима и дворец его сына. Они построили в городе свой базар, караван-сарай, баню, мечеть и т. д. [64, 105].

Во время турецко-персидских войн Тебризу неоднократно наносились самые сокрушительные удары, что вынудило сефевидских правителей позаботиться о безопасности столицы. Поэтому в 1548 г. шах Исмаил перенес столицу из Тебриза в Казвин, который оставался ею до конца XVI в. При шахе Аббасе столица вновь была перенесена из Казвина в глубь страны — в Исфахан [87, 146].

Среди многих красивых зданий Казвина особенно выделялся дворец Али-капу, построенный шахом Тахмасибом. Он находился на Мейдане (общественная площадь) недалеко от большого городского

¹ Анонимный итальянец, побывавший в Тебризе в начале XVII в., ошибочно приписывает возведение дворца Узун Хасану.

базара. Дворец, построенный из кирпичей с голубой, красной и желтой глазурью, был украшен по рисункам «Пейним» (?) [257, 199]. Окна большие, аккуратно вырезаны из камня. Внутри традиционное великолепие. Потолок и стены дворца красиво разрисованы. Пьетро делла Валле, посетивший Азербайджан в первой четверти XVII в., нашел от большого дворцового комплекса Казвина обширную площадь — Мейдан, несколько меньшую, чем в Исфахане, и высокие ворота, служившие въездом в королевский дворец [262, 44].

В источниках среди достопримечательных построек города Шемахи отдельно отмечаются ханские дома — дворец ширваншахов и дом Калантара. Дворец ширваншахов сохранился до 30-х годов XIX в. «В Шемахе уцелел еще дворец хана, простой архитектуры, но, можно судить по некоторым признакам, заключивший в себе богатые украшения. При дворце находится порядочный сад, в котором некогда были фонтаны» [140, 155]. Шемахинский дворец, размещавшийся внутри цитадели Балакала, был построен, вероятно, в XIV в. Не сохранились великолепный ардебильский дворец Зульфугар-хана, построенный им в начале XVII в. (стены его были украшены синей глазурью, разноцветным мрамором), а также роскошный дворец Арёб-хана в Шемахе, завершённый к концу 20-х годов XVII в. [67, 104].

В организме городов феодального Азербайджана дворцы были доминирующими звеньями, занимая обычно возвышенную или центральную часть городской территории, находились внутри огады и оформлялись незаурядной роскошью. Дворцы представляли собой отнюдь не бессистемный конгломерат отдельных сооружений, а, напротив, были архитектурно организованными комплексами. Они находились в середине городской застройки, однако прочных связей с шахристаном и рабадом не имели. Тем не менее в структуре плана городов, в формировании общей застройки и уличной сети роль дворцовых комплексов была огромна. Если дворцовые комплексы возводились на пересеченном рельефе, что обусловлено нуждами обороны, они, как правило, имели нерегулярную планировку и сложную конфигурацию.

Культовые сооружения. Культовые сооружения в Азербайджане, как и в других странах Востока, занимали среди остальных зданий особое место, выделяясь спецификой архитектурного выполнения и градостроительного значения. Они были представлены главным образом двумя группами — небольшими квартальными мечетями и огромными пятничными — Джума-мечетями. При этом в количественном отношении первая группа превосходила вторую. Однако типологическая группа культовых сооружений не ограничивалась только квартальными и соборными мечетями, ибо она включала типы мавзолеев, медресе, текие, завие, ханега и другие сооружения религиозного назначения.

Наряду с памятниками мусульманского культа в различных областях страны строились памятники других религий. Это соответствовало еще существующим традициям доисламских религиозных культов — язычества, огнепоклонничества и христианства. После воскрешения ислама в Азербайджане Газан-ханом¹, принявшем в 1305 г. эту религию, был издан приказ об уничтожении зданий, относящихся к другим религиям, — храмов бахшиев, кумирен, церквей и синагог в южных областях страны. С демонстративной жестокостью сравнивались с землей кумирни Мерва [159, 351], Хоя и Мараги и в то же время значительно поощрялось строительство сооружений исламского культа — мечетей не только в южных, но и в северных областях [132, 8].

Возведение в городах многочисленных культовых сооружений вытекало из требований времени: оно было связано с господствующим положением религии в духовной жизни феодального общества. В течение рассматриваемого периода, особенно в XVI в. и позже, когда государственная власть и духовенство усиливали мистические начала среди народных масс и прибегали к догмам шиизма для укрепления своего влияния, культовых сооружений строилось все больше. Необходимо подчеркнуть то известное положение, что соответственно периодам политического и экономического подъема или же упадка различных областей страны, естественно, усиливалось или ограничивалось строительство не только культовых, но порой и общественно-гражданских сооружений. Например, если в XV в. благодаря политическому и экономическому благополучию было построено множество мечетей в Ширване, то в XVI в. культовое строительство сосредоточивается главным образом в южных областях. Это объясняется образованием сильного централизованного государства Сефевидов.

В строительстве культовых сооружений, помимо строительного-технических и художественных особенностей, достигли, пожалуй, своего наивысшего развития приемы объемно-пространственной композиции эпохи. Мечети — один из архитектурных типов культового строительства Востока, прошедших через столетия и вошедших в традицию. Духовное содержание эпохи довольно красноречиво выражалось в архитектуре этих сооружений. Своей декорировкой, монументальностью и своеобразной композицией они «преследовали цель своеобразной пропаганды среди широких масс идеи величия ислама» [160, 138]. Эти единые по назначению здания имели различные художественный облик и трактовку архитектурных форм.

¹ До его правления монгольские ханы и их придворное окружение исповедовали буддизм.

Однако это вовсе не означает, что в них отсутствовали черты стилистической близости, непосредственных связей с традиционными декоративными, объемно-пространственными и композиционными приемами.

Мечети были представлены в основном двумя типами (относительно их планового решения), из которых первый характеризуется «четко выраженными осями композиции — главным входом с северной стороны, расположенным на основной оси север — юг», а второй — асимметричным решением в целом [178, 13]. Квадратные молельные залы с куполами стрельчатого очертания являлись основным ядром сооружений данного типа. Другие помещения, примыкая к центральному залу, размещались в углах мечети. Подобное решение плана являлось отличительной композиционной чертой культового зодчества XIV — XVII вв. При этом не были исключены различные вариации основной схемы.

Объемно-пространственные композиции мечетей северных и южных областей отличались друг от друга. Мечети ширвано-апшеронского круга, компактно решенные в плане, выделялись оправданной асимметричной композицией. Четкий план крестово-купольного сооружения с различными вариациями в организации входов, контрастное сочетание архитектурных масс и трактовки элементов, а также пластичность деталей — одни из характерных и устойчивых особенностей, получивших широкое распространение в строительстве мечетей северных областей.

Планировка и архитектурный облик небольших квартальных мечетей во многом зависели от характера города. Среди тесно окружавшей их застройки они со скромными призматическими объемами и сдержанной архитектурой напоминали современное им жилье. Несколько ограниченное убранство фасадов состояло из несложно профилированных обрамлений входных и оконных проемов, одиночных медальонов и строительных надписей. Украшением интерьера таких мечетей, т. е. их молельных залов, покрытых стрельчатым сводом, были тщательно прорисованные небольшие мехрабы. В застройке средневекового Баку немало подобных квартальных мечетей.

Монументальные культовые сооружения отличались высоким качеством строительных работ, отражавших уровень строительной техники средневековья. Крупные купола и стройные высокие минареты огромных мечетей доминировали в общем силуэте и пространственной композиции города. Такие шедевры культовой архитектуры, как Голубая мечеть, мечеть Али-шаха, мавзолей Газан-хана и Ольджайту, культовые комплексы Ардебилля и Нахичевани говорят не только об их совершенстве, которое было достигнуто благодаря мастерству азербайджанских строителей, но и об оправданном местонахождении в общей застройке и продуманном архитектурном выполнении.

Декоративная насыщенность монументальных культовых сооружений в XVI — XVII вв. заменяется простыми композиционными приемами. В этот период в фасадах культовых сооружений реже, чем в XII — XV вв., применяются сталактитовые композиции. Они встречаются только в интерьерах, причем часто имеют архаический характер.

Другой тип культовых сооружений — медресе. Они обычны и просты по своей архитектуре. Ряд келий — худжр, предназначенных для туллабов, и небольшие эйваны перед ними, образуя ритмически четкий ряд небольших комнат, располагаются вокруг четырехугольного внутреннего двора. На фоне спокойного ряда стрельчатых арочных ниш выделяются порталы центральных худжр и просторных проходов. Специфика размещения худжр в медресе соответствует внутренней планировке караван-сараев. И там и здесь пространство замкнутого двора, обстроенного по периметру тождественными по габариту ячейками, определяется общностью схемы композиции.

Иногда медресе представляли собой вытянутые по продольной оси кельи, что объяснялось стремлением закрыть одну сторону площади перед Джума-мечетью и тем самым, объединяясь с ней в одно архитектурное целое, организовать замкнутое пространство, как в дербентском культовом комплексе [210, 128]. Из зданий духовых училищ сохранились два образца медресе — один в Дербенте, другой в Ордубаде. Однако в литературе встречаются неоднократные упоминания об их широком распространении в Азербайджане, как и в других странах Востока, где исповедовался ислам.

Медресе обычно строились в едином комплексе с мечетями, которые в таких случаях играли роль Джума-мечетей. Видимо, такой прием, как в Самарканде и Бухаре, широко практиковался для усиления монументальности и значительности центральных культовых сооружений. Он соблюдался даже в тех случаях, когда отмеченные типы сооружений возводились одновременно¹. Такое обстоятельство служило как градостроительным, так и практическим целям. Слушатели, изучив в худжрах медресе богословские науки, богослужение и т. д., могли в соседней Джума-мечети провести религиозные ритуалы. Известно, что в культовом комплексе Тебриза (Газании), в комплексах шемахинской и кировабадской Джума-мечетей имелись медресе [99, 83]. Недалеко от истины и предположение о наличии медресе в нахичеванском культовом комплексе [72].

Мемориальные сооружения. Одно из главных мест в монументальном строительстве отводилось мавзолеям, которые возводились над захоронением крупных представителей феодальной знати и почтеннейших лиц общества. Судя по материалам, раскрывающим архитектурно-строительные качества

¹ Например, мечеть в Дербентском комплексе была возведена в XIV в., а медресе — в середине XV в.

мавзолеев, их строительство в XII — XV вв. несколько превосходило таковые в последующие века, что обуславливалось усилением светских тенденций у феодальных правителей, стремившихся к личному прославлению.

В рассматриваемый период строились четыре типа мавзолеев: башенные, восьмигранные, купольные и башенно-купольные. Наиболее монументальным и распространенным типом были башенные мавзолеи, характеризующиеся подчеркнутой вытянутостью общих пропорций, доминирующим в пространственной композиции вертикальным членением, соотношением облицовочного каменного цоколя, кирпичного корпуса, заостренного шатра, «всефасадностью» и др. Выявление главного фасада башенных мавзолеев в это время не практиковалось, их порталные композиции обычно располагались взаимно перпендикулярно на двух или четырех сторонах, причем главный вход редко выделялся композиционно и декоративно.

В архитектуре XV в. встречаются характерные для предшествующего периода башенные и кубические мавзолеи, но их архитектурный облик стал несколько иным; наряду с ними довольно широкое распространение приобрели усыпальницы, что было связано с политическими и социальными изменениями [173, 88]. Назначение этих сооружений не ограничивалось тем, что они служили местом захоронения святых и членов феодальных династий. Они сочетали функции мавзолея и мечети, а это вызывало усложнение композиционных и планировочных решений.

С начала XVI в. башенные мавзолеи не являются уже объектом строительства. Повсеместно строятся остальные типы мавзолеев, чаще всего восьмигранные. Особенности этой группы являются восьмигранный план, отсутствие резко выраженного цоколя, доступность входа в верхнюю камеру, одинарность покрытия. Устройство усыпальниц — подземных склепов, как правило, не имеет места. Для композиционного построения восьмигранных мавзолеев XVI в. характерно сочетание призматического корпуса с шатровым перекрытием. Для большинства мавзолеев определяющим остается четкое выявление фасадной стороны значительно более богатым оформлением входной грани. Большим типологическим своеобразием отличаются восьмигранные мавзолеи в Калахане Шемахинского района.

Следующая типологическая группа — купольные гробницы, основным признаком которой является квадратной формы зал, перекрываемый сферическим куполом. По объемной композиции купольные мавзолеи состоят из нижнего кубического объема и стрельчатой формы купола.

Вопрос о расположении культовых сооружений в организме феодального города — один из наиболее интересных. Известно, что они занимали видное место в пространственной композиции многих комплексов, являющихся значительными градостроительными узлами. На востоке, в частности в Азербайджане, существовала устойчивая традиция в строительстве мечетей. Они возводились, как правило, на фундаментах более древнего сооружения [117, 124], иногда под мечеть приспособлялись здания других культов [144, 90; 105, 302]. В течение рассматриваемого нами периода место мечетей в топографии города не изменилось.

Окружение города крепостными стенами привело к размельчению его территории на небольшие районы — мехелле, которые располагали благодаря квартальным мечетям своими собственными центрами. Идеологическое значение при организации планировочной схемы отдельных районов имело расположение небольших квартальных мечетей. В частности это относится к культовым комплексам, возвышающимся на главной городской площади. Каждый квартал располагал собственными мечетями, расположенными на квартальных площадях, которые включали иногда мавзолеи, медресе, бани и другие здания общественного и религиозного характера. Эти сооружения, выполняя соответствующие функции, нередко образовывали интересные планировочные сочетания.

Мехелле-мечети во многих случаях строились в середине квартала — с учетом выполняемых ими функций и для создания удобств посещающим их жителям данного района. Там совершались не только молитвы, но и общественно-культовые мероприятия. Квартальные мечети располагались на маленьких площадях очень разнообразной формы. Площади перед мечетями способствовали обозрению их с ограниченного расстояния при беспорядочном нагромождении строений. На них обычно высаживались тенистые деревья, строились красивые водоемы — хаузы. Таким образом, в каждом квартале были созданы, так сказать, «бытовые центры», обеспечивающие удобства для жителей.

Число мехелле-мечетей зависело от количества городских кварталов. Например, в Баку на сравнительно небольшой территории было около 20 мечетей, что позволяет предположить существование в городе такого же количества кварталов; иногда на территории одного и того же квартала существовало несколько мечетей. Это зависело от величины площади мехелле. Например, в квартале Бююк Багман города Гянджи было три мечети (171, 123).

В отличие от скромных квартальных мечетей, Джума-мечети сооружались главным образом в ансамбле центральных рыночных площадей. По масштабу и архитектуре они доминировали над другими сооружениями комплекса, главенствовали над массовой застройкой, представляя собой законченные произведения и являясь в своем роде своеобразными акцентами в архитектурном организме городов, определяющими их облик и планировку на определенном этапе. Джума-мечети в значительной степени формировали уличную сеть: к ним тяготело большинство улиц.

В условиях скученной застройки, порожденной прежде всего наличием оборонительных стен, сдерживающих территориальный рост городов, особое значение приобретала система ориентации и пространстве, основанная на объемных ориентирах. Система объемных доминант — отчетливо вырисовывающиеся массивные объемы цитаделей, величественные формы Джума-мечети с ее стройными минаретами, большими куполами, символизирующими небесный свод — подчеркивает дворцовые и торгово-культовые комплексы. «Они складывались в опорную систему точек ориентации, связанную с социальной структурой города, его главными и второстепенными общественными центрами» [97, 99].

Крупные культовые и торгово-складчатые сооружения — караван-сарай, рынки и т. п. составляли единый комплекс. Мечети строились вблизи базарной площади или, наоборот, торгово-рыночные сооружения возникали около существующих соборных мечетей. В результате появлялись торгово-культовые комплексы двух типов — площади общегородского значения или главные артерии — магистрали города. Среди сведений современников встречаются упоминания о достопримечательностях имеющихся в ряде городов такого характера огромных площадей и оживленных торговыми рядами улиц.

Торгово-культовый комплекс Баку относился ко второму типу. Он занимал прибрежную — главную улицу между Шемахинскими и Сальянскими воротами и заключал в себе ряд караван-сараяв и торговых лавок, несколько мечетей и бань. Небольшой участок улицы ясно отражает планировочный замысел как подчинение второстепенного главному. Небольшие квартальные мечети по архитектуре и по своему местонахождению развивают планировочную идею о главенствующей роли Джума-мечетей. Джума-мечети имели в пространстве общегородской площади доминантное архитектурное значение. Квартальные мечети с небольшими площадями являлись второстепенными центрами.

На востоке и на западе при организации центральных городских площадей соблюдался общий принцип. И здесь и там встречается включение торговых сооружений в центральные площади или улицы, где благодаря огромным культовым зданиям религиозная жизнь пульсировала особенно интенсивно [53, 95]. Известно, что в различные исторические периоды общественный центр городов локализовался в различных частях. Сперва он находился у подножия цитадели, а позже, в XVI — XVII вв., в торгово-культовом районе. Перенесение общественного центра в район торгово-культовых комплексов имело прогрессивное значение, так как положительно сказывалось на общем развитии города, на характере планировки, на форме сети улиц, на расположении типов архитектурных сооружений и др.

Бани, как и мечети, составляли важный элемент центральных рыночных комплексов. Будучи вакфом мечети, они служили источником дохода на ее содержание, как указано в державном указе, изданном Газан-ханом. «Такая характерная структура рыночных площадей была связана с исламской религией, требовавшей от правоверных пятикратной молитвы — намаза, которому должны были предшествовать ритуальные омовения — дестемаз. Поскольку торговые люди обычно находились у всех на глазах, они были вынуждены строго следовать этим предписаниям, и для облегчения выполнения предписания на рыночных площадях обязательно воздвигались бани и молитвенные дома — мечети» [179, 82]. В сложении центральных районов многих городов культовые сооружения играли первостепенную роль. Строительство общественных и культовых сооружений значительных размеров требовало создания таких же площадей и улиц, выполнявших общественные функции и способствовавших усилению роли города. С этой точки зрения интересны города Ардебиль, Шемаха, Нахичевань. Особенно примечателен облик «очень шумного и торгового Тебриза», где были «большие здания и мечети, украшенные удивительным образом изразцами и плитами, лазурью и золотом греческой работы и множеством прекрасных стекол» [104, 168]. Тебриз некогда имел несколько сотен мечетей. Во времена Шардена в городе насчитывалось 250 мечетей, а по данным О. Челеби, — 320 культовых сооружений, из которых 19 он называет крупными соборными мечетями.

Культовые сооружения Тебриза XIV в. почти не сохранились. Однако о парадности архитектурного образа соборных мечетей ясное представление дает описание мечети Али-шаха Х. Казвини и египетским чиновником, членом посольства мамлюкского султана ко двору Абу Саида в 1322 г. [196, 116].

Место культовых сооружений в структуре Шемахи не противоречило вышесказанному. Джума-мечеть Шемахи подобно Джума-мечетям Баку, Гянджи, Тебриза, Нахичевани была размещена на центральной торговой площади. Одно время торговый и общественный центры Шемахи были расположены вблизи этой мечети. Рядом с мечетью, построенной в VIII в. н. э., было медресе, которое являлось компонентом целого архитектурного комплекса; недалеко от Джума-мечети был двор, «застроенный хорошими зданиями с множеством комнат и проходов. По расположению построек можно было подумать, что это какая-нибудь философская коллегия. Взрослые люди и дети сидели и ходили по двору с книгами в руках. Это было медресе (Madresa), т. е. нечто вроде гимназии или академии» [171, 129].

Не дошли до нас квартальные мечети Шемахи. Они «заслуживают большого внимания, их архитектура очень проста, так как они обычно представляют собой обширные сводчатые ротонды, построенные целиком из тесаного камня; но даже эта простота, соединенная с прочностью, дает им внушительный вид, который нравится» [123]. Бани в Шемахе строились также поблизости квартальных мечетей.

Культовые сооружения Ардебилля сосредоточены в основном недалеко от общественного центра — Мейдана. Мейдан занимает центр города, куда ведет торговая улица, обстроенная по сторонам лавками. За Мейданом — огромный культовый комплекс религиозного центра Сефевидского государства [176]. Город располагал многими банями и мечетями, из которых самая большая и красивая описана О. Даппером. По сведениям автора конца XIX в., в Ардебиле имелось 20 мечетей. Названия некоторых мечетей — Тоз-копардан, Пир Абдул-Мелик, Сеидабад, Якубия, Тазе-мейдан и другие известны нам по аналогичным названиям кварталов и улиц города. В средневековье, как известно, «по названию соседней праздничной мечети получали свое имя близлежащие — сад, мост, медресе, мечеть, архитектурный ансамбль, квартал и даже местность и т. д.» [109, 19].

В источниках отсутствуют сведения о мечетях Нахичевани раннего периода, за исключением огромной Джума-мечети. Однако О. Челеби указывает, что ко времени его пребывания в городе было 70 культовых сооружений, из них 40 — мечети. Он отмечает, что в городе насчитывалось 33 минарета наподобие турецких. Итак, можно сказать, что культовые сооружения, носившие идеологическую информационную нагрузку эпохи, во многих случаях являлись организующим ядром и композиционными доминантами основных архитектурных комплексов и ансамблей средневекового города.

Гражданские сооружения охватывали различные области общественной жизни городов. Так, каравай-сарай — средневековые гостиницы или заезжие дворы являлись своеобразными общественными сооружениями не только Азербайджана, но и других стран Востока. Строительство их объяснялось развитием внешних и внутренних торговых связей. Различались два вида караван-сараяв: городские и придорожные. В городских караван-сараях, помимо остановки караванов, производились торговые операции. Это были своего рода рынки сбыта ремесленных товаров. Здесь совершались торговые сделки, узнавались коммерческие и политические новости. Придорожные караван-сарайы строились на оживленных торговых путях. Расстояние между ними равнялось дневному переходу каравана.

В придорожных, а также в городских караван-сараях прямоугольный замкнутый двор застраивался по периметру жилыми помещениями и складами для товаров. Часть его занимали помещения для вьючного скота. Встречались караван-сарайы, имевшие при прямоугольном наружном очертании восьмиугольный двор с периметрально расположенными помещениями. В центре двора устраивались иногда небольшие водоемы, а иногда «махтаабы» — беседки для заключения торговых сделок.

Композиционные и планировочные особенности караван-сараяв Азербайджана в течение рассматриваемого периода не менялись. Городские караван-сарайы внешне мало чем отличались от придорожных. Относительно местоположения караван-сараяв в плане города в XIV — XVII вв. никаких изменений не произошло.

По внешнему облику караван-сарайы одинаково строги: как наружные, так и дворные стены лишены каких бы то ни было декоративных элементов. На оси главного фасада выделялись лишь порталы, значительно выступающие из плоскости стен. Стрельчатые ниши, вписанные в прямоугольный массив портала, в верхней части выполнялись несложной системой сталактитов. Глухие стены, лишённые оконных проемов и укрепленные небольшими массивными цилиндрами в углах или по осям придавали караван-сараям оборонительный характер. При строительстве придорожных караван-сараяв особенно большое внимание уделялось обеспечению защиты купцов от всевозможных нападений. Придорожные караван-сарайы располагались вблизи водных источников. Наличие воды служило показателем их благоустройства.

В крупных торгово-ремесленных городах караван-сараяв было больше. О. Челеби сообщает, что в Тебризе было 200, а в Шемахе — 44 караван-сарая. В период посещения Ардебилля Ф. Котовым число караван-сараяв там равнялось 20. Многие караван-сарайы были известны по продававшимся только в них видам товаров: «Если же хотят купить что-нибудь в магазинах, например, индийские материи, сукно, бирюзу, то также отправляются в соответствующий караван-сарай, где их продают» [163, 235].

В городах караван-сарайы всегда располагались вблизи торговых площадей, улиц, базаров и у городских ворот — в важных в хозяйственно-экономическом отношении районах [175, 93]. Рашид ад-Дин следующим образом описывает порядок размещения в Тебризе строившихся караван-сараяв: Газан-хан «приказал, чтобы из каждых новых ворот Тебриза внутри города рядом с воротами были построены караван-сарайы, базары и бани, и (помещения) для карханы, и загоны для (вьючных) животных и (повелел), чтобы каждый род купцов, прибывающих с разных сторон, въезжал (в город) через те ворота, которые для этой стороны предназначены, и останавливался бы в тех караван-сараях, а тамговец принимал бы их товары. (Затем), сходя в баню, шли бы они в город и, определив свои места, если хотят, уезжали. Точно так же, когда купцы из Тебриза отправлялись в (разные) стороны, они там располагались, пока тамговец не осмотрит тюки и (их) оттуда не отправит» [167, 235]. Следует отметить, что такой порядок размещения торгово-рыночных сооружений в городах XIV в. был характерен и для последующих веков.

Вход в караван-сарай со стороны улицы подчеркивался глубокозатененными порталами. Иногда городские караван-сарайы имели вход с двух противоположных сторон двора, что обеспечивало лучшую связь прилегающих улиц с их внутренним пространством. «Шахский» караван-сарай на бывшей торговой улице Баку «лежит подле самой гавани, и для того товары с судов в оной весьма способно носить

можно» [68, 81]. Благодаря сквозному проходу из города на набережную через двор этого караван-сарая, ворота которого были одними из городских ворот, создавалась удобная связь порта с городом.

Упоминания об обеспечении водой караван-сараев относятся равно как к городским, так и к придорожным. Ф. Котов пишет: «В Шемахе семь караван-сараев — все каменные и во всех есть вода, которая течет по каменным трубам, проведенным с гор под землей. Караван-сарайи стоят между базарами тезиков... здесь же находятся лезгинские, гиялнские, бухарские и др. караван-сарайи» [108, 73].

В крупных торговых центрах строились двухэтажные караван-сарайи. В Тебризе «имеется очень много хорошо построенных зданий с магазинами внутри и много хороших двухэтажных караван-сараев» [277, 21]. В Шемахе также были двухэтажные караван-сарайи, «построенные из камня и имевшие 23 — 24 фута высоты» [247, 103]. Первый этаж подобных караван-сараев был отведен для склада товаров, стойла для скота, а жилые комнаты находились на втором этаже.

В экономике средневековых городов Азербайджана, как известно, торговля и ремесло занимали основное место. Центром городской торговли были базары — торговые ряды, базарные площади, рынки — чарсу. На базарах осуществлялась не только торговля; он был и местом общественной жизни горожан. Здесь читались указы правителя, узнавались новости. Городские рыночные площади были центрами административной, деловой, торговой и духовной жизни феодальных городов. Как правило, «каждое ремесло, каждый род торговли занимал свой отдельный базар» [111, 19] — и это было укоренившейся на Востоке традицией. Иногда базары назывались по имени строителя или по названию того места, где они создавались. Например, в древней Барде возле «Кюрдских» ворот был помещен рынок «кюркий» [191, 194].

Около крупных базаров устраивались караван-сарайи, мечети, бани, зорхана, чайхана и другие общественные сооружения.

Во многих случаях базары представляли собой узкие улицы, часто перекрытые сводами и застроенные по обеим сторонам лавками. Подобные торговые улицы были в Тебризе, Ардебиле, Шемахе и Нахичевани. В целях защиты торгующих от зноя и дождя строители превращали улицу в узкое перекрытое русло для движения, где по специальностям группировались лавки-мастерские. И все же соблюдение принципа размещения на отдельных участках определенного вида ремесла не предотвращало сложного лабиринта восточных, в частности азербайджанских базаров.

Для упорядочения хаотичного движения и торговли строились крытые рынки — чарсу, в средней Азии — тимы, в Турции — бедестаны. Располагались они обычно в районе торговых рядов, на пересечении главных улиц, что имело место, в Бухаре, Хиве, древнем Мерве и других городах Востока. Вокруг центрального купола чарсу группировалось множество небольших помещений, связанных между собой проходами. Местоположение чарсу на пересечении главных улиц указывает на их значимость среди окружающих построек. Огромные крытые рынки были доминирующими объемно-пространственными сооружениями городской застройки. Путешественники особо отмечали крытые рынки Ардебилля и Тебриза, в частности знаменитый рынок Кейсария [76]. Этот базар некогда занимал пространство между южными городскими воротами и Гянджинскими. Его отдельные участки представляли собой длинные ряды больших куполов, прорезанных световыми отверстиями. Ввиду того, что этот рынок занимал много места в общей застройке, он походил на крытый городок.

Большое внимание в Азербайджане уделялось строительству бань. Бани выполняли различные функции: санитарно-гигиенические, общественные, служили местом общения и отдыха населения, в них нередко проводились спортивные соревнования. Путешественники восторженно говорили о банях Нахичевани, стены которых были покрыты глазурованными плитами, а полы мрамором, а также о банях Тебриза, отличающихся богатым внутренним оформлением.

Организация внутреннего пространства, система отопления и водоснабжения в банях Азербайджана были традиционными. По решению плана бани можно разделить на две группы [224, 31; 13, 55]. Первая характеризовалась малым количеством прямоугольных помещений, которые соединялись между собой по коротким сторонам. В другой группе помещения различного назначения и температурного режима, соединявшиеся между собой переходами, располагались вокруг восьмигранных центральных купольных залов. За вестибюлем и группой помещений, предназначенных для раздевания, находилось мыльное отделение. Сложная связь между помещениями препятствовала проникновению холодного воздуха в зал для мытья и создавала во всех помещениях необходимый температурный режим.

В центре мыльного зала находился водоем горячей воды, из которого вода самотеком поступала во все уголки бани. Под бассейном с горячей водой имелась специальная топчанная камера — «кулхан», связанная с жаровыми каналами, устроенными под полом купального зала. Теплый воздух, пройдя через эти каналы, отдавал тепло и, охлаждаясь, выходил через дымовую трубу наружу. Этот прием отопления помещений был широко распространен в банях Востока [58, 207].

Бани, независимо от места их строительства и размера, обычно заглублялись в землю, чтобы сократить теплопотерю. По внешнему виду это были в основном купола над землей, на макушке которых имелись световые отверстия, служившие одновременно для вентиляции помещений.

Бани строились не только городским управлением, но и состоятельными лицами и предназначались как для индивидуального, так и для общественного пользования. Общественные бани распределялись среди жилой застройки. Они имели мужское и женское отделения. Иногда эти отделения использовались посменно. Бани обслуживали соответствующие кварталы и включались обычно в торгово-культурный комплекс.

В некоторых городах существовали специальные сооружения для проведения спортивных состязаний — так называемые «зорхана». У некоторых авторов встречаются упоминания о наличии зорхана в Баку, Шемахе, Гяндже, Шеки, Ордубаде и Тебризе, а также об их устройстве.

Зорхана в Баку располагалась вблизи Джума-мечети на торговой улице. Это позволяет высказать мнение, что подобный тип сооружений участвовал в формировании центральных городских ансамблей. Небезынтересно описание зорханы в Баку, Г. Сарабским: «Здания зорхана представляли собой центрально-купольные сооружения с большим, крестообразной формы в плане, помещением. Этот тип планировки можно встретить в мечетях, банях, мавзолеях и даже в ряде случаев в дворцовых сооружениях. Они по организации размещения помещений были весьма сходными с планами бань. Каждое из больших квадратных помещений при помощи четырех массивных пилонов или же столбов делится на одно большое центральное квадратное помещение, четыре малых угловых помещения и четыре прямоугольных помещения, непосредственно примыкающих с четырех сторон к центральному квадратному помещению в виде креста. На полу центрального квадратного помещения устраивается специальная восьмиугольная площадка, предназначенная для спортивных занятий. Эта площадка называется «гоут» [186, 87].

В застройке крупных городов Азербайджана немаловажное значение имели «нагарахана» — своего рода музыкальные павильоны, возводимые в основном вблизи общегородских площадей. Такие сооружения были обычными для многих восточных городов, в частности Бухары, Самарканда, Тегерана, а также городов Индии. Нагарахана предназначалась для придворного оркестра, призванного прославлять правителя, шаха [249, 309]. Вот что говорит Тавернье о нагараханах в Тебризе: «На мейдане или на большой базарной площади вечером при заходе и утром при восходе солнца собираются специальные люди, которые, полчаса играя на трубах и барабанах, устраивают величайший шум. Они это проделывают на одной стороне площади, на специальном возвышении, нечто подобное происходит во всех центральных персидских городах» [277, 23].

Джон Бел выделяет в своих записях о Шемахе «высокое здание, которое имеет множество окон и галерею, где по всем дням при восходе и закате солнечном бывает некоторого рода концерт» [242, 45]. Далее он упоминает «высокую башню» в Тебризе, предназначенную для тех же целей. Судя по этим данным, нагарахана обладали известной общностью. Они представляли собой высокое строение, иногда даже башню, со множеством окон и галерей.

Другой тип архитектурных сооружений средневековья — дом исцеления, так называемые «дарулшафа» — сооружения лечебного назначения, госпитали, которые по планировке напоминали медресе. В Тебризе было несколько дарулшафа, из которых современники отмечают три самых достопримечательных: один из них в квартале Руб-и Рашиди, другой в Газании, а третий — во дворце Хашт Бехишт. Дарулшафа имелась и в Ардебиле, что известно по экспликации зарисовки Даппера.

Знаменитый госпиталь, основанный Рашид ад-Дином, располагал пятьюдесятью искусными врачами, прибывшими из Индии, Китая, Египта, Сирии и других стран. При госпитале находились лучшие окулисты, хирурги, костоправы, обучавшие каждый по несколько учеников. Дворцовый госпиталь Тебриза мог содержать одновременно 1000 больных. Об архитектуре этих сооружений нет подробных сведений, но по плану они, вероятно, были схожи с турецкими госпиталями в Кайсери и Сивасе [238, 129].

Редко встречаются сведения о зданиях общественного назначения — имаретах. В феодальных городах стран Переднего Востока имареты — дома призрения служили приютом для бездомных и отверженных. О. Челеби называет четыре имарета в Тебризе: Кара-Ягуба, халифа Мутаваккула, султана Узун Хасана и Зубейды-ханум. Во время его пребывания в городе они находились в запущенном состоянии ввиду отсутствия средств на их содержание. Очевидно, имареты содержались на средства состоятельных лиц — феодалов, правителей, представителей духовенства.

В число гражданских сооружений феодальных городов Азербайджана входила kitabxana. В этих сооружениях бережно хранились рукописи самых разнообразных сочинений, которые представляли большую ценность. О kitabxane имеются единичные упоминания. Из письма (№ 51) Рашид ад-Дина к своему сыну ходже Са'д ад-Дину видно, что в квартале Руб-и Рашиди была огромная библиотека с 60 тыс. книг по различным наукам: астрономии, математике, истории, поэзии, медицине и богословию. Среди них было до 1000 списков Корана, выполненных видными каллиграфами эпохи. В этой библиотеке¹ развертывалась деятельность книжных художников-миниатюристов, копировщиков-каллиграфов.

Kitabxana имелись в комплексе Газании, во дворцах Хашт Бехишт и сефевидских шахов. Начиная с Исмаила I шахи при своем дворце содержали огромную библиотеку, которая выходила за рамки

¹ Она была рассеяна по ветру во время разграбления ее в 1318 г. после смерти Рашид ад-Дина, обвиненного в отравлении Ольджайту Ходабенде, и в 336 г. после смерти его сына.

обычного книгохранилища. Во времена Сефевидов «высочайший дворец (шаха) был сборищем достойнейших ученых» (166, 150]. Китабхана сооружались либо отдельно, либо ими нередко служили различные части дворцов. В источниках отсутствуют данные, позволяющие судить об архитектурно-художественных особенностях этих сооружений и установить их значение в планировочной схеме дворцовых комплексов.

В средневековье водоснабжению населенных мест уделялось большое значение. Вода подводилась специальными гончарными трубопроводами, укладываемыми в грунт для предохранения их от повреждений. Поступление воды в город осуществлялось также по подземным галереям — кяризам¹, которые прокладывались на определенной глубине в зависимости от местонахождения водоносного слоя. Водоснабжение Тебриза обеспечивалось 900 кяризами. К городам, расположенным вблизи рек, вода подводилась каналами-арыками.

В городах, а также на торговых путях строились овданы — водохранилища, которые были предназначены для сбора и хранения как подземной грунтовой воды, так и атмосферных осадков. Это определило два типа овданов [197]. Первый был рассчитан на сбор грунтовой воды, второй — дождевой воды и снега и отличался несколько большим объемом. Овданы обоих типов состояли из трех частей: надземной части, лестницы и подземного хранилища. Такое строение обеспечивало непосредственный доступ человека к грунтовым водам.

Надземная часть овдана — это отрезок «ползучего» цилиндрического свода, сложенного из тщательно тесанных каменных плит. Фасад овдана нередко оформлялся в виде небольшого портала. За входом начиналась пологая одномаршевая лестница, иногда с промежуточными площадками, которая кончалась у самого водохранилища широкими подступеньками или небольшой площадкой, несколько приподнятой над расчетным уровнем воды.

Большое количество овданов зафиксировано на Апшероне, где ощущалась нехватка надземных источников питьевой воды. Один из самых больших овданов Апшерона — овдан в комплексе Дворца ширваншахов в Баку, датируемый XV в. Вода в него поступала из разветвленной сети подземных галерей шахского водопровода, заложенного в 20-е годы XV в. [174].

В Шемахе в сильно разрушенном виде сохранился овдан, также датируемый XV в. Очевидно, развитие сети караванных путей и расширение торговых связей северных областей в XV в. способствовало распространению их в строительстве того времени.

В жизни народов Востока, в частности Азербайджана, существовал своеобразный обычай — культ воды, ее обожествление. Учитывая ее «священность», купцы, правители, священники сооружали в городах водораспределительные пункты — «себили», прославлявшие их строителей. Надписи, рассказывающие о строителях «напоминали посетителям, кого следует помнить и о ком следует молиться при утолении жажды» [207, 230]. О. Челеби говорит, что в Тебризе было много подобных благотворительных пунктов, и все они являлись красиво оформленными сооружениями.

В силу выгодного географического расположения Азербайджана, где скрещивались мировые торговые пути, большое экономическое значение для развития городов имело строительство мостов. Городские владельцы смотрели на мосты прежде всего как на источник доходов и взыскивали соответствующие пошлины с переходивших через мост караванов и торговцев.

Мосты феодального Азербайджана отличались смелостью конструкций, органическим включением в окружающую среду и подчас огромными размерами. Они были самыми разнообразными: от однопролетного, возводившегося в большинстве случаев в горных местностях, до пятнадцатипролетного длиной около 175 м.

Конструктивная основа мостов состояла из повторяющихся ячеек арочных пролетов, которые отличались друг от друга очертаниями арок. Количество пролетов зависело от рельефа и ширины русла рек. Например, через Аракс на Худаферинской переправе построены два моста: одиннадцатипролетный и пятнадцатипролетный. Мосты строились, как правило, на издревле известных переправах, на оживленных караванных путях. Во многих случаях новые строились над остатками древних.

Наименьшим материалом мы располагаем по архитектуре жилища рассматриваемых городов. Те особенности, которые прослеживаются в народном жилище XVIII — XIX вв., имеют корни, выработавшиеся еще до этого времени. Отличия в конструктивной и планировочной характеристике жилых домов различных районов, складывавшиеся на основе естественно-природных и социально-экономических условий, влияли на формирование архитектурного облика как самого жилого дома, так и целого города. Жилые дома в зависимости от конфигурации участка имели различную планировку. Как правило, они полностью огораживались или изолировались от городской жизни. Фасадом всегда обращались во двор или сад. Дверные и оконные проемы на уличных фасадах отсутствовали.

Самые уникальные из воздвигнутых в рассматриваемый период построек — обсерватории свидетельствуют о высоком уровне науки и культуры того времени. Письменные источники сообщают,

¹ В городах были специальные мастера по прокладке или устройству подземных каналов-кяризов, которые назывались «канканчи» или «канканами».

что в средневековом Азербайджане было три обсерватории: в Мараге, Тебризе и Шемахе [12, 76]. Построенная в 1259 г. и действовавшая еще в 1300 г. марагинская обсерватория сыграла важную роль в развитии астрономии на Востоке. По мнению Бартольда, ее влияние на астрономию было большим, чем известной обсерватории Улугбека (XV в.) в Самарканде [35].

Марагинская обсерватория была построена за 12 лет к западу от города на небольшом укрепленном холме. Занимаемая ею площадь равнялась 137х347 м. Среди сооружений обсерватории было башнеобразное здание, покрытое куполом, где размещались приборы для наблюдения за небесными телами. Возможно, что это здание являлось тем, о котором И. Дибадж пишет: «Здание обсерватории находилось в центре двора. Оно было круглым и диаметр его составлял 20 м. С четырех сторон к нему идут каменные тоннели шириной 2 м, длиной около 40 м» [83, 18].

Вероятно, отдельные помещения или примыкавшие некогда к обсерватории здания выполняли роль медресе и обеспечивали хозяйственные нужды. Конфигурации нескольких помещений, высеченных в материковой скале, были уточнены раскопками А. Годара. В числе сооружений обсерватории была огромная библиотека с 400 тысячами книг, которые были привезены из Багдада и других захваченных городов. Обсерватории, как правило, строились в наиболее возвышенных местностях. Основная часть помещений, которые были предназначены для инструментария, размещалась под землей.

Х. Казвини сообщает, что еще в 1340 г. обсерватория несколько разрушилась. В XVI в. шах Исмаил намеревался восстановить ее, однако, «узнав о возможности составления новых астрономических таблиц лишь в течение тридцати лет, он от своего намерения отказался».

Вторая обсерватория входила в состав богоугодных учреждений Шамб-и Газани в Тебризе и во многом повторяла марагинскую. Известно, что в 1300 г. Газан-хан посетил марагинскую обсерваторию, беседовал с учеными на научные темы, посмотрел на приборы и на все ее действия и повелел строить обсерваторию «подобно тому, как в Мараге» [254, 376]. Отличительной чертой обсерватории Газан-хана в Тебризе было наличие при ней школы для изучения светских наук и содержание ее за счет доходов вакфа [274].

Вполне оправдано, что архитектура обсерваторий обладала чертами, сходными с архитектурой башенно-купольных сооружений, возведенных в один и тот же период.

Гражданские сооружения Азербайджана не ограничивались вышеуказанными типами. Многие из них оказались совершенно потерянными. Здесь мы коснулись не всех видов этой типологической группы, введение в научный обиход новых высокохудожественных памятников гражданского зодчества позволит расширить представление об архитектуре страны. Проблемы объемно-пространственного построения зданий и градостроительства относительно топографии различных типов в организме городов имели самостоятельные пути развития.

Объемно-пространственная структура каждого города определяется столь важными элементами, как уличная сеть, площади и кварталы. Специфические особенности этих элементов, наряду с особенностями рельефа, сказывались на последующем развитии городов, их общем архитектурно-художественном облике. Являясь частными элементами общего городского организма, они в то же время имеют различную планировочную организацию, обусловленную социальными, эстетическими, природными и многими другими факторами.

Специфика взаимного размещения структурных элементов города позволяет правильно оценить достоинства и недостатки планировочной схемы, определить соотношение затрачиваемой под них площади и общей городской территории, уяснить, логична ли их связь с рельефом, учтены ли климатические особенности, какова их архитектурная организация и т. п.

К сожалению, в исторических источниках не встречаются графические материалы (кроме общих видов некоторых городов), освещающие структурные элементы городов рассматриваемого периода. Правда, в отдельных источниках имеются некоторые данные, причем поверхностные и беглые, которые не могут характеризовать элементы городов со всеми их архитектурными подробностями. Выгодно отличаются в этом отношении планы городов XVIII — начала XIX в.

Уличная сеть. Городские улицы в совокупности составляли уличную сеть, которая являлась органической частью структуры городов и складывалась постепенно, в процессе роста и застройки территории последних. Система городских улиц приобретала определенное направление и ширину, которые не изменились долгие столетия. Характерными для улиц были извилистость, исходящая из сложности рельефа территории и неорганизованности городской застройки, а также узость и обилие перекрестков.

В городах с высокой летней температурой устройство улиц по направлению господствующих ветров было обязательным, чтобы обеспечить движение воздуха между стенами домов и тем самым в какой-то степени устранить опасность эпидемий.

Улицы средневековых городов Азербайджана можно разделить на главные и второстепенные, которые имели одновременно транспортное, жилое и торговое назначение. Улицы, соединяющие городские ворота с торговыми площадями, превращались в торговые и транспортные магистрали — в главные. Малоорганизованные улицы в жилых кварталах, примыкающие к главным артериям, являлись второстепенными и не отвечали нашим представлениям о нормальной ширине городской улицы. Улицы располагали не только незначительным поперечным сечением, но и низким благоустройством. Они не были разделены на составляющие ее элементы, т. е. на проезжую часть, тротуары и зеленые насаждения. Однако в некоторых городах встречались мощеные (Баку) и обсаженные деревьями улицы (Ардебиль). Проезжая часть, т. е. ширина улицы, одновременно служила и для пешеходов и для вьючных животных.

Улицы первостепенного торгового значения образовывали в плане города четко выраженную систему магистральных улиц. На этих улицах движение было более интенсивным, чем на других. В средневековье, когда отсутствовал городской транспорт быстрого движения, ширина улиц и частота перекрестков не имели решающего значения. Маленькое расстояние между перекрестками не мешало скорости движения пешеходов и вьючного скота.

Традиция строить дома с глухими фасадами вдоль улиц не создавала предпосылок для их большой архитектурной выразительности. В то же время улицы не были лишены живописности. Отдельные отрезки и части их в совокупности определяли общую архитектурную композицию. Поэтому, не обзрев всех звеньев средневековых улиц, обладающих захватывающей неожиданностью и неповторимостью, трудно было получить о них полное представление. Неправильность трассы улиц, ее изломы и повороты ощущались довольно заметно, что вызывалось, очевидно, узостью улиц и их частым членением. «Ни общественно-политическая форма средневекового города, ни характер его возникновения и роста не давали возможности применения строго геометрической планировки и организации улицы как единого целого» [219, 37].

Улицы, приспособляясь к топографическим условиям города, отражали особенности очертания берегов рек, холмов и равнинных местностей. Отличие естественной топографии Ардебилья, Шемахи, Баку и многих других городов сказывалось на их уличной сети. Несомненно, улицы городов, занимающих пересеченную местность, были более криволинейными и узкими, чем улицы городов, расположенных среди обширной равнины. Последние получали относительно большую ширину, прямолинейность и создавали радиальную систему. Радиальные улицы, которые ярче подчеркивали городской центр, прослеживаются на плане Тебриза 1827 г. и более ранней зарисовке Ардебилья.

Застройкой улиц не предусматривалось представление всем жителям надлежащих условий, так как сложение и развитие города регулировались, если можно так выразиться, лишь в интересах отдельных лиц. Имущественная состоятельность застройщиков сказывалась на характере улиц. К тому же, по

сторонам улиц, которые представляли собой узкие коридоры, рассчитанные в основном для подходов к жилым домам, трудно было определить род занятий обитателей.

Как правило, главные артерии городов имели много ответвлений, так как служили планировочными костяками. Эти улицы также не были свободны от ломаного и криволинейного рисунка. Они соединяли городские ворота с общественными торгово-культурными центрами и мостами. Пересечение главных улиц, которые соединяли четыре противоположных конца шахристана, отчетливо выделяется на составленных нами схематических планах Шемахи, Султани и Хамадана. В одних городах перекресток отмечался культовыми, а в других — дворцовыми сооружениями. В некоторых городах, например, в Ардебиле, центральный перекресток подчеркивался торговыми сооружениями, как в Средней Азии.

Отдельные улицы, заселенные представителями определенных ремесел и этнических групп, наподобие кварталов определяли название той или иной части города, где они были расположены. В отдельных случаях ремесленные ряды создавали улицы, которые благодаря многочисленным лавкам приобрели более, или менее общественный характер.

Относительно свободный характер застройки рабадов по сравнению с плотно застроенными шахристанами положительно влиял на ширину улиц. Если в шахристане застройка внутри оборонительного кольца постепенно «наступала» на свободные территории, а также улицы и площади, то в торгово-ремесленных предместьях она не знала такого жесткого ограничения. Поэтому здесь улицы делались более широкими.

Как уже отмечалось, уличная сеть средневековых городов характеризовалась запутанностью, бессистемностью и узостью. Между тем при строительстве улиц соблюдалась функциональность плана и полностью использовались условия рельефа. Жилые дома, не имеющие уличного фасада, не располагали также и определенной частью фронта улицы, зависящей от размеров дома. «Ему необходим лишь удобный вход на территорию участка данного дома. Отсюда такое обилие тупиков, ведущих к входам в расположенные в глубине квартала внутренние дворы» [211, 19]. Узкую улицу строили также из соображений климата: ей необходима была тень. Отпадала необходимость делать улицу широкой с целью освещения жилых помещений, так как они были обращены не в сторону улицы, а во двор.

На всем своем протяжении улицы были неодинаковой ширины; расширялись и превращались в небольшие площади у квартальных мечетей. В силу одновременности возведения дома и нерегулярности застройки они имели живописную перспективу, которая постоянно менялась. Силуэт улиц обладал, как сказано, выразительным характером, что указывает на их прямую связь с рельефом местности.

В городах наряду с улицами, выполняющими общественно-торговые функции, были и такие, которым принадлежала архитектурная доминанта. Часто функция второй группы улиц совмещалась с таковой первой. Торговые улицы в Баку, Шемахе и Ардебиле воплотили в себе все эти особенности.

Торговые улицы населялись преимущественно ремесленниками и торговцами. С обеих сторон улиц строились мастерские и лавки. Характерны в этом отношении торговые улицы Дербента, по линии которых сосредоточивались общественно-культурные и торговые сооружения. Такие улицы шумели с утра до вечера и дополняли собой торговые площади, а по оживленности даже конкурировали с ними. «Главная торговая улица... являлась поистине жизненной артерией города, его композиционно-планировочной основой, главным нервом городской жизни» [110, 152].

Городские площади. На всем протяжении исторического развития города располагали архитектурно организованными открытыми пространствами — площадями, выполнявшими различные функции. Еще в X в. Макдиси сообщал о соборной площади Ардебиле крестообразной формы.

Площади имели различные назначения. Иногда одна и та же площадь выполняла несколько функций, если, конечно, ее размеры и архитектурная организация позволяли это. Основным видом были торгово-рыночные площади. Относительно большие площади перед огромными соборными мечетями претендовали на первое место по значимости среди всех площадей города, хотя и подчинялись композиции окружающего архитектурного ансамбля. Их можно называть соборными площадями.

Кроме указанных, существовали площади незначительных размеров, которые располагались у мехелле-мечетей в отдельных кварталах. Несмотря на то что они являлись композиционными центрами кварталов, значение их в общей городской застройке было невелико. Мечети строились на более широких частях улиц и на их перекрестках. В этом случае площади принимали трапециевидную или треугольную форму.

Рыночные площади были самой значительной частью города. Весьма показательным в этом смысле центральное расположение торговых площадей в планировочной системе Ардебиле, Тебриза и Дербента. Рыночные площади средневекового Азербайджана обнаруживают большое разнообразие в планировке, размерах и в выборе мест. Были распространены нерегулярные торговые площади, которые иногда с трех или со всех сторон обносились галереями, состоящими из стрельчатых арок. Аркада, окружающая площадь, одновременно подчеркивала их общественное значение.

По мере развития торговли значение рыночных площадей росло. На площади нередко строили бассейн с водой. Подобные водоемы содействовали увлажнению сухого и жаркого воздуха, оказывали благотворное действие на психику людей, находящихся под жгучими лучами солнца во время покупки.

Таковой была рыночная площадь города Баку, которая зафиксирована в старых планах. Она имела неправильную П-образную форму с сужением внутрь площади, что зрительно увеличивало ее размеры. Аркада площади покоилась на невысоком подиуме. Ориентация на восток благоприятно воздействовала на восприятие пластики аркады, т. е. придавала сооружению дополнительный эстетический эффект. Благодаря простой композиции, хорошим пропорциям, ясному конструктивному решению и четко выраженной ориентации усиливалось пространственное воздействие памятника. Рыночная площадь в Баку не имеет себе аналогий. Однако отвергать существование в прошлом площадей подобной архитектурной трактовки в других городах Азербайджана нельзя.

В городах помимо главной торговой площади были второстепенные площади торгового характера. В Ардебиле, Тебризе и Султании было много хорошо отделанных небольших площадей.

Площади столичного города Тебриза располагали водоемами — важными элементами композиции. Наличие в городе большого количества водоемов говорит о степени его благоустройства: «На улицах и площадях этого рода есть много водоемов и колодцев; весной их наполняют кусками льда, ставят много медных и жестяных кружек, и народ может пить» [104, 169].

Сравнение Шарденом тебризской общественной площади с шахской площадью Исфохана позволяет считать, что они, возможно, были схожи не только по размерам, но и по архитектуре.

Нами уже указывалось на центральное положение торгово-рыночных площадей в плане города. Такое расположение способствовало формированию радиальной планировочной системы, что отчетливо прослеживается на примере Ардебиле. По мере роста значения площади, которая начинала выполнять общественные функции, увеличивалось тяготение к ней главных улиц города.

По размерам средневековые площади были небольшими. Расширение определенной части городских улиц называлось площадью. Среди необычайно тесной застройки эти небольшие площади казались значительными. Человек, привыкший к узким коридорам-улицам, выходя на небольшое открытое пространство, естественно, испытывал чувство простора. Контрастным соотношением улиц и площадей средневековые строители добивались определенных масштабно-зрительных эффектов.

Наряду с торговыми площадями, в городах были площади, специально предназначенные для увеселительных и спортивных целей. В крупных городах существовали площади, где проводились конские ристалища.

Площади, предназначенные для скопления огромных масс людей, представляли в виде законченной объемной композиции только при их заполнении. Средневековые площади Азербайджана по композиции были замкнутыми. Окруженные различными сооружениями, они в силу сходства фасадов смежных зданий, торгово-рыночных и общественно-культовых сооружений воспринимались как единый пространственный объем. Чем меньше были промежутки между зданиями, тем, естественно, больше было ощущение огражденности и замкнутости площадей.

Известно, что планы городов XVIII в. почти не отличались от планов тех же городов XVII в., и потому они могут иметь документальную силу для городов не только XVII в., но в некоторых случаях и более раннего времени. С этой точки зрения важными являются данные плана Гянджи 1797 г., фиксирующего крупный архитектурный комплекс города, созданный в начале XVII в.

Центральная площадь Гянджи была одним из характерных примеров средневековых площадей Азербайджана. Этот комплекс воплотил в себе основные принципы построения главных торговых площадей. После отвоевания Гянджи у турок в 1606 г. шах Аббас приказал перенести город на новое место, «одним фарсахом (6 — 7 км) выше, где ныне находится площадь» [227]. Площадь, вокруг которой размещались Джума-мечеть, караван-сарай, лавки, баня, медресе и другие сооружения, была главным архитектурным и общественно-торговым центром Гянджи. Она располагалась на форштадте, имела неправильную четырехугольную форму с размерами в среднем 65х320 м и тянулась в направлении с северо-востока на юго-запад¹. Площадь по своему контуру была обсажена деревьями, т. е. была благоустроенной. С северо-западной и юго-восточной сторон ее обрамляли сводчатые помещения лавок, за которыми на юго-восточной стороне находилось большое количество сооружений с замкнутыми дворами. На плане эти сооружения обозначены как базары и шелковые и бумажные фабрики. «Базары или рынки, расположенные в центре города, самые красивые и самые великолепные из всех... на Востоке. Не говоря уже об их необыкновенных размерах, они все очень хорошо покрыты сводами, и всякий род товаров занимает свою определенную часть их» [239, 76]. Юго-западную сторону площади занимала мечеть, за которой находилось кладбище. Вокруг мечети — медресе, а с западной стороны — баня. Площадь с северо-западной стороны ограничивалась квадратным в плане зданием — базаром с главным входом, ориентированным на площадь. Как явствует из плана и исторических сведений, эта площадь, в отличие от многих других, проектировалась и строилась одновременно.

Площади в средневековых городах формировались постепенно, по мере обрамления их зданиями. Поэтому большинство из них имели нерегулярный план. Однако при этом придерживались определенных

¹ Ширина юго-западной узкой стороны площади была 54, а противоположной — 85 м.

принципов: каждый новый элемент возводился с учетом уже существовавших ранее. Вследствие этого всякая площадь обладала эстетической выразительностью.

Взаимное сочетание улиц и площадей имело большое значение для архитектуры города. Площади превосходили своими размерами ширину вливающихся в них улиц в несколько, но не более чем в 3 — 5 раз. Такое отношение сечения улиц к площади сохранилось в Ордубаде и по сей день [170].

В средневековых площадях Азербайджана улицы очень редко пересекались под прямым углом. Не имели места сквозные разрывы, которые отвлекали бы внимание от зданий, поэтому каждая деталь останавливала на себе взгляд. Иначе говоря, весь фронт площади — от угла до угла сохранялся для застройки.

Площадь являлась такой частью пространственной среды города, которая выполняла роль «открытых залов». На ее форму влияли как естественные условия, так и условия планировки и застройки города. Поэтому средневековые площади всегда были строго индивидуальны. В архитектуре, а также в объемно-пространственной композиции площадей, естественно, отражается их плановое решение: они, сочетаясь с общей строительной масштабностью города, органически вливаются в его структуру.

По отношению к городской территории площади занимали незначительное место. Очень редко встречались площади довольно крупного размера. Большой размер площадей в тесной и скованной оборонительным кольцом застройке городов «оправдывается тогда, когда она служит авансценой для грандиозного здания и в особенности если она предназначена для скопления огромных масс людей; однако она ни в коем случае не должна быть большой, если назначение ее ограничивается обычными общественными функциями» [66, 100]. К числу больших относились главные площади Тебриза, Ардебилля, Нахичевани. Доминирующее место площади в городском плане подчеркивалось установлением на ней или поблизости от нее крупного здания или группы зданий, служивших ориентиром в сложном лабиринте улиц, а также направлением основных магистралей, которые, соединяя отдельные части города, тяготели к ней.

Площади организовывались не только среди тесной застройки, но и у городских ворот: здесь в них вливалось несколько улиц. Общественная площадь в некоторых случаях перемещалась на новое место. Так, торговая площадь, вокруг которой были сгруппированы большие караван-сарай и которая располагалась в средней части города Дербента, в связи с функционированием общественной площади в районе Джума-мечети несколько утратила былое значение. От нее к соборной мечети шла главная торговая улица, обстроенная с двух сторон лавками, что подтверждается планами города XVIII — начала XIX в. Впоследствии торговая площадь переместилась к Кизлярским воротам.

Говорить о симметрии средневековых площадей, как и городов в целом, не приходится. Хотя структурные элементы их объемно-пространственной композиции состояли из несимметричных форм, тем не менее они не были лишены зрительного равновесия.

Некоторые площади городов имели мощение. Торговая площадь в Баку, площадь Джума-мечети в Дербенте, очевидно, мостились крупными каменными плитами. Подтверждается это в частности сведениями Гмелина, который писал: «Я думаю, что дербентские улицы прежде вымощены были камнем, однако на большей части места едва еще следы одного находят» [209,26].

В целом градостроительная специфика площадей средневековых городов Азербайджана имела много общего с площадями городов Востока. Характерная для них неправильность форм компенсировалась композиционной законченностью, выразительной индивидуальностью и хорошим масштабным соотношением.

Кварталы-мехелле. В средневековых городах Азербайджана селитебная часть делилась на кварталы — мехелле, которые, являясь важным компонентом городского организма, характеризовали общую застройку. По размерам и архитектурному оформлению эти кварталы не были стандартными, и потому план города не превратился в бессодержательную и унылую сетку.

Так как городское население не было однородным ни в экономическом, ни в социальном отношении, это также отражалось на архитектуре. Известно, что основная его масса состояла из торговцев и ремесленников, принадлежавших к определенным сословиям. Привилегированные слои населения селились в отдельных кварталах, занимавших лучшие части города. Нищета ютилась в тесных закоулках; «вдали от глаз более счастливых классов она должна сама перебиться, как умеет» [3, 266].

Основным в городе был «крепостной квартал», где проживали правитель и аристократия. В источниках встречаются названия кварталов, занятых верхушкой городского населения и застроенных прекрасными сооружениями (Мейдан, Шапуран в Шемахе).

Само феодальное общество, его способ производства породили иерархию городского населения. Поэтому основу деления кварталов на аристократические, ремесленно-торговые и массово-жилые надо искать в социальной дифференциации городского населения.

Многоотраслевой характер ремесленного производства в городах обуславливал возникновение обособленных жилых единиц — мехелле с внутренней жизнью. Тот или иной квартал, некогда являвшийся «внешним», в результате естественного роста города превращался в административный или хозяйственно-экономический центр. Внутриквартальная территория отводилась под жилые усадьбы, а

ремесленные мастерские и торговые лавки размещались на ограничивающих квартал улиц. В небольшие усадьбы жители попадали через тупиковые улочки, которые составляли уличную сеть внутри кварталов. Торгово-ремесленные кварталы отличались от аристократических сдержанностью и простотой.

Место ремесленных кварталов в структуре города зависело от особенностей производства. Ювелиры селились вблизи центральных рынков, кожевники — около воды, кузнецы — неподалеку от городских ворот, причем гончарное, кожевенное и кузнечное производства сосредоточивались на окраинах города, так как относились к «зловонным и дымным».

Если в одном и том же квартале находились мастерские разных ремесел, он делился на несколько частей — «джерге», где вместе размещались мастерские одной отрасли производства. Такое расселение по профессиональному признаку способствовало зарождению организационной формы группировки ремесленников одной профессии. «Чувство самосохранения, страх за безопасность личную и имущественную с одной стороны, а с другой — сложное мастерство и строительство (как, например, изготовление для войны подъемных лестниц, осадных машин, постройка мечетей, вообще монументальных сооружений, оросительные работы) — все это рано заставило ремесленников объединиться: кустарь-одиночка был бы раздавлен» [69, 104]. Господствующая феодальная аристократия пыталась подчинить себе и объединения ремесленников и купцов, возникших с целью борьбы против «объединенного разбойничьего дворянства».

Каждый городской квартал представлял собой законченную, в смысле комплексности, градостроительную единицу. Наличие на небольшой территории мехелле жилых домов, лавок, бани, мечети, медресе, водообеспечивающих устройств и других сооружений привело к возникновению функционально оправданной структуры. Продуманное размещение строений в каждом квартале способствовало тому, что он функционировал в общем организме города как жилая единица со своей внутренней замкнутой жизнью.

Показательно, что вплоть до наших дней в названиях кварталов Шеки, Шемахи, Баку, Тебриза, Ардебилля и других городов сохранились характерные для старых городов наименования профессий ремесленников, которые там некогда сосредоточивались. Полный перечень ремесленных кварталов имеется в городе Шеки [14]. Влияние ремесленного производства на структуру города видно на примере Лагича, в планировке которого отчетливо вырисовываются кварталы, связанные с его спецификой [49].

Формы кварталов были самые различные — в зависимости от направления улиц и рельефа участков. Очень высокой была плотность их застройки, которая нередко принимала неправильную форму и намного усложняла строительство жилых зданий.

Четкого деления кварталов на жилые и торгово-ремесленные не наблюдалось, так как ремесленники работали и на дому. Кварталы именовались по-разному: по названию квартальной мечети (Сыныккала-месджиди, Джума-месджиди, Чин-месджиди в Баку), по особенностям местности, где они находились (Сары торпаг, Гала диби, Нарагач, Гала-базар, Ичери-гала, Деремехелле, Юхары-гала в Шемахе), по национальной принадлежности обитателей квартала (Джухуд-мехеллеси, Араблар, Курды в Шемахе), по названию городских ворот (Тебриз-гапысы, Шам, Сардруд, Рей в Тебризе), по религиозным сектам (Имамлы, Шыхнамаз) и др. Они, как правило, имели свои центры у квартальной мечети. Направление узких улочек к мехелле мечети говорит о наиболее распространенной схеме внутриквартального движения. Обычно в середине кварталов находились небольшие площади, которые большей частью и совмещали их центры. В этой относительно свободной части мехелле вокруг квартальных мечетей строились водообеспечивающие устройства, высаживались деревья. Здесь же можно было встретить жителей данного квартала.

Однако не во всех городских кварталах место центра было четко выраженным. Из-за бессистемности застройки, дислокации мечетей и многих торговых сооружений не всегда удавалось проследить и контуры этих кварталов. В одних городах следы существовавших кварталов сохранились как в плане, так и в наименовании улиц и районов, а в других — лишь эпизодически. Например, в структуре Баку не видно четкого выделения кварталов, население которых определялось бы профессиональным или национальным признаком. Здесь в одном квартале жили ремесленники различных профессий и представители разных национальностей. Нет сомнения, что многочисленность мечетей на сравнительно небольшой территории старого Баку свидетельствует о наличии кварталов, которые наподобие кварталов грузинских городов, именованных названиями стоявших на них церквей, также обозначались именами соответствующих мечетей.

Внутренняя планировка мехелле зависела от его размещения в системе города, а также от рода занятий населения.

В городах Азербайджана стены, ограждавшие отдельные мехелле, часто отсутствовали. Города такого типа возникали в Передней Азии еще при арабах [39, 27]. Вероятно, кварталы Тебриза к середине XVII в. окружались особыми стенами с определенным количеством ворот. К такому мнению приводит нас обозначение О. Челеби кварталов Тебриза словом «дарваза» (ворота). Трудно, однако, поверить, что в городе было до 1060 дарваза кварталов-мехелле.

Городское благоустройство. Сведения о благоустройстве средневековых городов Азербайджана самые различные. Один и тот же город своим благоустройством производил на одного автора благоприятное впечатление, другому же казался абсолютно неблагоустроенным. Очевидно, такое противоречивое восприятие обуславливалось социально-экономическими взглядами и классовой принадлежностью современников. Некоторые восточные авторы свидетельствуют о высоком уровне благоустройства азербайджанских городов, в частности Тебриза.

Несмотря на примитивность условий жизни, уровень городского благоустройства на Востоке, в частности, в Азербайджане, был намного выше, чем в городах Северной Европы, где водопровод появился лишь в XII — XIII вв.¹ Археологические раскопки на территории Азербайджана показали, что многие города уже в X — XI вв. имели развитую систему гончарных водопроводов. Гянджа, Кабала и другие обеспечивались водой именно по таким водопроводам. В XI — начале XIII в. в Байлакане пользовались двумя видами канализационных устройств: поглощательными колодцами цилиндрической формы глубиной до 3 — 4 и более метров и канализационными линиями, сложенными из обожженного кирпича (26, 87).

Иосафат Барбаро — «едва ли не первый из средневековых путешественников» в 70-х годах XV в. говорил «о возвращении в Европу, как о возвращении в более культурные условия жизни, хотя процесс перехода культурного первенства от Передней Азии к Западной Европе в то время только начинался» (38, 83).

Благоустройство городов осуществлялось в основном в двух направлениях. Первое — это обеспечение всех горожан питьевой водой, второе — частичное озеленение, ограниченное мощение улиц и площадей. Тщательно благоустраивались главные городские комплексы, построенные феодалами, которые управляли городами, и состоятельными людьми. В них были родники, арыки-каналы, зеленые насаждения, подчас мощение улиц и площадей. Благоустройство других частей города находилось на довольно низком уровне, большинство улиц было покрыто сором, выбрасываемым из домов, и толстым слоем пыли, которая в дождливое время превращалась в непроходимую грязь. Отсутствие мостовых затрудняло очистку улиц и площадей.

Несмотря на то, что горожане не заботились о благоустройстве всего города, каждый из них обращал большое внимание на благоустройство своего дворового участка и дома. Раскопки в Байлакане установили наличие во дворах жилых домов многочисленных колодцев, служивших для поглощения нечистот. Они были вырыты в IX — X вв. и выполняли роль местной канализации. Широко применялась вымостка, причем не только в закрытых помещениях, но и в открытых дворах. Такого рода дворы существовали во всех городах Азербайджана того времени. Так, в Кабале была улица четырехметровой ширины, вымощенная обожженным кирпичом, поставленным на ребро [4]. Некоторые авторы утверждают, что в Баку также были улицы каменной вымостки [184, 35]. Крупными каменными плитами была вымощена главная площадь Дербента. Некоторые улицы Шемахи имели мощение, выполненное речным булыжником округленной формы.

В источниках упоминается о благоустроительных мероприятиях, осуществляемых государями. Рашид ад-Дин пишет, что «во всех городах (государь ислама) и областях изволит производить благоустройство и проводить оросительные протоки и подземные водопроводы» [167, 232]. На благоустройство городов, так же как и на их планировку, влияли реки, из которых брали начало каналы-арыки. Ввиду хорошего снабжения водой многие города утопали в зелени садов. Например, в Тебризе и Ардебиле наряду с кяризами использовались реки, разделенные на множество каналов и рукавов, которые шли к разным частям и улицам городов. Кроме дворовых садов, в Ардебиле, Нахичевани, Шемахе и Гяндже имелись зеленые насаждения общего пользования. В Ардебиле и Гяндже были озелененные аллеи, служившие для гуляний. Тебриз в источниках характеризуется как город многочисленных садов. Его считали «самым благоустроенным из городов обитаемой четвертой части мира» [232, 503].

Потребность городов в питьевой воде обеспечивалась через разветвленный гончарный водопровод и сеть подземных каналов-кяризов. Устройство городской кяризной системы довольно хорошо характеризуется тремя подземными водопроводами старого Баку, один из которых обеспечивал нужды шахского дворца [174]. Он имел высоту около метра и был покрыт крупными каменными плитами. Его стены были облицованы камнями получистой тески; в плитах пола проложен небольшой желобок, предназначенный для стока воды.

При устройстве кяризов и проведении гончарных водопроводов строители учитывали статическое давление водяного столба. Без этого невозможно было снабжать водой такие города, как Шемаха, Кабала, Дербент и другие, которые располагались на возвышенностях. Вполне естественно, что озеленение городов зависело от водоснабжения. При этом, как правило, шахристаны по озеленению уступали рабадам, что объяснялось незначительностью их размеров и высокой плотностью застройки.

¹ Общеизвестно, что водоснабжение одного из восточных городов — Самарканда осуществлялось посредством свинцовой трубы, проложенной специально построенной каменной аркаде еще в IX — X вв. Тогда же в Средней Азии применялось мощение улиц

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Градостроительство Азербайджана в рассматриваемый нами период (конец XIII — XVI в.) прошло очень сложный путь развития, включающий этапы подъема и упадка, которые определялись историческими условиями общественно-политической и социально-экономической жизни страны.

То, что Тебриз, Ардебиль, Султания, Шемаха и Нахичевань являлись центрами феодальных государств, создавало объективные предпосылки для более интенсивного экономического и политического развития и процветания в них культуры и искусства. Возросшее значение этих городов как административных и культурных центров, а также центров торговли и ремесленного производства способствовало проведению в них в широком масштабе градостроительных мероприятий, а именно строительства трудоемких оборонительных укреплений, монументальных ансамблей, таких, как Хашт Бехишт, культовые комплексы Газании, шейха Сефи, университетский городок Руб-и Рашиди, возникновению ряда других торгово-культовых комплексов, созданию центральных городских площадей, где нередко возвышались крупные соборные мечети, имеющие большое градостроительное значение.

Идентичные почти во всех областях Азербайджана социально-экономические условия и эстетические взгляды рождали общие черты в плане типичного для феодального общества восточного города. Характер развития плана городов служит подтверждением известного положения марксизма о том, что «на основе одной и той же формации всегда возникнут одни и те же характеры, одни и те же особенности» [4, 374]. Общими для градостроительства Азербайджана XIII — XVI вв. были разделение городов на арк (Ичкала), шахристан и рабад (Байыр шехер), компактность плана, неправильная планировка тесно застроенных кварталов, крайняя скученность, которая была порождена крепостными стенами, сдерживающими территориальный рост городов, отсутствие геометрической жесткости и симметрии в общей структуре плана, беспорядочная живописность, наличие центрической композиции в застройке. Помимо общих черт, для городов показательны индивидуальные особенности, своеобразие, вытекающие главным образом из естественно-топографических и климатических особенностей местности. Приспособление к природным условиям оказало значительное влияние на характер плана городов с их криволинейными очертаниями улиц и кварталов и способствовало образованию многоплановых перспектив.

Композиционное построение Тебриза, Ардебилля, Султании, Шемахи и Нахичевани выражается в ярком подчеркивании городских центров, выделении дворцовых и торгово-культовых комплексов. Заметна тенденция регулярности в организации крупных комплексов, общественных площадей и ансамблей. Часто в композиции крупных асимметричных ансамблей участвуют строго симметричные компоненты.

Анализ имеющихся данных позволил не только раскрыть в общих чертах характер градостроительной культуры Азербайджана, но и показать социальную сущность планировки перечисленных городов, осветить, принципы размещения определяющих их архитектурный облик важнейших зданий и сооружений, которые служили наглядным доказательством высокого мастерства строителей, многогранности их фантазии.

На основе сопоставления исторических данных с миниатюрами-изображениями изученных нами городов из рукописи XVI в., которые впервые введены в научный обиход как источник по изучению градостроительства средневекового Азербайджана, нам удалось в общих чертах воссоздать архитектурный облик этих городов, составить схематический план Шемахи с нанесением на него старых памятников. На основе зарисовки Тебриза по Насуха Матракчи, дающей определенные представления о его безвозвратно утраченных сооружениях, стало возможным изобразить известный культовый комплекс Газании в том состоянии, которое он имел в XVI в., уточнить объемно-пространственную композицию Геок-мечети и других памятников средневековья. Полученные схемы плана городов не претендуют на полноту, и дальнейшие исследования помогут еще больше углубить и развить проделанную нами работу.

Градостроительное искусство Азербайджана XIII — XVI вв., создавшее ряд уникальных архитектурных ансамблей, являет собой довольно пеструю картину. Исследование и критическое осмысление средневековых городов представляет значительный научно-познавательный интерес не только в смысле изучения исторического процесса, но и с точки зрения раскрытия художественных качеств этого наиболее сложного вида искусства феодального периода.

Проведенные нами исследования показали что градостроительство Азербайджана рассматриваемого периода обладало ясно прослеживаемым своеобразием, и тем не менее выработавшиеся в нем приемы не были изолированными и отражали взаимосвязи с градостроительством других стран Востока.

Примечания

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 4. М., 1955.
- ² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., Госполитиздат, 1963.
- ³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 2. М., 1965.
- ⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Письмо К. Маркса Ф. Энгельсу от 7 августа 1866 г. Сочинения, т. 23. М. — Л., 1930.
- ⁵ Ленин В. И. О культуре и искусстве. М., 1956.
- ⁶ Ленин В. И. О литературе и искусстве. М., 1969.
- ⁷ Авалов Э. В. Архитектура города Шуши. Баку, 1977.
- ⁸ Абд' ар-Рашид ал-Бакуви. Китаб Талхис ал-асар ва'аджа'иб ал-Маалик ал-каххар. (Издание текста, перевод, предисловие, примечание и приложения З. М. Бунятова). М., 1971.
- ⁹ Абибуллаев О. А. Остатки жилищ во втором слое поселения Кюль-Тепе около Нахичевани. МИА, т. 2, вып. 125. М. — Л., 1965.
- ¹⁰ Авхади Маррагинский. Джами-джам (на азерб. яз.). Баку, 1970.
- ¹¹ Алескерзаде А. А. О заказчике и архитекторе Восточных ворот Дворца ширваншахов в Баку (на азерб. яз.). «Уч. зап. ИВАН Азерб. ССР», т. 1, 1959.
- ¹² Алиев М. А. Об изучении исторического наследия по архитектуре .Азербайджана дореволюционного периода «ДАН Азерб. ССР», XXVII, 1971, № 1.
- ¹³ Алиев М. Г. Бани «Гаджи хаммам». ПАА, вып. 1. Москва — Баку, 1946.
- ¹⁴ Алиев Ф. М. К вопросу о ремесленных организациях в Азербайджане во второй половине XVIII в. «Изв. АН Азерб. ССР», 1957, № 8.
- ¹⁵ Ализаде А. А. Борьба Золотой Орды и государства ильханов за Азербайджан. «Изв. АН Азерб. ССР», 1946, № 5.
- ¹⁶ Ализаде А. А. Некоторые сведения о природных богатствах оседлого населения Азербайджана XIII — XIV вв. «Изв. АН Азерб. ССР», 1952, № 7.
- ¹⁷ Ализаде А. А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII — XIV вв. Баку, 1956.
- ¹⁸ Ализаде Г. М. Народное зодчество Азербайджана и его прогрессивные традиции. Баку, 1963.
- ¹⁹ Аль-Истахри. Книга путей царства. СМОМПК, вып. 29. Тифлис, 1901.
- ²⁰ Альтман М. М. Исторический очерк города Ганджи. Баку, 1949.
- ²¹ Аронин Дж. Климат и архитектура (пер. с англ. архитектора Соколова). М., 1959.
- ²² Артомонов М. И. Древний Дербент. СА, т. 8, 1946.
- ²³ Ашурбейли С. Б. Об истории сураханского храма огнепоклонников. ПАА, вып. 1. Баку, 1946.
- ²⁴ Ашурбейли С. Б. Очерк истории средневекового Баку VIII — нач. XIX в. Баку, 1964.
- ²⁵ Ахмедов Г. М. Оленкала (на азерб. яз.). Баку, 1962.
- ²⁶ Ахмедов Г. М. Средневековый город Байлакан. Автореф. докт. дисс. Баку, 1972.
- ²⁷ Ахмедов Г. М. Средневековый город Байлакан. Баку, 1980.
- ²⁸ Бабаев И. А., Ахмедов Г. М. Кабала (на азерб. яз.). Баку, 1981.
- ²⁹ Бакиханов А. А. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.
- ³⁰ Баладзори. Книга завоевания стран (текст и пер. П. К. Жузе). Баку, 1927.
- ³¹ Баранов Н. В. Композиция центра города. М., 1964.
- ³² Барбаро Иосафат. Путешествие в Тану. БИПР, т. I. СПб., 1836.
- ³³ Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903.
- ³⁴ Бартольд В. В. К истории Мерва. ЗВОРАО, т. 19. СПб., 1909.
- ³⁵ Бартольд В. В. Улугбек и его время. СПб., 1918.
- ³⁶ Бартольд В. В. Культура мусульманства. Л., 1918.
- ³⁷ Бартольд В. В. Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925.
- ³⁸ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925.
- ³⁹ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927.
- ⁴⁰ Безменов В. Извлечение из сборника сведений о древностях и достопримечательных местностях Ширвана. ИКОИА, т. 2, вып. 2. Тифлис, 1884.
- ⁴¹ Беленицкий А. М. Организация ремесла в Самарканде XV — XVII вв. КСИИМК, вып. VI. М., 1940.
- ⁴² Берг Л. С. Вопрос об изменении климата в историческую эпоху. «Природа». М., 1916.
- ⁴³ Березин И. Путешествие по Востоку. I. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань. 1849.
- ⁴⁴ Березин И. Путешествие по Северной Персии, т. 2. Казань, 1852.
- ⁴⁵ Бретаницкий Л. С. Архитектурные школы средневекового Азербайджана. ИА, т. 2. Баку, 1949.
- ⁴⁶ Бретаницкий Л. С. К изучению градостроительной культуры средневекового Азербайджана. ИА, т. VII. Баку, 1959.
- ⁴⁷ Бретаницкий Л. С. Баку. М. — Л., 1965.
- ⁴⁸ Бретаницкий Л. С. Зодчество Азербайджана XII — XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока. М., 1966.
- ⁴⁹ Бретаницкий Л. С., Мамиконов Л. Г., Ревазов У. Б. Лагич. СЭ, 1964, № 3.
- ⁵⁰ Бретаницкий Л. С., Саламзаде А. В. Кировабад. М., 1960.
- ⁵¹ Бунин А. В. История градостроительного искусства, т. I. М., 1953.
- ⁵² Бунин А. В. Особенности архитектурно-планировочного развития средневековых городов Центральной и Западной Европы. В сб.: «Исследования по истории архитектуры и градостроительства». М., 1964.
- ⁵³ Бунин А. В., Ильин Л. А., Поляков Н. Х., Шквариков В. А. Градостроительство. М., 1945.
- ⁵⁴ Бунин А. В., Круглова М. Г. Архитектура городских ансамблей ренессанса. М., 1935.
- ⁵⁵ Ваидов Р. М. Археологические работы в Мингечауре в 1950 г. КСИИМК, вып. 46. М., 1952.
- ⁵⁶ Варганесов И. Л. Жилые дома Ордубада XVIII — XIX вв. ПАА, вып. 2. Баку, 1950.
- ⁵⁷ Варганесов И. Л., Шаринский Т. Я. Ханская дача в селении Нардаран. ААЭН, 1947.
- ⁵⁸ Воронина В. Л. Об узбекских банях. СЭ, 1951, № 1.
- ⁵⁹ Всеобщая история архитектуры, т. I. М., 1958.
- ⁶⁰ Всеобщая история архитектуры, т. V. М., 1967.
- ⁶¹ Всеобщая история архитектуры, т. III. М., 1969.
- ⁶² Всеобщая история архитектуры, т. VIII. М., 1969.

- ⁶³ Галеркина О. И. Материальная культура Средней Азии и Хорасана XV — XVII вв. по данным миниатюр ленинградских собраний. Автореф. канд. дисс. М. — Л., 1951.
- ⁶⁴ Гейдаров М. Х. Ремесленное производство в городах Азербайджана XVII в. Баку, 1967.
- ⁶⁵ Геюшев Р. Б. Керамика города Кабалы. Автореф. канд. дисс. Баку, 1962.
- ⁶⁶ Гибберд Ф. Градостроительство. М., 1959.
- ⁶⁷ Гияси Д. А. Тебризская архитектурная школа (XIII — XVII вв.). Автореф. канд. дисс. Баку, 1978.
- ⁶⁸ Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе, ч. 3. СПб., 1785.
- ⁶⁹ Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии. М. — Л., 1941.
- ⁷⁰ Грушка Э. Развитие градостроительства. Братислава, 1963.
- ⁷¹ Гулямов Я. Г. К вопросу о традиции архитектурных ансамблей в городах Средней Азии XV в. В сб.: «Великий узбекский поэт» Ташкент, 1948.
- ⁷² Гусейнзаде А. Ярлык XIII в. о нахичеванских медресе. «ДАН Азерб. ССР», XVI, 1960, № 12.
- ⁷³ Гусейнов А. Н. Ценный документ по истории города Баку (на азерб. яз.). ТМИА, т. 5. Баку, 1962.
- ⁷⁴ Дадашев С. А., Усейнов М. А. Архитектурные памятники Баку. М., 1946.
- ⁷⁵ Дадашев С. А., Усейнов М. А. Ханский дворец в Баку. ПАА, вып. I. Баку, 1946.
- ⁷⁶ Делили Г. А. Тебризский базар (на азерб. яз.). «Элм ве хаят», 1970, № 8.
- ⁷⁷ Делили Г. А. О Тебризской крепости и оборонительных укреплениях (XIII — XIX вв.). «Изв. АН Азерб. ССР, серия истории, философии и права», 1973, № 1.
- ⁷⁸ Джафарзаде И. М. Историко-археологический очерк старой Гянджи. Баку, 1949.
- ⁷⁹ Джафарзаде И. М. Краткие сведения об археологических работах в Нахичеванской АССР (на азерб. яз.). «Изв. АН Азерб. ССР», 1949, № 5.
- ⁸⁰ Джидди Г. А. Крепость Гюлистан (на азерб. яз.). Баку, 1967.
- ⁸¹ Джидди Г. А. Об истории шемахинской Джума-мечети (на азерб. яз.). «ДАН Азерб. ССР», 1976, № 6.
- ⁸² Джидди Г. А. Средневековый город Шемаха IX — XVII вв. Баку, 1981.
- ⁸³ Дибадж И. Рахнема-йе асар-е тарихи-йе Азербайджане шарги (на перс. яз.). Тебриз, 1955.
- ⁸⁴ Дорн Б. Отчет об ученом путешествии по Кавказу. СПб., 1861.
- ⁸⁵ Жуковский А. Неизданные древности Баку. «Архитектурный вестн.». СПб., 1859, № 1.
- ⁸⁶ Залеская Л. С. Курс ландшафтной архитектуры. М., 1964.
- ⁸⁷ Заходер Б. Н. История восточного средневековья. М., 1944.
- ⁸⁸ Зевакин Е. Азербайджан в начале XVIII в. Дополнение. Конфликт России с Персией в середине XVII столетия. ИООА, вып. IV. Баку, 1929, № 8.
- ⁸⁹ Зейдлиц Н. Три магала — Нахичеванский, Ордубадский и Даралагезский. Сб. сведений о Кавказе, т. 8. Тифлис, 1880.
- ⁹⁰ Зелинский С. П. Описание города Шемахи. Тифлис, 1896.
- ⁹¹ Ибн-ал-Асир. Тарих ал-Камиль. Баку, 1940.
- ⁹² Ибн-ал-Факих. Книга о странах. СМОМПК, вып. 31. Тифлис, 1902.
- ⁹³ Ибн-Хордадбех. Книга путей и царств. СМОМПК, вып. 32. Тифлис, 1902.
- ⁹⁴ Ибрагимов Д. М. Феодальные государства на территории Азербайджана XV века. Автореф. докт. дисс. Баку, 1963.
- ⁹⁵ Иессен А. А. Новые данные для истории Азербайджана по работам Оренкалинской экспедиции 1953 — 1955 гг. ТМИА, т. 2. Баку, 1957.
- ⁹⁶ Иессен А. А. Городище Орен-Кала. МИА, вып. 67. М — Л., 1959.
- ⁹⁷ Иконников А. В. Эстетическое значение структуры города. В сб.: «Город и время». М., 1973.
- ⁹⁸ Исмизаде О. Ш. Кабала — столица древней Кавказской Албании. ВИКА. Баку, 1962.
- ⁹⁹ Кавказский календарь на 1885 г.
- ¹⁰⁰ Казвини Хамдаллах Нузхат ал-кулуб. (Услада сердец). НАИИ АН Азерб. ССР, инв. № 532.
- ¹⁰¹ Казвини Хамдаллах. Нузхат ал-кулуб. (Услада сердец). НАИИ АН Азерб. ССР, инв. № 533.
- ¹⁰² Кампанелла Т. Город Солнца. М., 1954.
- ¹⁰³ Керимов К. Д. Султан Мухаммед и его школа. М., 1970.
- ¹⁰⁴ Клавихо Г. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403 — 1406 гг. СПб., 1881.
- ¹⁰⁵ Козубский Е. И. История города Дербента. Темир-Хап-Шура, 1906.
- ¹⁰⁶ Кокаш и Текандер. Путешествия в Персию через Московию 1602 — 1603 гг. (пер. с нем. А. Станкевича).
- ¹⁰⁷ Контарини А. Путешествие. БИПР, т. 1. СПб., 1836.
- ¹⁰⁸ Котов Ф. Хождение купца Ф. Котова в Персию. М., 1958.
- ¹⁰⁹ Кочнев Б. Д. Мусалла Средней Азии и их место в исторической топографии феодального города. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1971.
- ¹¹⁰ Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950.
- ¹¹¹ Лебединский Г. А. Персия (историко-географический очерк). М., 1901.
- ¹¹² Левиатов В. Н. К истории Дворца ширваншахов в Баку. «Изв. АзФАН СССР», 1940, № 5.
- ¹¹³ Левиатов В. Н. Результаты археологических раскопок на территории Дворца ширваншахов. «Изв. АзФАН СССР», 1945, № 1.
- ¹¹⁴ Левиатов В. Н. Раскопки на территории Дворца ширваншахов. ПАА, вып. I. Баку, 1946.
- ¹¹⁵ Левиатов В. Н. О типах глазурованной керамики Азербайджана в VII — XV вв. «Изв. АН Азерб. ССР», 1947, № 7.
- ¹¹⁶ Левиатов В. Н. Археологические раскопки 1945 г. при Дворце ширваншахов в Баку. «Изв. АН Азерб. ССР», 1948, № 1.
- ¹¹⁷ Левиатов В. Н. Археологические раскопки близ Дворца ширваншахов. МКА, т. 1, 1949.
- ¹¹⁸ Мамедбеيلي М. Н. Лагич. Особенности планировки и застройки. Канд. дисс. Баку, 1979.
- ¹¹⁹ Мамедов Р. А. Ближневосточные и западноевропейские путешественники об истории Нахичевани в период средневековья (на азерб. яз.). «Изв. АН Азерб. ССР, серия общ. наук», 1962, № 4.
- ¹²⁰ Мамедов Р. А. Очерк истории города Нахичевани в период средневековья (X — XV вв.) (на азерб. яз.). Канд. дисс. Баку, 1964.
- ¹²¹ Мамедов Р. А. Очерк истории города Нахичевани (на азерб. яз.). Баку, 1977.
- ¹²² Манандян Я. А. О торговле в городах Армении и связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954.
- ¹²³ Маршал фон Биберштейн. Описание провинций, расположенных на левом берегу Каспийского моря между реками Терек и Кура (пер. с франц. яз. С. Б. Ашурбеили). НАИИ АН Азерб. ССР, инв. № 467.
- ¹²⁴ Месхиа Ш. А. Города и городской строй феодальной Грузии XVII — XVIII вв. Тбилиси, 1959.
- ¹²⁵ Мещанинов И. И. Краткий осведомительный отчет о работе Мильской экспедиции в 1933 г. Тр. АзФАН СССР, т. XXV, 1936.
- ¹²⁶ Миклухо-Маклай Н. Д. Географическое сочинение XIII в. Уч. зап. ИВАН СССР, т. IX, 1954.
- ¹²⁷ Минаев И. П. Путешествие Марко Поло (под ред. В. В. Бартольда), 1902.

- ¹²⁸ Минкевич-Мустафаева Н. В. К изучению ремесленного квартала города Байлакана. «Изв. АН Азерб. ССР, серия общ. наук», 1959, № 3.
- ¹²⁹ Минорский В. М. История Ширвана и Дербента X — XI вв. М., 1963.
- ¹³⁰ Михайлов Б. П. Витрувий и Эллада. В кн.: «Основы античной теории архитектуры». М., 1967.
- ¹³¹ Мукаддаси. Лучшее из делений познания климатов. СМОМПК, вып. 38. Тифлис, 1908.
- ¹³² Мусеви Т. М. Средневековые документы по истории Баку (на азерб. яз.). Баку, 1967.
- ¹³³ Мухаммед ибн-Хиндушах Нахичевани. Дастан ал-катиб фи тайин ал-маратиб. М., 1971.
- ¹³⁴ Надеждин П. Природа и люди на Кавказе и за Кавказом. СПб., 1869.
- ¹³⁵ Насух Матрачки. Описание этапов похода султана Сулеймана в Иран и Азербайджан 944 (1537)(на турец. яз.). Биб-ка Стамбул, ун-та, № 2295/35.
- ¹³⁶ Нейматова М. Х. К изучению истории Ширвана в XIV — XVI вв. (на азерб. яз.). Баку, 1959.
- ¹³⁷ Никитин А. И. Хождение за три моря (1466 — 1472 гг.). М. — Л., 1958.
- ¹³⁸ Никитин К. А. Город Нахичевань и Нахичеванский уезд. СМОМПК, вып. 32, отд. 1. Тифлис, 1882.
- ¹³⁹ Нуриева А. Я. Зодчество Апшерона XVII — XVIII вв. Автореф. канд. дисс. Баку, 1964.
- ¹⁴⁰ Обзорение Российских владений за Кавказом, ч. 3. СПб., 1836.
- ¹⁴¹ Олсари А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
- ¹⁴² Онуллахи С. Памятники Тебриза (на англ. яз.) «Гобустан», 1971, № 9.
- ¹⁴³ Орбели И. Баня скоморохов XII в. ПЭР. Л., 1938.
- ¹⁴⁴ Павлинов А. И. Баку. МАК, вып. 3. 1896.
- ¹⁴⁵ Пахомов Е. А. Отчеты. «Изв. АзФАН СССР», 1938, № 3.
- ¹⁴⁶ Пахомов Е. А. Крепость Гюлистан близ Шемахи «Изв. АзФАН СССР», 1944, № 5.
- ¹⁴⁷ Пахомов Е. А. Старинные оборонные сооружения Апшерона. ТИИАНА, т. 1. Баку, 1947.
- ¹⁴⁸ Пахомов Е. А. Твердыня Ширвана эпохи Низами. В сб.: «Низами», вып. 1. Баку, 1949.
- ¹⁴⁹ Петрушевский И. П. Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья. «Изв. АН Азерб ССР», вып. 4. М. — Л., 1937.
- ¹⁵⁰ Петрушевский И. П. Вафные имения ардебильского мезара в XVII в. ТИИАНА, т. 1. Баку, 1947.
- ¹⁵¹ Петрушевский И. П. Городская знать в государстве Хулагидов. СВ, т. 5. 1948.
- ¹⁵² Петрушевский И. П. Азербайджан в XVI — XVII вв. Сб. статей по истории Азербайджана, вып. 1. Баку, 1949.
- ¹⁵³ Петрушевский И. П. Государства Азербайджана в XV в. Сб. статей по истории Азербайджана, вып. 1. Баку, 1949.
- ¹⁵⁴ Петрушевский И. П. Восстание городской бедноты в Тебризе в 1571 - 1573 гг. Сб. статей по истории Азербайджана, вып. 1. Баку, 1949.
- ¹⁵⁵ Петрушевский И. П. Рашид ад-Дин и его исторический труд, т. 1. М, 1952.
- ¹⁵⁶ Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII — XVI вв. М. — Л., 1960.
- ¹⁵⁷ Пигулевская И. М., Якубовский А. Ю. и др. История Ирана с древнейших времен до конца XIII в. Л., 1958.
- ¹⁵⁸ Полянский Ф. Я. Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы XIII — XIV вв. М., 1952.
- ¹⁵⁹ Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. ЮТАКЭ, т. 6, 1958.
- ¹⁶⁰ Пугаченкова Г. А. Восточная миниатюра как источник по истории архитектуры XV — XVI вв. В сб.: «Архитектурное наследие Узбекистана». Ташкент, 1960.
- ¹⁶¹ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Бухара. М., 1949.
- ¹⁶² Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958.
- ¹⁶³ Путешествие кавалера Шардена по Закавказью в 1672 — 1673 гг. (пер. с франц. яз. Е. Бакутовой и Д. Ноговича). КВ, № 7, 9. Тифлис, 1901.
- ¹⁶⁴ Путешественники об Азербайджане, т. 1. (сост. З. И. Ямпольский). Баку, 1961.
- ¹⁶⁵ Ратия Ш. Е. Мечеть Биби-ханым в Самарканде. М., 1960.
- ¹⁶⁶ Рахмани А. А. «Тарихи алам арайи Аббаси» как источник по истории Азербайджана. Баку, 1960.
- ¹⁶⁷ Рашид ад-Дин. Джамии ат-таварих. (Сб. летописей), т. 3. Баку, 1957.
- ¹⁶⁸ Рзаев Н. Северные ворота крепостных стен города Баку. ПАА. Баку, 1950.
- ¹⁶⁹ Рубрук В. Путешествие в восточные страны. М., 1911.
- ¹⁷⁰ Салаева Р. Д. Градостроительная структура города Ордубада XVII — XVIII вв. «Изв. АН Азерб. ССР, серия истории, философии и права», 1966, № 3.
- ¹⁷¹ Салаева Р. Д. Культурные сооружения в жилой застройке городов Азербайджана. «Изв. АН Азерб. ССР, серия истории, философии и права», 1971, № 1.
- ¹⁷² Салаева Р. Д. Градостроительство Азербайджана XVII — XVIII вв. Канд. дисс. Баку, 1972.
- ¹⁷³ Саламзаде А. В. Гробница «Дири-Баба» в сел. Маразы. «Изв. АН Азерб. ССР, серия общ. наук», 1949, № 7.
- ¹⁷⁴ Саламзаде А. В. О Бакинском водопроводе феодального периода. «ДАН Азерб. ССР», XXII, 1956, № 3.
- ¹⁷⁵ Саламзаде А. В. Торговый комплекс в Баку. «ДАН Азерб. ССР», XII, 1956, № 1.
- ¹⁷⁶ Саламзаде А. В. Архитектурный комплекс в Ардебиле и некоторые вопросы генезиса средневекового зодчества Азербайджана. ИА, т. V. Баку, 1956.
- ¹⁷⁷ Саламзаде А. В. Градостроительство Азербайджана в XVI — XIX вв. ИА, т. 7. Баку, 1959.
- ¹⁷⁸ Саламзаде А. В. Архитектура Азербайджана XVI — XIX вв. Баку, 1964.
- ¹⁷⁹ Саламзаде А. В. Новые материалы по истории азербайджанской архитектуры. Сб. исследований и мат-лы по архитектуре и искусству Азербайджана. Баку, 1966.
- ¹⁸⁰ Саламзаде А. В., Авалов Э. В., Салаева Р. Д. Проблемы сохранения и реконструкции исторических городов Азербайджана. Баку, 1979.
- ¹⁸¹ Саламзаде А. В., Джидди Г. А. Крепостные стены и градостроительная структура средневековой Шемахи (на азерб. яз.). «Изв. АН Азерб. ССР, серия истории, философии и права», 1973, № 1.
- ¹⁸² Саламзаде А. В., Керимов К. Д. Тебризская миниатюрная живопись и Солтан Мухаммед. «Изв. АН Азерб. ССР, серия общ. наук», 1959, № 5 (на азерб. яз.).
- ¹⁸³ Саламзаде А. В., Садыхзаде А. А. и др. Некоторые памятники Шемахинского района. ПАА, вып. 1. Баку, 1946.
- ¹⁸⁴ Саламзаде А. В., Садыхзаде А. А. Жилье Азербайджана в XVIII — XIX вв. (на азерб. яз.). Баку, 1961.
- ¹⁸⁵ Саламова С. Б. Исторический очерк города Баку в период средневековья. Автореф. канд. дисс. Баку, 1949.
- ¹⁸⁶ Сарабский Г. К. Старый Баку (на азерб. яз.). Баку, 1958.
- ¹⁸⁷ Смоляков П. Т. Климат и его изменения. Казань, 1948.
- ¹⁸⁸ Стоклицкая-Терешкович В. В. Основные проблемы истории средневекового города. М., 1960.
- ¹⁸⁹ Стрейс Я. Я. Три путешествия. М., 1935.

- ¹⁹⁰ Сысоев В. М. Краткий очерк истории Азербайджана. Баку, 1925.
- ¹⁹¹ Сысоев В. М. Барда. «Изв. Азкомстариса», 1926, № 2.
- ¹⁹² Сысоев В. М. Баку прежде и теперь. Баку, 1928.
- ¹⁹³ Сысоев В. М. Нахичевань-на-Араксе и древности Нахичеванской АССР. «Изв. Азкомстариса», вып. 4, 1929.
- ¹⁹⁴ Ташчян Л. П. Средневековая Барда в период расцвета. «Изв. АН Азерб. ССР», 1946, № 9.
- ¹⁹⁵ Тверской Л. М. Русское градостроительство до конца XVII в. М., 1953.
- ¹⁹⁶ Тизенгаузен В. О мечети Алишаха в Тебризе. ЗВОРАО, т. 1, вып. 1 - 2. СПб, 1887,
- ¹⁹⁷ Точилов В. Об овданах Апшерона. «Изв. АН Азерб. ССР», 1951, № 1.
- ¹⁹⁸ Груды азербайджанской (оренкалинской) археологической экспедиции, тт. 1 — 3. М. — Л., 1959 — 1965.
- ¹⁹⁹ Усейнов М. А. Памятники азербайджанского зодчества. М, 1951.
- ²⁰⁰ Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М, 1963.
- ²⁰¹ Фазили А. Древняя история Азербайджана в современной иранской историографии (на азерб. яз.). Баку, 1970.
- ²⁰² Фатуллаев Ш. С. Джума-мечеть в гор. Шемахе (VIII — XX вв.). «Изв. АН Азерб. ССР, серия истории, философии и права», 1973, № 1.
- ²⁰³ Фигуровский И. Ф. Климатическое районирование Азербайджана, т. 1. Баку, 1926.
- ²⁰⁴ Фридолин П. П. Заметки о ремесленных организациях средневекового Востока и Запада. «Изв. АН Азерб. ССР», 1948, № 7.
- ²⁰⁵ Халилов Дж. А., Бабаев И. А. О возникновении и развитии городов Кавказской Албании античной эпохи (тезисы). Баку, 1971.
- ²⁰⁶ Халпахчян О. Х. Средневековые бани Армении. СА, 1960, № 1.
- ²⁰⁷ Халпахчян О. Х. Гражданское зодчество Армении. М., 1971.
- ²⁰⁸ Хамави Якут. Извлечения из географического словаря (пер. с араб. с предисловием П. К. Жузе). НАИИ АН Азерб. ССР, инв. № 504.
- ²⁰⁹ Хан-Магомедов С. О. Дербент. М., 1958.
- ²¹⁰ Хан-Магомедов С. О. Медресе комплекса Джума-мечети в Дербенте. «Архитектурное наследство». М., 1967, № 16.
- ²¹¹ Хан-Магомедов С. О. Архитектура южного Дагестана V — XIX вв. Автореф. докт. дисс. М, 1968.
- ²¹² Хан-Магомедов С. О. Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. М., 1979.
- ²¹³ Харат Г. Венецианец Марко Поло. М., 1956.
- ²¹⁴ Челеби О. Путешествие (на турец. яз.), т. 2. Стамбул, 1314 г. х.
- ²¹⁵ Шарифли М. Из истории города Шемахи (на азерб. яз.). «Изв. АзФАН СССР», 1944, № 8.
- ²¹⁶ Шахмалиев Э. М. Сообщение итальянцев об экономическом состоянии Азербайджана в первой четверти XVI в. «Уч. зап. АГУ им. С. М. Кирова», 1956, № 1.
- ²¹⁷ Шахский дворец в Баку. Ж. Министерства внутренних дел, ч. IV. СПб., 1832.
- ²¹⁸ Шелейховский Г. В. Микроклимат южных городов. М., 1940.
- ²¹⁹ Шмидт Г. Архитектура улицы. «Архитектура СССР», 1936, № 6.
- ²²⁰ Шопен И. И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПб., 1852.
- ²²¹ Шуази О. История архитектуры, тт. 1, 2. М., 1937.
- ²²² Шеблыкин И. П. Дворец ширваншахов в Баку (на азерб. яз.). Баку, 1939.
- ²²³ Шеблыкин И. П. Краткий очерк истории Дворца ширваншахов в Баку. Баку, 1939.
- ²²⁴ Шеблыкин И. П. Памятники азербайджанского зодчества эпохи Низами. (Материалы). Баку, 1943.
- ²²⁵ Шеблыкин И. П. Архитектурно-строительные остатки Кабалы. «Изв. АзФАН СССР», 1945, № 1.
- ²²⁶ Шеблыкин И. П. Средневековые азербайджанские города Орен-Кала и Кабала. В сб.: «Низами», т. 4. Баку, 1947.
- ²²⁷ Шеблыкин И. П. Горчакова Н. Г. Ганджа XII в. ААЭН. Москва — Баку, 1947.
- ²²⁸ Энгельгардт В. А. Описание города Нахичевани. Газ. «Кавказ», 1851, № 36.
- ²²⁹ Энциклопедия «Искусство стран народов мира», т. 1. М., 1962.
- ²³⁰ Энциклопедия «Строительство», т. 2. М., 1964.
- ²³¹ Эссад Д. Константинополь. М., 1919.
- ²³² Эфендиев О. А. Азербайджанское государство Сефевидов в XVI в. Докт. дисс. Баку, 1968.
- ²³³ Якобсон А. Л. Раскопки на городище Орен-Кала в 1953 — 1955 гг. МИА, т. 1, вып. 67. М — Л., 1959.
- ²³⁴ Якобсон А. Л. Археологические исследования на городище Орен-Кала в 1957 г. МИА, т. 3, вып. 133. М. — Л, 1965.
- ²³⁵ Якубовский А. Ю. Самарканд при Тимуре и Тимуридах. Л., 1933.
- ²³⁶ Якубовский А. Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке. Л, 1933.
- ²³⁷ Якубовский А. Ю. Мастера Ирана в Средней Азии при Тимуре. М. — Л, 1939.
- ²³⁸ Aslanapa O. Türkisch art and architecture. London, 1971.
- ²³⁹ Avre 1 le Philippe. Curieuse Reise durch unterschiedenc Staaten in Europa und Asia. Hamburg, 1705.
- ²⁴⁰ Bahrami Mehdi. Rechevches sur le carreaux de revetement dans la ceramique persane du XII — XV siecle. Paris, 1937.
- ²⁴¹ Beaudouin E. E., Pope A. U. City plans. SPA New York, London, 1965.
- ²⁴² Be 1 ls J. Reisen von Petersburg in verschiedene. Gegenden Asiens. Hamburg, 1787.
- ²⁴³ Browne E. G. A literary history of Persia, vol. 3. Cambridge, 1928.
- ²⁴⁴ Çelebi E. Seyahatnamesi, çilt 4. Istanbul, 1949.
- ²⁴⁵ Chardin. Voyages du chevalier Chardin en Perse, vol. 2. Paris, 1811.
- ²⁴⁶ Charef-ouddine. Charef-Nameh, v. 2, 1873.
- ²⁴⁷ Cornelis de Bruins. Reizen over Moskovie door Perse. Amsterdam, 1711.
- ²⁴⁸ Coste P. Monuments modernes de la Perse. Paris, 1871.
- ²⁴⁹ Curzon G. N. Perse and the Persian question, vol. 1. London, 1892.
- ²⁵⁰ Dapper O. Beschreibung des Königreichs Persiens aus unterschiedenen alten und neuen Land- und Reisebeschreibungen. Nürnberg, 1681.
- ²⁵¹ Enzyklopaedie des İslam, v. 2, 3, 4. Leiden, 1913 — 1936.
- ²⁵² Freugang F. Letters sur le Caucase et la Georgie suivies d'une relation d'un voyage en Perse en 1812. Hamburg, 1816.
- ²⁵³ Gmelin. Reise durch Russland zur Untersuchung des drei Natur.
- ²⁵⁴ Godard A. L'art de l'Iran. Paris, 1962.
- ²⁵⁵ Gadard A. The mausoleum of Oljeltü at Sultaniya. SPA, New York, London, 1965 (Oxford, 1939, vol. II).
- ²⁵⁶ Hammer-Purgstall J. Geschichte der Uchane, Bd. 2. Darmstadt, 1843.
- ²⁵⁷ Herbert T. Travels in Persia 1627 — 1629. London, 1928.
- ²⁵⁸ Houtum-Schindler r A. Reisen in nordwestlichen Persien. Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde, Bd 28. Berlin, 1883.
- ²⁵⁹ Hüseyin Yurdaydin. Matraki Nasuh. Ankara Universitesi Basimevi. Ankara, 1963.

- ²⁶⁰ Islam Ansiklopedisi, cilt 2. Istanbul, 1961.
- ²⁶¹ Islam Ansiklopedisi, cilt 5. Istanbul, 1950.
- ²⁶² Jacob, Morier. Second voyage en Perse, en Armenie et dans l'Asie mineure. Paris, 1818.
- ²⁶³ Jacobsthal. Backsteinbauten zu Nachtschewan in Araxesthale. Berlin, 1899.
- ²⁶⁴ Jahn Karl. Täbris ein mittelalterliche Kulturzentrum zwieschen Ost und West. Osterreichische Akademie der wissenshaften. Wien—Köln, 1968.
- ²⁶⁵ Jaubert P. A. Voyage en Armenie et en Perse. Paris, 1821.
- ²⁶⁶ Kempfer E. Amoenitatum exoticarum politicophysicomedicarum fasciculi. Lemgovial, 1712.
- ²⁶⁷ Laurence Lockhart. Famous cities or Iran. London, 1960 (1939).
- ²⁶⁸ Lerche J. J. Lebens-und Reisegeschichte von ihm selbst Beschreiben. Halle. 1791.
- ²⁶⁹ Minorsky V. Sultaniya. Enzyklopaedie des Islam. Bd 4. Leiden, 1934.
- ²⁷⁰ Minorskv V. Tabris. Enzyklopaedie des Islam, Bd 4. Leiden, 1934.
- ²⁷¹ Ousley William. Travels'in various countries, vol. 3. London, 1823.
- ²⁷² Sarre F. Denkmäler persischer Baukunst. Berlin, 1901 — 1910.
- ²⁷³ Seyahatnameyi Ibni Batuta. Mehmet Serif tercümesi, .çilt I. Istanbul, 1335.
- ²⁷⁴ Sayı i Aydın.Garan Han Rasathanesi. Türk tarih kurumu Belle-teni, cilt 10. Ankara, 1946.
- ²⁷⁵ Spuler B. Mongolen in Iran. Berlin, 1955.
- ²⁷⁶ Strange Le. The Lands of the Eastern Caliphate, Mesopotamia Persia and Central Asia from the Moslem Conquest the Time of Timur. London,1966.
- ²⁷⁷ Tavernier J. B. Vierzig Jährige Reisebeschreibung in dreien Teilen.Nürnberg, 1681.
- ²⁷⁸ Wilber D. The architecture of Islamic Iran. The likhanid period. Princeton. 1955.
- ²⁷⁹ Wirth E. Zum problem des Bazars. Der Islam, Bd 51, H. 1/2 Berlin, 1974.

Архивные материалы

ЦГВИА, ф. 349, т. 44, № 54, on 2, д. 1971, 2002, 1959, 6055, 6057; on. 44, д. 57;
 ф. 446, д. 123, 148, 160, 149;
 ф. ВУА, д. 6172, 21665, 21888, 21938, 22216; коллекция 418, д. 808.

Принятые сокращения

- ААО — Архитектура Азербайджана (очерки). Баку, 1952.
ААЭН — Архитектура Азербайджана эпохи Низами. Москва — Баку.
БИПР — Библиотека иностранных путешествий по России. СПб.
ВИА — Всеобщая история архитектуры.
ВИКА — Вопросы Кавказской Албании. Баку.
ЗВОИРАО — Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества.
ЗКОИРГО — Записки Кавказского отделения русского Императорского географического общества.
ИА — Искусство Азербайджана.
ИААО — Известия Азербайджанского археологического общества.
ИКОИА — Известия Кавказского общества истории и архитектуры.
ИООИА — Известия общества обследования и изучения Азербайджана.
КВ — Кавказский вестник.
МАК — Материалы по археологии Кавказа.
НАИИ АН Азерб. ССР — Научный архив Института истории Академии наук Азербайджанской ССР.
ПАА — Памятники архитектуры Азербайджана.
ПЭР — Памятники эпохи Руставели. Л., 1938.
СВ — Советское востоковедение.
СЭ — Советская этнография.
ТИИАНА — Труды Института истории Академии наук Азербайджанской ССР.
ТИК — Третий Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. М. — Л., 1939.
ТМИА — Труды музея истории Азербайджана.
ЮТАКЭ — Южнотуркменская археологическая комплексная экспедиция.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Глава I. ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА ГОРОДОВ АЗЕРБАЙДЖАНА КОНЦА XIII — XVI вв
Социально-экономические и исторические факторы, определившие возникновение и сложение городов

Влияние природно-климатических условий на сложение общей структуры городов

Роль оборонительной системы городов в сложении их планировки

Глава II. ГОРОДА ЭПОХИ И ТИПЫ ИХ АРХИТЕКТУРНЫХ СООРУЖЕНИЙ

Градостроительная характеристика главных городов

Типы архитектурных сооружений эпохи

Глава III СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ГОРОДА И БЛАГОУСТРОЙСТВО

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Видади Гәбибуллаһ оғлу Мурадов
XIII — XVI ӨСРЛӘРДӘ АЗӘРБАЙҶАНДА ШӘһӘРСАЛМА

Видади Гәбибуллаһ оғлу Мурадов
ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО АЗЕРБАЙДЖАНА XIII — XVI ВВ.

Редактор издательства **М. Василенко**
Художник **В. Мамедов**
Художественный редактор **Ф. Сафаров**
Технический редактор **Т. Гасанова**
Корректор **С. Гасимова**
ИБ № 908

Сдано в набор 26.04. 84. Подписано к печати 26.12.84. ФГ 05587. Формат
бумаги 60X90¹/₁₆. Бумага типографская №1. Гарнитура шрифта литератур-
ная. Печать высокая. Усл. печ. лист 8,25. Усл. кр.-отт. 8,25. Уч.-изд. лист 8,67.
Тираж 1000. Заказ 653. Цена 1 руб. 30 коп.

Издательство «Элм».

370143 Баку-143, проспект Нариманова, 31, Академгородок, Главное здание.

Новая книжная типография Государственного комитета Азербайджанской ССР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли. Баку, ул. Али Таги-заде, 4.